

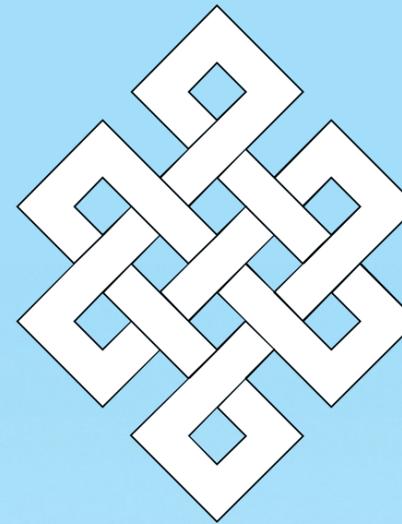
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2016

№ 3

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

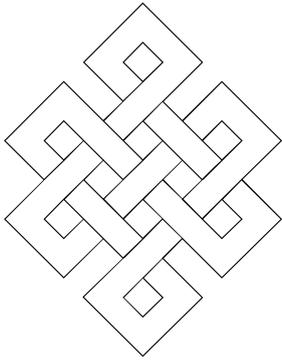
№3
2016

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

www.nit.tuva.asia

БУЯН-БАДЫРГЫ

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2016

№ 3

www.nit.tuva.asia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Левин Теодор, Дартмаус колледж, США

Юдин Борис Григорьевич, Институт философии Российской академии наук

Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич, Республика Тыва, Россия

Донахо Брайан, Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия

Мажитов Саттар Фазылович, Международный институт интеграции социогуманитарных исследований "Интеллект Орда", Казахстан

Отрощенко Иванны Витальевна, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины

Луков Валерий Андреевич, Московский гуманитарный университет

Попков Юрий Владимирович, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Захаров-Гезехус Илья Артемьевич, Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова Российской академии наук

Дацышен Владимир Григорьевич, Сибирский федеральный университет, Россия

Федотова Валентина Гавриловна, Институт философии РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хомушку Ольга Матпаевна, Тувинский государственный университет, Россия

Монгуш Марина Васильевна, Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Россия

Намуева Людмила Васильевна, Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

Балакина Галина Федоровна, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук,

Сузукей Валентина Юрьевна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Харунова Марианна Монге-Байыровна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Макаров Владимир Сергеевич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажая Чимиза Кудер-ооловна, Московский гуманитарный университет, Россия

Издатель - редакция журнала «Новые исследования Тувы».

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Индексация журнала: РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar.

В оформлении обложки номера использована фотография Май-оола Чооду, Тува, Россия

ISSN 2079-8482

EDITORIAL COUNCIL

Theodore Levin, Dartmouth College, United States

Boris G. Yudin, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia

Kaadyr-ool A. Bicheldey, Republic of Tyva, Russian Federation

Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

Sattar F. Mazhitov, International Institute for integration of social and humanitarian studies "Intellect Horde", Kazakhstan

Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

Valery A. Lukov, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

I'ia A. Zakharov-Gezekhus, Vavilov Institute of General Genetics Russian Academy of Science, Russian Federation

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation

Valentina G. Fedotova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

Marina V. Mongush, D. Likhachev Institute Cultural and Natural Heritage, Russian Federation

Lyudmila V. Namruева, Kalmyk Institute for the Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Galina F. Balakina, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Valentina Yu. Suzukey, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Marianna M.-B. Harunova, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

CHIEF EDITOR

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Publisher - Editorial Board of the journal «The New Research of Tuva».

New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.

The journal is published quarterly.

Cover photo by May-ool Choodu (Tuva, Russia)

© Авторы статей
© «Новые исследования Тувы», 2016 г., составление

Специальная тема выпуска
«**Новые материалы по истории
Тувинской народной республики
(1921–1944)**»

Ответственный редактор — доктор
исторических наук **Н. М. Моллеров**,
Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-экономических
исследований.

Special theme issue of
“**The new data on the history
of the Peoples Republic of Tuva
(1921-1944)**”

Edited by **Nikolay M. Mollerov**,
Doctor of History,
Tuvan Institute for the Humanities
and Applied Socioeconomic Studies,
Kyzyl, Tuva, Russia.

История

History

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОМИНТЕРНА В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920-Е ГГ.

SOVIET DIPLOMATS AND COMINTERN REPRESENTATIVES IN PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA IN THE 1920s

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Nikolai M. Mollerov

Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies

В статье впервые исследована роль дипломатов советской России и представителей Коммунистического Интернационала в развитии советско-тувинских отношений в первое десятилетие существования молодого тувинского государства — Тувинской народной республики — в 1920-е годы. Отмечается, что советское дипломатическое представительство в Туве прошло путь от представительства интересов советской воинской части до представительства интересов советского государства. Просматриваются два этапа: с начала 1920-х годов до 1927 г. советские представители в основном придерживались политики невмешательства во внутренние дела Тувы, но затем перешли к более активным действиям, обеспечившим приход к власти политиков левого крыла Тувинской народно-революционной партии.

Советское государство начало оказывать Туве покровительство в международных вопросах, осуществлять по отношению к ней политику поддержки и опеки в соответствии с п. 2 Конституции Тувинской Народной Республики (ТНР). На основе источников автор прослеживает назначения, смены, особенности деятельности ряда представителей и

This is the first study of the role Soviet diplomats and representatives of the Communist International (Comintern) played in the Soviet-Tuvan relations during the first decade after the emergence of the young Tuvan state – People's Republic of Tuva (1920s). From representing the interests of a small military mission, the Soviet diplomatic office in Tuva evolved into a full-scale embassy of the Soviet state. Its history clearly falls into two stages: from early 1920s to 1927 Soviet mission members largely abstained from interfering into PRT's internal issues, but subsequently they started actively promoting the left wing of Tuvan People Revolutionary Party, which contributed to its accession to power.

The Soviet state began to act as PRT's patron on the international arena. This policy of support and custody was in accordance with Article 2 of PRT's constitution. Using documentary sources, this article traces the appointments and transfers of a number of Soviet diplomatic officers and consuls (F.G. Falsky (Falkovsky), I.A. Chichayev, F.F. Razumov, A.G. Starkov), as well as Comintern

Моллеров Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл.адрес: igi@tigpi.ru

Mollerov Nikolai Mikhailovich, Doctor of History, Chief Research Fellow, Sector of history, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tigpi.ru

консулов: Ф. Г. Фальского (Фальковского), И. А. Чичаева, Ф. Ф. Разумова, А. Г. Старкова, а также руководителей Коминтерна: И. Г. Сафьянова, Б. Цивенжапова и В. Боровикова, А. М. Амур-Санана, С. А. Нацова, В. Мачавариани, В. А. Богданов. В связке «советский консул — представитель Коминтерна» первое место поначалу принадлежало консулу. После поражения летом 1927 г. революции в Китае советское руководство решило ускорить социалистические преобразования в Монголии и Туве.

Исследование основано на привлечении материалов архивов — Государственного архива Республики Тыва, Российского государственного архива социально-политической истории, Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Ключевые слова: Тувинская народная республика; советское консульство; полпредство СССР в ТНР; история Тувы; Коминтерн в Туве; консулы в Туве

representatives (I.G. Safyanov, B. Tsivenzhapov, V. Borovikov, A.M. Amur-Sanan, S.A. Natsov, V.Machavariani, V.A. Bogdanov). In the duopoly of consuls and Comintern representatives, the former dominated at the earlier stages, but after the defeat of Chinese communists in 1927 the Soviet leaders thought that Socialist transformations in Mongolia in Tuva should be sped up.

The article makes use of archival sources from the State Archive of the Republic of Tuva, Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), and the Research archive of Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies.

Keywords: People's Republic of Tuva (PRT); Soviet consulate; USSR's envoy plenipotentiary in PRT; history of Tuva; Comintern in Tuva; consulates in Tuva

Введение

В соответствии с п. 2 Конституции Тувинской Народной Республики (ТНР) 1921 г. советское государство оказывало Туве покровительство в международных вопросах, осуществляло по отношению к ней политику поддержки и опеки. В статье впервые исследуется вопрос о роли советских дипломатов и представителей Коминтерна в развитии советско-тувинских отношений в первое десятилетие существования молодого тувинского государства.

Ф. Г. Фальский

Посты советского дипломатического представителя, а затем и представителя Внешторга (Министерства внешней торговли. — ред.) РСФСР в Туве в первой половине 1920-х гг. занимал Федор Григорьевич Фальский (Фальковский). Первоначально его должность называлась «Уполномоченный НКВД (Народного комиссариата иностранных дел. — ред.) РСФСР при советских военных частях в Туве». Помимо него в штат представительства входили: секретарь, переводчик, сотрудник и дипкурьер (Государственный архив Республики Тыва — далее ГАРТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ 11, 18, 24, 28; Д. 8. Л. 49).

В первые годы дипломатической службы в Туве Ф. Г. Фальский получал директивы и инструкции из полпредства РСФСР (затем СССР) в Монголии, с которым периодически поддерживалась связь через дипкурьеров, а также путем личных поездок в Монголию. Он руководил советниками тувинского правительства, ко-

торые подробно информировали его о своей работе устно и письменно.

После вывода из Тувы советской воинской части распоряжением НКВД РСФСР от 1 февраля 1923 г. представительство было упразднено и учреждено консульство НКВД РСФСР. Консульство строило свою работу на основе декрета Совета Народных Комиссаров (далее — СНК) РСФСР об организации консульств от 18 октября 1918 г. В п. 3 декрета определялись обязанности консульств и консулов, к которым относились: защита экономических и правовых интересов России, ее организаций и граждан; представительство наркоматов и других правительственных органов, «за исключением лишь политических задач» наркоматов по иностранным, военным и морским делам, являющихся компетенцией дипломатических представительств (Документы внешней ... , 1957: 524). Кроме того, для упорядочения службы аппарата консульства НКВД была издана специальная «Инструкция консулам». Она в принципе отличалась от консульских уставов капиталистических государств тем, что в ней не предусматривалась консульская юрисдикция и подчеркивалась обязанность консулов подчиняться законам страны пребывания (Бахов, 1966: 67).

Назначенный консулом Ф. Г. Фальский 31 января 1923 г. уведомил о реорганизации советского дипломатического представительства тувинское правительство. 19 февраля 1923 г. он сообщил о введении с этого дня консульских сборов за оформление виз, переводов, выдачу удостоверений, справок и копий документов, видов на проживание в Туве, удостоверение подписей и другие услуги нотариата. Об изменении ставок и тарифов за консульские услуги и введении новых услуг в дальнейшем тувинскому правительству незамедлительно сообщалось (ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 1-2).

24 февраля 1923 г. Ф. Г. Фальский довел до сведения Министерства иностранных дел Танну-Тувинского правительства инструкцию, которой советское консульство в Туве руководствовалось при выполнении консульских и нотариальных функций. Согласно этого документа, «все сделки и соглашения, имеющие юридическо-экономическое значение между исполкомом колонии и Урянх[айским] правительством», а также между колонистами, заверялись в консульстве. Сделки между колонистами и тувинцами, заверенные исполкомом РСТК, получали юридическую силу только после регистрации в консульстве. Советские граждане, въехавшие в Туву после 15 февраля 1922 г., были отнесены к категории лиц, проживающих за границей и подлежащих ведению консульства «во всех вопросах экономико-правового уклада», и все нотариальные акты в отношении их совершались только этим учреждением. Им вменялось в обязанность получение в консульстве видов на жительство в Туве, а также виз в заграничных паспортах или других документах, выданных губернской или уездной милицией Енисейской губернии. При отсутствии такого рода документов консульство могло выдать временные удостоверения трехмесячного срока действия. По истечении этого срока предусматривалась процедура наведения

справок через представительство РСФСР в Монголии для получения вида на жительство. Командированные органами советской власти в Туву работники должны были регистрировать свои мандаты в консульстве. Все, проживающие в Туве граждане, без исключения, выезжая в пределы СССР, должны были получать в консульстве визы на выезд (ГАРТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 4).

М. Г. Сафьянов (псевдоним «М. Кайский») отмечал, что притязания панмонголистов на Туву первоначально «имели своим последствием недостаточную определенность нашего консульства в Урянхае». «С одной стороны, — писал он, — Республике Танну-Тува оказывалось всяческое содействие в строительстве государственной жизни, а с другой стороны, официально Республика не признавалась, и при сношениях с ней обращение писалось на имя таннугувинского правительства без упоминания слова “республика”» (Кайский, 1926: 24). В Монголии были аккредитованы полпред и консул (в Алтан-Булаке), в Урянхае — только уполномоченный (затем консул) НКВД РСФСР (ГАРТ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 11. Л. 48). «Такое положение, — делал вывод М. Г. Сафьянов, — позволяло монголам вести усиленную агитацию среди тувинцев за присоединение к Монголии» (Кайский, 1926: 24). С другой стороны, параметры государственного бытия Тувы, заданные Всетувинским учредительным хуралом в августе 1921г., позволяли советской дипломатии готовить запасной вариант «буфера» на случай вхождения Монголии в состав Китая.

По мнению советских работников в Туве, ситуация в правительстве требовала проведения перестановок. Поэтому в связи с предстоящим проведением I Великого Хурала ТНР секретарю райбюро РКП (б) (Российской коммунистической партии (большевиков). — ред.) в Туве Я. С. Чугунову и первому советнику тувинского правительства и ЦК ТНРП (Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии. — ред.) П. С. Медведеву было поручено содействовать назначению «на пост председателя Совета Министров Буяна-Бадыргы, как наиболее способного человека» (Центр архивных документов партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва — далее ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 24. Л. 137). Выполняя это решение, Я. С. Чугунов предложил ЦК ТНРП перевести Буяна-Бадыргы с Хемчика и использовать его на работе в центре «как наиболее влиятельного деловитого члена партии, и тем самым изжить самостийность хемчикского чиновничества» (цит. по: Аранчын, 1982: 112).

Однако самостийность Хемчика изжить не удалось. Весной 1924 г. там начался вооруженный мятеж, целью которого было присоединение Тувы к Монголии. Совместными усилиями руководства СССР, МНР и ТНР его удалось прекратить мирным путем. От советской стороны в Туве в этом направлении работал глава комиссии ЦИК (Центрального исполнительного комитета. — ред.) СССР Я.Х.Давтян и его сотрудники.

Покидая Туву, Комиссия ЦИК СССР для советского консула в Туве, райбю-

ро РКП (б) и президиума исполкома РСТК оставила инструкцию от 15 августа 1924г., состоящую из пяти разделов. В ней указывалось, что «во всех вопросах политического и военного значения» решающее слово принадлежит консулу СССР. Комиссия предостерегала от работы с тувинской стороной чисто коммунистическими методами, игнорируя состояние традиционного тувинского общества. Политическую работу предписывалось строить путем вовлечения тувинской бедноты в государственную и партийную жизнь, разъяснения «принципов национальной политики СССР в отношении угнетенных народов Востока» (Российский государственный архив социально-политической истории — далее РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 1. ЛЛ. 26–27). Секретарь райбюро РКП (б) обязан был регулярно посещать заседания ЦК ТНРП, следить за повседневной работой тувинской партии и помогать ее руководству советами.

Ставилась задача в кратчайший срок создать из правительственного военного отряда дисциплинированную и политически сознательную войсковую часть, подключив к ее решению командный и политический состав кавалерийского эскадрона Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Советников и инструкторов для правительства ТНР и ЦК ТНРП следовало подбирать тщательно. Всю законодательную работу правительства консул должен был регулировать через них, а они подчиняться ему и следовать его указаниям неуклонно. Консул, секретарь райбюро РКП (б) и председатель исполкома Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) должны были через каждые три месяца представлять в НКВД СССР отчеты о выполнении настоящей инструкции (там же: Л. 30).

В письме от 2 сентября 1924 г. Ф. Г. Фальский официально известил тувинское правительство о том, что покидает Туву, в которой за три года работы встречал только «искреннее и братское отношение». В заключение он выразил надежду, «что в дальнейшем работа почтенного правительства ничем не будет омрачена и что тувинский народ будет спокойной и мирной обстановке создавать себе культурное и материальное благосостояние» (ГАРФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 89). Однако Ф. Г. Фальскому пришлось по каким-то причинам задержаться в Туве еще на два месяца.

И. А. Чичаев

Сменивший его на посту консула Иван Андреевич Чичаев приступил к своим обязанностям только с начала ноября 1924 г. В письме за № 509 в адрес Совета Министров ТНР он писал: «Почтенные сайты, настоящим имею честь довести до Вашего сведения, что согласно имеющихся у меня полномочий я вступил в исполнение обязанностей консула СССР в Урянхэе, вместо выбывшего в СССР тов. Фальского с 3 ноября с\года» (ГАРТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 95; см. также: История Тувинской Народной Республики ... 2011: 48–49).

Замена консула в Туве оказалась совсем не простым делом. Так, 25 февраля 1925 г. И. А. Чичаев обратился в Совет Министров ТНР и ЦК ТНРП с письмом, в котором сообщил, что председатель Совета Министров ТНР Соян Оруйгу допустил по отношению к нему грязную выходку, а также оскорбления и угрозы (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 94. ЛЛ. 1-1 об.). На заседании ЦК ТНРП 9 марта 1925 г. было рассмотрено персональное дело С. Оруйгу и принято постановление о снятии его с поста премьер-министра ТНР и дальнейшем запрете занимать государственные должности. ЦК ТНРП настаивало перед правительством ТНР на аресте С. Оруйгу. Это решение мотивировалось тем, что С. Оруйгу дважды оскорбил советского консула, а также развалил работу правительства. Советская сторона, в свою очередь, отозвала И. А. Чичаева из Тувы.

Ф. Ф. Разумов

Новым советским консулом в Туве стал Феодосий Филиппович Разумов. На заседании райбюро РКП (б) 19 сентября 1925 г. он был утвержден вместо бывшего предшественника членом райбюро.

Назначение Ф. Ф. Разумова в Туву состоялось после признания тувинского государства Советским Союзом. Поэтому 17 августа 1925 г. НКВД СССР выдал ему официальный патент, в котором он обратился к тувинскому правительству с просьбой о признании его в звании консула, и просил «оказывать ему защиту и покровительство и предоставлять ... все права и преимущества, связанные с его званием». Гражданам СССР в Туве предлагалось выполнять «все законные распоряжения консула СССР». Это был первый случай, когда назначение советского дипломатического представителя в Туве сопровождалось обязательной между государствами процедурой выдачи документа, по полной форме удостоверяющего его полномочия. Настоящий документ можно рассматривать как еще одно свидетельство выхода советско-тувинских дипломатических отношений на новый уровень, когда начали соблюдаться обязательные в дипломатическом общении процедуры (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 47. Л. 116).

В начале 1926 г. в течение полутора месяцев в Туве работала Контрольная комиссия Сибкрайкома (Сибирского краевого комитета. — ред.) ВКП (б) в составе члена Сибирской краевой Контрольной Комиссии ВКП (б) А. И. Бочкова и старшего инспектора Сибирской краевой Рабоче-Крестьянской Инспекции П.Г. Лешукова (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 75. ЛЛ. 1, 7). На закрытом заседании 8 февраля 1926 г. члены комиссии сообщили, что непосредственным поводом для их приезда стали разногласия руководства райбюро РКП (б) с консулом Ф.Ф.Разумовым.

А. И. Бочков в своем выступлении, в частности, отметил, что, похоже, в Туве идет борьба за влияние и нездоровое выяснение того, кто главнее: райбюро

или консульство. И хотя Москвой вопрос разграничения их функций не был проработан, при правильной постановке работы разногласий, по мнению Бочкова, можно было избежать. В заключение он предупредил, что «продолжение склоки повлечет [за собой] строгое наказание». По национальному вопросу он рекомендовал обеим сторонам придерживаться инструкции Я. Х. Давтяна и «не... вмешиваться не в свое дело», то есть в дела партии и правительства ТНР (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 64. ЛЛ. 10–16).

А. Г. Старков

В годовом отчете советского правительства за 1926 г. отмечалось: «Вполне нормальным дружественным отношениям содействовало прибытие в Кызыл в марте 1926 г. вновь назначенного консула СССР т. Старкова» (Документы внешней политики ..., 1957: 678). Это назначение состоялось 28 февраля 1926 г.

Прибывший в Кызыл 12 марта Алексей Григорьевич Старков имел опыт работы в Монголии в качестве представителя Коммунистического Интернационала Молодежи (монгольский псевдоним «Зоригт»). За короткое время он сумел добиться расположения многих руководящих работников Тувы. 1 апреля 1926 г. он выступил на IV партконференции советской колонии в Туве с докладом по национальному вопросу. «От нас зависит, — сказал он, — будет русская колония в Туве барьером или мостом... Основная задача нашей партийной организации заключается в том, чтобы 12000 наших мужиков в Танну-Тува стали мостом — проводниками дружбы между СССР и Танну-Тува» (ГАРТ. Ф. 100. Оп.1. Д. 306. ЛЛ. 1–2; ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп.1. Д. 62. Л. 2).

3 апреля 1926 г. Москва в лице заместителя наркома НКВД СССР Б. Н. Мельникова направила А. Г. Старкову свои указания о работе в Туве, в которых отмечалось, что в связи со склоками прежний состав консульства задания наркомата не выполнял. Но после того как ЦКК ВКП (б) была дана директива на принятие мер по прекращению склок, положение нормализовалось. «В центре нашего внимания в отношении Тувинской республики, — говорилось в документе, — должны стоять вопросы организации ее хозяйственной жизни на революционных началах по линии тесной экономической смычки с СССР и создания такого модуса отношений между туземным населением и сов[етской] колонией, который исключал бы всякую возможность применения колонизаторских методов, что до сих пор имело место и давало повод Туве и [ее] населению заподозрить Правительство СССР в аннексионистских намерениях» (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д.74. Л. 3). А.Г. Старков ставился в известность, что в Туву по линии Коминтерна направляется С.А. Нацов, также как и он, имеющий опыт работы в Монголии.

Б. Н. Мельников сообщил, что Центр согласился с выделением А. Г. Старковым таких причин слабого влияния революционной работы в Туве, как ненор-

мальность отношений РСТК и тувинского населения, в связи с инерцией колониализма и партизанщины; неурегулированность экономических связей СССР и Тувы, в силу чего Тува в приобретении товаров ориентируется на Китай; слабость государственной работы в Туве; слабое влияние на массу и тувинское правительство, вытекающее из слабости партийного руководства; а также «монгольская националистическая агитация, находящая благоприятную почву в обстановке, создавшей вышеуказанные причины» (там же: Л. 4).

В соответствии с этим А. Г. Старкову были даны ценные указания. А именно: предлагалось двигаться в направлении свертывания самоуправления русской колонии. Вот конкретные пункты этого плана: «1. Создание, ... вместо существующих органов управления РСТК поселковых, хошунных и всетувинского комитетов граждан СССР, по примеру существующих в Монголии... 2. Расформирование колониального ЧОН с имеющимся при нем арсеналом... 3. Подчинение совграждан тувинскому суду, при условии своевременного пересмотра тувинского кодекса, который дал бы гарантию охраны их прав... Верхушка ИК (исполкома РСТК. — Н.М.) сознает ненормальность существующего положения. Это надо использовать» (там же: Л. 5). Сообщалось, что «соответствующие директивы поступят и по партийной линии» (там же: Л. 6). Особое внимание при подготовке следовало обратить на земельный закон, который является узлом всех трений.

В 1927 г. советское консульство в Туве было преобразовано в полномочное представительство (История Тувы, 1964: 119). Первым секретарем полпредства, а также поверенным в делах стал Николай Леонтьевич Гайдено (Гайдер). Торгпредом в то время в Туве работал К. А. Веселов.

В начале июля 1929 г. завершила свою работу по обследованию политической жизни Тувы комиссия ЦКК ВКП (б). Отмечая заслугу А. Г. Старкова в обуздании партизанщины и колониаторских замашек проживавших в Туве русских (упразднение части особого назначения или ЧОН, распространение на РСТК тувинских законов и т. п.), и, как результат, улучшение советско-тувинских отношений, члены комиссии все же считали необходимым прислать в Туву нового полпреда, более подготовленного и знающего «восточную работу и обстановку».

В некоторых ранее опубликованных работах, находясь под впечатлением доступных архивных материалов, в частности оценок комиссии ЦКК ВКП (б), я не допускал со стороны А. Г. Старкова вмешательства во внутренние дела Тувы. Однако, найденные за последнее время архивные документы РГАСПИ прямо свидетельствуют о его не просто активной, но и важной роли в приведении к власти в Туве «левых». На это неоспоримо указывает запись протокола беседы А. Г. Старкова с тувинскими «левыми» Сатом Чурмит-Тажи, Иргитом Шагдыржапом и Адыг-Тюлюшем Хемчик-оолом от 31 декабря 1928 г. (Моллеров, 2013).

А. Г. Старков проработал в Туве до 1930 г.

Руководители Коминтерна

Идейное руководство преобразованиями в Туве через посредство ЦК ТНРП осуществлял Коминтерн (Коммунистического интернационала). Он активно содействовал разработке ее стратегии и тактики, уставных и программных положений на разных этапах тувинской истории. «Одной из форм связи Исполкома Коминтерна с ТНРП, — писал ученый-историк Н. А. Сердобов, — было направление в Туву своих представителей (уполномоченных), призванных в соответствии с Уставом Коммунистического Интернационала выполнять свои политические задания в теснейшем контакте с Центральным Комитетом народно-революционной партии» (Сердобов, 1985: 78–79).

Первыми представителями Коминтерна в Туве были И. Г. Сафьянов, Буда Цивенжапов и Василий Боровиков. Но из-за отсутствия революционной партии, они не вели активной работы среди тувинского населения по реализации задач Коминтерна. После создания ТНРП такая работа началась. 9 апреля 1925 г. состоялся пятый пленум ЦК ТНРП, где в резолюции по докладу ЦК говорилось: «Ввиду ряда недостатков, проявленных во всей работе партии, ранее [вы]сылалось приглашение о посылке опытного инструктора Коминтерна, но ответа не получено» (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований — далее НА ТИГПИ. Д. 420. Раздел 24. С. 22).

Но уже в период с 30 сентября по 7 октября 1925 г. на заседаниях райбюро РКП (б) присутствовал и принимал участие в обсуждении многих вопросов представитель Коминтерна, активный участник советского движения в Калмыкии А. М. Амур-Санан (ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 52. ЛЛ. 1–16). С его участием прорабатывались вопросы помощи райбюро РКП (б) в подготовке и проведении предстоящего IV съезда ТНРП: утверждалась повестка дня, тезисы докладов о Крестинтерне, Тувинском революционном союзе молодежи (ТРСМ), работе среди женщин, кооперации, сельском хозяйстве, народном образовании, письменности, Тувинской народно-революционной армии (ТНРА). В принятом съездом постановлении по его докладу «Коминтерн и народы Востока» говорилось: «Танну-Тувинская народная партия ясно сознает, что только под руководством Коминтерна ей удастся политически и организационно оформиться и вывести танну-тувинский народ... на путь национально-экономического и культурного преуспеяния. ... Танну-тувинская партия торжественно провозглашает о своем желании войти в Коминтерн» (Сердобов, 1985: 79).

В период 1923–1926 г. в Туве не раз бывал Сирен Арабдынович Нацов (Шойжелов), работавший в то время в аппарате Исполкома Коминтерна. В 1926–1927гг. он становится представителем Коминтерна при ЦК ТНРП. С. А. Нацов¹

¹ Некоторые современные авторы С. А. Нацова (Шойжелова) путают с инструктором УТВПО Генин-Дармой Нацовым, даже считают, что работник Коминтерна и инструктор УТВПО — это одно лицо.

является автором ряда работ по истории революционного движения в Монголии и Туве (Очерки истории ... , 1975: 392–393).

Советские консулы и представители Коминтерна

Следует отметить, что в связке «советский консул — представитель Коминтерна», первое место поначалу принадлежало консулу. Насколько представитель Коминтерна, наряду с другими советскими ответственными руководителями в Туве, был от него зависим, хорошо видно из архивных документов.

Так, представитель Коминтерна в Туве С. А. Нацов в письме от 10 декабря 1926 г. на имя Л. М. Карахана и Ф. Ф. Раскольников (псевдоним «Петров») писал: «Мы раньше на заседаниях Политбюро ЦК занимались тем, что по требованию консула Разумова (именовавшего себя непосредственным учеником В. И. Ленина) разбирали вопросы либо о доставке дров в консульство тувинским подрядчиками, либо об открытии столовых и прачечных в г. Красном. У нас серьезной деловой работы совершенно не было. Раньше у нас заседания Политбюро ЦК происходили не в здании ЦК партии, а в кабинете консула. Теперь (т. е. с прибытием нового консула А. Г. Старкова. — Н. М.) мы этих ненормальностей не имеем. Теперь мы и Политбюро ЦК занимаемся разрешением наиболее важных экономических вопросов, связанных с работой всех наших государственных и общественных организаций» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 2. Л. 123).

С. А. Нацов в конце 1927 г. был отозван из Тувы в связи с поступлением в Международную ленинскую школу.

После поражения летом 1927 г. революции в Китае советское руководство решило ускорить социалистические преобразования в Монголии и Туве. В один кулак собрали все наличные политические силы — молодых революционеров-романтиков из ТРСМ, небольшую группу выдвинувшихся из низов, радикально настроенных партийцев. Был разработан программный документ под названием «Платформа левых ТНРП к IV съезду ТРСМ и II пленуму ЦК ТНРП», аккумулировавший критику прежнего курса и постановку амбициозных задач на будущее. 24 декабря 1928 г. с документом был ознакомлен представитель молодежной секции Коминтерна — Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ) В. Мачавариани, прибывший в Туву специально для осуществления смены тувинской политической элиты. «Платформа» предусматривала отказ от политики «правых» в вопросах налогообложения, кредитования, чистки партии, государственного аппарата и местной власти, осуществление широкой социальной программы в области образования, здравоохранения, а также развитие транспорта и связи (там же: Д. 59. ЛЛ. 707–711).

3 января 1929 г. И. А. Пятницкий в связи с телеграммой В. Мачавариани от 31 декабря 1928 г. предложил В. М. Молотову, чтобы закрепить достигнутое, в срочном порядке предпринять в интересах Тувы ряд шагов, в том числе: «5.

Принять во внимание, что теперешний, новый секретариат партии и даже политбюро политически почти безграмотны (это неизбежно, т. к. араты в большинстве безграмотны), ...немедленно послать туда представителя Коминтерна... 7. Обсудить политику нашего полпредства... Непосылка представителя Коминтерна туда, хотя бы временно на 6 месяцев, или 5, ...была бы крупнейшей ошибкой. 8. Выяснить положение существующей в Туве партийной и комсомольской организации. ...Никто этой организацией не руководит. Раньше, когда руководил Сибкрайком, создавалось в высшей степени ненормальное положение, т.к. секретари этих райкомов вмешивались в дела полпредства..., подпадая под влияние и настроение колонизаторских настроений русского населения. Это двоецентрие чувствовалось и тувинцами, ...их нервировало. ... Сейчас эти организации нужно подчинить ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ и, если возможно, не БЗЯ (Бюро заграничных ячеек. — Н. М.), т. к. там не полпредовская ячейка, целая деревенская организация, а прямо центральным комитетам...» (там же: Д. 35, ЛЛ. 6-7).

Из книги В. Мачавариани видно, что руководством комсомольской организации в Туве он остался доволен. «Секретарь райкома, — писал он, — кряжистый парень с большой волей, настойчивый, уверенный... И другой товарищ из райкома произвел прекрасное впечатление: отчетливо понимает задачи, стоящие перед комсомолом» (Мачавариани, Третьяков, 1930: 41).

Как уже отмечалось, с марта 1929 г. в Туве работала комиссия ЦК ВКП (б). В течение марта-июля она занималась изучением политической работы. Чтобы развить успех победы над «правыми», она рекомендовала советскому руководству дать ЦК ТНРП на два-три года подходящего представителя Коминтерна. О том же попросил С. Чурмит-Тажи в своем письме от 5 апреля 1929 г. на имя представителя КИМ В. Мачавариани. «Мы все люди неграмотные, — писал он, — можем наделать ошибок, поэтому очень прошу Вас поторопить с посылкой представителя Коминтерна, чтобы он мог помочь нашей работе» (там же).

18 апреля 1929 г. в Туву прибыл работник ЦК ВКП (б), откомандированный в распоряжение Исполкома Коминтерна (ИККИ) «для руководящей работы по линии ИККИ в Танну-Тувинской республике» Владимир Афанасьевич Богданов (удостоверение № 217 от 7 марта 1929 г.). По прибытии в Туву он тут же проявил себя как леворадикальный политик. Так, Советская колония в Туве для него была организацией колонизаторов. Если раньше ее революционная роль в Туве признавалась и подчеркивалась, более того, она считалась форпостом революции в Центральной Азии, то теперь об этом стали быстро забывать. В переписке В. А. Богданова с Исполкомом и Восточным Секретариатом Коминтерна при определении сущности Советской колонии в Туве, стали использоваться понятия «колонизация», «кулачество», «великорусский шовинизм» и т. п.

Так, В. А. Богданов в письме П. А. Мифу (Восточный секретариат ИККИ) от 1

января 1930 г., явно завышая статус РСТК, ошибочно отмечал, что она имела право издания законов административного, гражданского, судебного, налогового характера (все это были подзаконные акты, изданные на базе советских законов), а также право самостоятельного сношения с тувинским правительством (на деле оно осуществлялось не напрямую, а через полпреда СССР в ТНР). По его мнению, это была вполне самостоятельная государственная единица со своим гербом, флагом и со своей вооруженной силой (но у этой единицы не было своей территории, своей внутренней и внешней политики). Кроме того, как отмечал сам же В. А. Богданов, на колонию распространялись тувинские законы об охоте, лесопользовании и рыбной ловле. В. А. Богданов ставил вопрос о новом договоре между СССР и ТНР о новом правовом положении советских граждан в Туве (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 37. Л. 5).

В. А. Богданов был отозван из Тувы в октябре 1930 г. на учебу.

Активное участие в работе VIII съезда ТНРП (20 октября — 10 ноября 1929 г.), взявшего курс на социалистические преобразования в Туве, принимал в качестве представителя Коминтерна ректор Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в Москве И. В. Райтер.

Заключение

Таким образом, в 1920-е гг. советское дипломатическое представительство в Туве прошло путь от представительства интересов советской воинской части до представительства интересов советского государства. В работе советских дипломатов и представителей Коминтерна просматриваются два этапа. До 1927 г. они в основном придерживались политики невмешательства во внутренние дела Тувы, но затем перешли к более активным действиям, обеспечившим приход к власти политиков левого крыла ТНРП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 430 с.

Бахов, А. С. (1966) На заре советской дипломатии : Органы советской дипломатии в 1917–1922 гг. М. : Международные отношения. 175 с.

Документы внешней политики СССР (1957) : в 21 т. М. : Политиздат. Т. 1. 3.

История Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921–1944гг. (2011) Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 312 с.

История Тувы (1964) : в 2 т. / отв. ред. Л. П. Потапов. М. : Наука. Т. 2.

Кайский, М. (1926) Урянхайский вопрос // Северная Азия. № 4. С. 16–25.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М. ; Л. : Молодая гвардия.

Моллеров, Н. М. (2013) О смене властной элиты и политического курса в конце 1920-х годов в связи с китайскими и монгольскими событиями // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. Вып. 1. С. 24–37.

Очерки истории Тувинской организации КПСС (1975) / отв. ред. Г. Ч. Ширшин. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 405 с.

Сердобов, Н. А. (1985) Коминтерн и революционная Тува (1921–1944). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 238 с.

Дата поступления: 12.07.2016 г.

REFERENCES

Aranchyn, Yu.L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda ksotsializmu*. Novosibirsk, Nauka. 430 p. (In Russ.).

Bakhov, A. S. (1966) *Na zare sovetskoj diplomatii : Organy sovetskoj diplomatii v 1917–1922 gg.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. 175 p. (In Russ.).

Dokumenty vneshnei politiki SSSR (1957) : in 21 vols. Moscow, Politizdat. Vol. 1. (In Russ.).

Istoriia Tuvinskoj Narodnoj Respubliki v arkhivnykh dokumentakh. 1921–1944 gg. (2011). Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 312 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (1964) : in 2 vols., ed. L. P. Potapov. Moscow, Nauka Publ. Vol. 2. (In Russ.).

Kaiskii, M. (1926) Uriankhaiskii vopros. *Severnaia Aziia*, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.).

Machavariani, V. and Tret'iakov, S. (1930) *V Tannu-Tuvu*. Moscow, Leningrad, Molodaia gvardiia. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2013) O smene vlastnoi elity i politicheskogo kursa v kontse 1920-kh godov v sviazi s kitaiskimi i mongol'skimi sobytiiami. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, issue 1, pp. 24–37. (In Russ.).

Ocherki istorii Tuvinskoj organizatsii KPSS (1975), ed. G. Ch. Shirshin. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 405 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1985) *Komintern i revoliutsionnaia Tuva (1921–1944)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 238 p. (In Russ.).

Submission date: 12.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Моллеров Н. М. Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской Народной Республике в 1920-е гг. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Mollerov N. M. Soviet diplomats and Comintern representatives in People's Republic of Tuva in the 1920s. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460> (accessed: ...).

РУССКАЯ САМОУПРАВЛЯЮЩАЯСЯ ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Владимир Г. Дацышен

Сибирский федеральный
университет

RUSSIAN AUTONOMOUS LABOR COLONY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA AS A UNIQUE CASE OF RUSSIAN REGIONALISM

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal
University

В статье анализируется процесс русского регионализма середины XIX — начала XX в., который в Туве выразился в формировании местной колонии российских подданных и стал одним из главных факторов создания Тувинской Народной Республики. Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) здесь была создана в начале 1920-х гг. и просуществовала десять лет, став единственным в истории России подобного рода политическим образованием.

Вся работа РСТК контролировалась официальными представителями Советского государства. Население было стабильным, более 10 тыс. человек. Люди занимались земледелием и скотоводством, промыслами и даже торговлей. Была сформирована правовая база, колония наделялась некоторыми атрибутами государственности, могла учреждать свой флаг и герб, формировать бюджет за счет внутренних налогов, имело и свою воинскую часть. Земля арендовалась у правительства ТНР. На русское население, ставшее советскими гражданами, распространялось законодательство

The article examines the experience of Russian regionalism in mid-19th – early 20th century Tuva, which took shape of setting up a colony of Russian subjects and became one of the most powerful factors behind the declaration of the People's Republic of Tuva. Russian Autonomous Labor Colony (RALC) was established in early 1920s and lasted for 10 years as a unique political entity in the history of Russia.

RALC was fully controlled by official representatives of the Soviet state. Its stable population of over 10000 was mainly involved in cattle breeding, agriculture, crafts and even trade. RALC had its own legislation which even provided for certain elements of statehood. It was allowed to create its own flag and emblem, control its budget, and had its own military unit. The land under use by the colonists was on official lease from the government of the People's Republic of Tuva (PRT). Ethnic Russians with Soviet citizenship complied with the legislation of the RSFSR. RALC had its own court, with convicted criminals serving

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, ауд. А-444. Тел.: +7 (391) 2-06-26-77. Эл. адрес: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigorievich, Doctor of History, Professor and Chair, Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University. Postal address: Office A-444, 82 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (391) 2-06-26-77. Email: dazishen@mail.ru

РСФСР. РСТК имело свой суд, а осужденные отбывали наказание на территории Тувы.

РСТК, как и ТНР, прошли через ряд этапов своего развития, общим вектором которого было усиление леворадикальных реформ и установление диктата большевистского центра в Москве над политической организацией. Сложившаяся в Туве социально-политическая система, частью которой была РСТК, во второй половине 1920-х гг. стала разрушаться. Окончательно РСТК была упразднена 24 мая 1932 г., когда по советско-тувинскому соглашению оставшиеся структуры Русской колонии были преобразованы в комитеты советских граждан.

В научный оборот вводятся новые или малоизвестные документы из фондов государственных архивов Красноярска, Новосибирска, Иркутска и других городов России.

Ключевые слова: Тува; история Тувы; Тувинская Народная Республика; Русская самоуправляющаяся трудовая колония; РСТК; русские в Туве; российский регионализм

their sentence in the PRT.

Both RALC and PRT passed through several stages of increasingly radical left-wing reforms, which gave Moscow a firm grip over the local political establishment. In the second half of the decade the sociopolitical structure that included the RALC started to crumble away. On May 24, 1932, the autonomy was abolished by the new USSR-PRT agreement that oversaw the transformation of the colony's remnants into Committees of Soviet Citizens.

The article introduces a number of unpublished or little-known documents from the state archives of Krasnoyarsk, Novosibirsk, Irkutsk and other cities of the Russian Federation.

Keywords: Tuva; history of Tuva; People's Republic of Tuva; Russian Autonomous Labor Colony (RALC); Russians in Tuva; regionalism in Russia

Введение

Уникальность тувинской истории и культуры обусловлены устойчивыми геополитическими особенностями региона. Время существования на территории региона Тувинской Народной Республики стало эпохой, органично вписывающейся в историю региона, при этом уникальной в истории России. С середины XIX в. важнейшим фактором развития Тувы были процессы формирования местной колонии российских подданных, состоявшей в основном из русских (старообрядцев, старожилов, казаков, переселенцев), хакасов, татар и бухарцев.

Русский регионализм стал одним из главных факторов создания Тувинской Народной Республики. В эпоху ТНР процессы развития русского регионализма в Туве достигли пика своего развития. В частности, в регионе была создана и просуществовала десять лет Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК), единственное в истории России подобного рода политическое образование. Изучение проблем регионализма на примере Тувы 1920-х гг. не только представляет большой научный интерес, но имеет и практическую значимость.

Степень изученности РСТК

В 1921 г. на территории бывшего политического образования в составе Цинской империи Танну-Тува Урянхай была провозглашена Республика Танну-Тува Улус (далее — Тувинская Народная Республика, ТНР). Тувинская Народная Республика была провозглашена на территории бывших тувинских княжеств,

но население на этой территории было многонациональным. Картина этнического состава самой населенной части Тувы была дана в докладе заведующего Енисейским губернским статбюро за 1921 г.: «Население Кемчикского района состоит из двух категорий: туземного — сойотов (урянхов) и пришлого, преимущественно русских. Правда, помимо русских имеются корейцы и единичные китайцы, которые не играют особенной роли... Начиная с Акнгаттыха, Алаша вверх по Кемчику, а также по Кондургею живут татары с вкрапленными среди них русскими селениями, ниже этих рек великоруссы, а инородцы-татары... живут в качестве работников и по другим местностям» (Государственный архив Красноярского края — ГАКК. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 171. Л. 12об.).

Русские жители составляли значительную долю населения региона. Согласно данным подворного обследования 1918–1919 гг. На территории Урянхайского края было отмечено 341 «русский» населенный пункт, в которых проживало 2519 семей, с населением 11958 человек (Списки населенных ..., 1921: 156). Так как пришедшие к власти в России большевики были против включения бывшего Урянхайского края в состав Советской России, на XII съезде русского населения Тувы, прошедшем 23–26 июля 1921 г., было принято решение «объявить русское население в Урянхае Советской колонией». Окончательно РСТК была оформлена «Положением о местном самоуправлении русской колонии в Урянхае /Танды-Тува/», принятом на первом съезде Советов Колонии 9–12 февраля 1922 г.» (ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 523. Л. 3).

Развитие регионализма и реального местного самоуправления соответствовало формальной политической доктрине правящей в России с 1917 по 1991 гг. партии коммунистов-большевиков, но противоречило реальной практике большевистской власти. По этой причине на протяжении почти всего периода развития советской исторической науки РСТК оказывалась за рамками специальных исследований отечественных ученых.

Только в 1977 г. была опубликована первая статья, тувинского историка Ю.Л.Аранчын, специально посвященная РСТК (Аранчын, 1977). В обобщающих работах вопросам истории РСТК уделялось мало внимания. В академической «Истории Тувы» нашлось место пункту «Русская самоуправляющаяся трудовая колония» (История Тувы, 1964: 95–99). Но уровень развития исторической науки и политическая цензура не позволили авторам дать сколько-нибудь полную картину событий и проблем, связанных с РСТК в Туве. В частности, в данном пункте не упоминается ни одного имени кого-либо из деятелей РСТК. Лишь в эпоху Перестройки в СССР появились возможности для комплексного изучения русской колонии в ТНР. В 1990 г. была защищена первая диссертация по истории РСТК (Моллеров, 1990).

В постсоветской историографии проблемы истории РСТК поднимались различными исследователями, были опубликованы отдельные статьи (напр., Сат,

2002), однако обобщающих работ, специально посвященных этой проблеме, пока в отечественной и мировой науке пока не появилось. В подготовленной в Туве и изданной в 2007 г. в Новосибирске академической «Истории Тувы» выделен отдельный параграф «Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Туве» (История Тувы, 2007: 158–167). Однако и в этом издании не упоминается имен ни одного из председателей исполкома РСТК, не рассматривается и противоречия между РСТК и правительством ТНР, с одной стороны, и РСТК и представителями РСФСР, с другой стороны.

В последних работах Н. М. Моллерова поднимаются проблемы и противоречия, связанные с созданием и деятельностью РСТК, однако специально история Русской колонии здесь не рассматривается (Моллеров, 2006). Таким образом, актуальной остается проблема исследования РСТК в истории ТНР в контексте сибирского регионализма и тувиноведения. Основой данных исследований могут быть документы из фондов государственных архивов Красноярска, Новосибирска, Иркутска и других городов России, до сих пор не полностью введенные в научный оборот.

Возникновение РСТК в Туве

Республика Танну-Тува возникла одновременно с Русской самоуправляющейся трудовой колонией, и оба эти политические формирования были в то время невозможны друг без друга. Важнейшим фактором появления такой политической «конфигурации» было преобладание в русском руководстве в регионе местных по происхождению лидеров. В работе собранного Особуполномоченный Сибревкома И. Г. Сафьяновым и нойоном Монгуш Буян-Бадыргы в августе 1921 г. Всетувинского Учредительного Хурала принимали участие кроме выросшего в Туве сына местного купца И. Г. Сафьянова, заведующий дипломатическим отделом особуполномоченного Сибревкома П. С. Медведев (сын местного купца из Усинска), председатель Урянхайского крайревкома Г.Я.Стрелков (уроженец Минусинска), командир объединенного партизанского отряда Тувы С. К. Кочетов (уроженца Минусинского уезда, выросшего в Туве), руководитель местной организации большевиков М. М. Терентьев и др. На съезде было принято решение признать проживающих десять с лишним тысяч русских жителей Тувы автономной советской колонией.

В начале 1920-х гг. «русскоязычные» составляли значительный процент населения, проживающего на территории «самопровозглашенного» тувинского государства. В документах говорилось о том, что «более или менее крупных поселков Русской Колонии» «здесь имеется около 35-ти» (Государственный архив Новосибирской области — ГАНУ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 3. Л. 123). Исследователи той эпохи указывали: «Танну-Тувинская народная республика занимает площадь в

170 тыс. км и расположена к югу от Западно-Сибирского края... Согласно переписи, произведенной тану-тувинским правительством, численность туземного населения республики в 1923 г. определялась следующими цифрами: мужчин старше 20 лет — 13.001, моложе 20 лет — 12.538; женщин старше 20 лет 13.560 и моложе 20 лет — 10.410; итого 49609 человек; кроме того лам 1402, а всего 50911 человек. Всех юрт (хозяйств) по переписи значитя 10976... Вторую по численности группу населения республики составляют русские колонисты. По данным 1923 г. русское население достигало 11892 человека. Кроме того имеется незначительное количество китайцев, корейцев и др.» (Смирнов, 1931: 154).

В состав Русской самоуправляющейся колонии были включены только бывшие подданные Российской империи, поселившиеся в Урянхае до революционных событий в стране, исключение было сделано лишь для группы красных партизан, которым разрешили поселиться в районе Шагонара. Дальнейшее переселение русских в Туву было запрещено. На протяжении 1920-х гг. население РСТК, в целом, было стабильным, его численность даже чуть выросла за счет естественного прироста. В «Протоколе заседания Сибкрайкома ВКП(б)» за 1929 г. говорилось: «По данным не особенно точной тувинской переписи 58117 тувинцев и 12 тыс. русских» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области — ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 951. Л. 39).

Большинство населения РСТК занимались земледелием и скотоводством. Согласно документам, земледелием в Туву в середине 1920-х гг. занимались 2077 русских хозяйств, они засевали 7419 десятин земли и имели 39496 голов скота (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 951. Л. 40–41). И если скота в РСТК имелось много меньше, чем у тувинцев, то земли русские обрабатывали больше. Кроме земледелия представители РСТК занимались промыслами и даже торговлей. В «Протоколе заседания Сибкрайкома ВКП(б)» за 1929 г. говорилось: «Крупные купцы ликвидированы до 1921 г., мелкая русская торговля существовала до 1928 г.» (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 951. Л. 42).

Здесь необходимо отметить, что РСТК объединяла далеко не всех советских граждан, проживавших в ТНР. Как справедливо отмечает Н. М. Моллеров: «советская колония в Туву включала помимо РСТК еще работников советского полпредства, советников, инструкторов, специалистов и рабочих, приглашенных на временную работу... работников тувинских отделений торговых организаций... военнотружущих советских воинских подразделений в Туву...» (Моллеров, 1990: 4). Эти советские «командированные» не были членами РСТК, но оказывали огромное влияние на жизнь русской колонии.

Высшим органом власти РСТК был Съезд Советов, формировавший свой Исполком. 10 февраля 1922 г. Урянхайский Ревком был преобразован в Исполнительный комитет Русской самоуправляющейся трудовой колонии (Исполком РСТК). Возглавил РСТК бывший председатель Урянхайского крайревкома

Г.Я.Стрелков. Таким образом, первым главой РСТК стал командированный в 1921 г. за Саяны минусинец Георгий Яковлевич Стрелков, совсем молодой комсомольский лидер. Заместителем председателя исполкома РСТК был избран бывший рабочий Красноярского ПВРЗ Николай Николаевич Нелидов, прибывший в 1920 г. в Туву в качестве политкомиссара экспедиции Центросоюза для закупки скота. В феврале 1923 г. на заседании местной организации большевиков был утвержден новый состав Исполкома РСТК с прежними руководителями (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 44). Здесь необходимо отметить некоторую внутреннюю противоречивость ситуации. Первые лидеры РСТК не были местными жителями, как писал сам Н. Нелидов — они были «командированы советроссией для налаживания государственных форм РСТК в Урянхае» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 5. Л. 15). При этом, Г. Я. Стрелков и Н. Н. Нелидов были все-таки выходцами из Енисейской губернии, в которую де-факто интегрировался Урянхайский край.

Органами местного управления в РСТК были сельские советы, каковых первоначально было 30. С 1925 г. стало вводиться «районное звено управления», сначала было создано 10 районных советов, затем их объединили в 5 укрупненных райсоветов.

Правовая база существования РСТК, «Положение о местном самоуправлении русской колонии в Урянхае /Танды-Тува/», была принята на первом съезде Советов Колонии 9–12 февраля 1922 г. Затем она была утверждена в столице России. На заседании Райбюро РКП(б) в начале 1923 г. был утвержден «Доклад делегации РСТК о результатах поездки в центр РСФСР». В докладе, в частности, говорилось: «Конституция РСТК в Урянхае утверждена РСФСР с незначительными поправками» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). РСТК наделялась некоторыми атрибутами государственности, могла учреждать свой флаг и герб. Бюджет формировался за счет внутренних налогов. РСТК имело и свою воинскую часть — отряд ЧОН под командованием местного партизанского командира С.К.Кочетова. Своей территории РСТК не имела, а формально арендовала землю у правительства ТНР. 11 апреля 1922 г. в г. Красный (Кызыл) было подписано «Соглашение, заключенное Танды-Тувинским /Урянхайским/ Народным Правительством и Исполкомом Русской Самоуправляющейся Трудовой Колонией в Урянхае об эксплуатации земель русскими колонистами в Урянхае» (ГАКК. Ф.П-7. Оп. 1. Д. 523. Л. 8).

Внутренняя противоречивость политической организации русских в Туве вызывала к жизни проекты реформирования РСТК на основе имевшегося уже опыта Усинского пограничного округа. В документе 28 сентября 1923 г. за подписью секретаря Енисейской губернской административной комиссии говорилось: «В настоящей политической ситуации в Урянхае возможно будет из Усинской волости и Р.С.Т.К. Урянхая образовать одну административную еди-

ницу в качестве особого административного Усинско-Урянхайского Округа с подчинением его в административном отношении Енисейскому Облсполкому, но с оставлением функций представительства Н.К.Ин.Д. за особым уполномоченным» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

Члены РСТК были советскими гражданами, государственные учреждения и институты для советских граждан существовали при советском представительстве в Кызыле. Например, все школы в РСТК были в ведении Инспекции народного образования, созданной при полпредстве СССР в ТНР.

Официальные представители Советского государства контролировали все работу РСТК. Осенью 1921 г. в Туву был направлен представителем Комиссариата иностранных дел (НКВД) студент-медик с Урала Ф. Г. Фальский (Горелик). С 1 февраля 1923 г. он стал именоваться «Уполномоченным в правах и обязанностях Консула». В конце 1924 г. должность консула в Кызыле занял полномочный представитель ОГПУ в ТНР И. А. Чичаев, в 1925 г. его сменил Ф. Ф. Разумов. В 1926 г. генконсулом СССР в Кызыле стал А. Г. Старков, назначенный после преобразования в 1927 г. консульства в полномочное представительство советским полпредом в ТНР.

Политическое руководство РСТК

Политическое руководство РСТК осуществляла местная партийная организация российской партии большевиков. В 1921 г. было сформировано Урянхайское Оргбюро РКП(б), в январе 1922 г. эта партийная структура была преобразована в Райбюро РКП(б). Командированному в Урянхай в качестве главы партийной организации Я. С. Чугунову партийное начальство давало такую характеристику: «работник опытный, но малоразвитый по недостатку образования». Сам тувинский партийный лидер в марте 1923 г. писал в Красноярск, что его работа в Туве чревата опасностью «попасть в психушку» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 11. Л. 148об.). Многие лидеры Русской колонии, в том числе и члены исполкома РСТК И. Н. Антипин, И. Б. Давыдов и С. К. Кочетов, были членами Райбюро РКП(б).

После образования РСТК в 1922 г. была проведена перерегистрация членов РКП(б) в Урянхае. 4 января 1923 г. на заседании Райбюро утвердили ее чистой. 17 членов партии большевиков в Туве были «перерегистрированы», а трое, среди которых был и старейший большевик Тувы, член партии с 1917 г. И.Г.Сафьянов, были исключены из большевистской партии (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л.23). Под давлением лидера большевистской организации в Туве Я.С.Чугунова И.Г.Сафьянова вскоре выслали из региона. В «Протоколе заседания Райбюро РКП(б) в Урянхае от 3 июля 1924 г.» говорилось: «гр. Сафьянов исключен из РКП /Постановлением Енгубкома/ как человек пользующийся автори-

тетом среди русского и тувинского населения... При выезде ответственных т.т. с работы из Урянхая возможно, что гр. Сафьянов благодаря своему авторитету среди зажиточного элемента... колонии и несознанию тувинцев снова может войти на ответственную работу, что не желательно для нас здесь работающих и для Центра СССР...» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 11. Л. 46).

Местная организация большевистской партии в Туве объединяла только коммунистов из числа советских граждан. Для тувинцев советские большевистские лидеры создавали отдельную партию лево-радикального толка. На заседании Урянхайского райбюро ВКП(б) 2 июля 1923 г. утвержден «Временный устав Танну-Тувинской Народной партии». Что касается советских граждан, то в феврале 1923 г. в Туве имелось 18 ячеек РКП(б), они объединяли 50 членов партии, 67 кандидатов в члены партии и 57 сочувствующих (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л.24). Если учесть, что часть членов этих ячеек были командированными советскими специалистами, то можно утверждать, что в составе РСТК менее 1% населения были коммунистами или официально поддерживали партию большевиков.

«Резервом» партии большевиков в Туве, как и в России, был ее молодежная организация — Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). Сначала в регионе «стихийно» возникли небольшие комсомольские организации, а в мае 1922 г. Енисейский Губком РКСМ сформировал Урянхайское Райбюро РКСМ. В феврале 1923 г. в Туве имелась 21 ячейка РКСМ, в них состояли 235 членов комсомольской организации. В 1923 г. так же была создана профсоюзная организация РСТК.

Советское руководство уделяло большое внимание вопросам агитации и пропаганды среди членов РСТК. Уже летом 1922 г. из Ново-Николаевска в Урянхай для РСТК привезли 100 пудов политической и школьной литературы и канцелярских принадлежностей (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 797). Первая в Туве русская газета «Красный пахарь», выходившая в г. Красный (Кызыл) с 24 июля 1924 г., была «Еженедельным органом Райбюро РКП (большевики) и Исполкома РСТК в ТАННУ-ТУВА (в УРЯНХАЕ)».

С созданием РСТК в Туве создается новое судебное-правовое пространство. На русское население, ставшее советскими гражданами, распространялось законодательство РСФСР. РСТК имело свой суд, а осужденные отбывали наказание на территории Тувы. В «Положении о местном самоуправлении русской колонии в Урянхаетанда-Тува». Принятом на первом съезде Советов Колонии 9–12 февраля 1922 г.» говорилось: «Судебные дела, в коих заинтересованы Тувинцы /Урянхи/ и колонисты передаются в смешанную судебную комиссию, которая работает по положению, утвержденному Танды-Тувинским Наррепревительством и Центральным Органом Колонии» (ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 523. Л. 3). Затем было подписано специальное «Положение о судопроизводстве между тувинцами /урянхами/ и русскими колонистами» (ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д.523. Л. 9). В июле

1922 г. представители двух политических организаций в Туве, Тарима-Вацир и Н. Н. Нелидов, подписали «во изменение Положения 4 марта 1922 г.» новое соглашение, согласно которому создавалась смешанная комиссия, в которую входили по два человека от Министерства юстиции Тувы и Отдела юстиции Исполкома Колонии.

Положение РСТК в Туве и отношения между Исполкомом РСТК и Правительством ТНР были довольно противоречивыми. В «Докладе Комиссии ЦКК об обследовании партийной и советской работы в Тувинской Народной Республике» от 23 сентября 1929 г., зафиксированном в «Протоколе заседания Сибкрайкома ВКП(б)» говорилось: «В это время, фактически, правительством являлся Исполком Колонии, который и издавал законы, обязательные постановления и даже распоряжался всеми иностранцам... Взаимоотношения Исполкома с Правительством заключалось в том, что Исполком выплачивал аренду за землю, торговал тувинцами хлебом и т. п. В земельном вопросе создавались комиссии по распределению земли, давили на тувинцев через консула и всегда устраивались так, как нужно было Исполкому и колонистам» (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 951. Л. 40).

На самом деле сибирские партийные лидеры лукавили. Лидеры РСТК с первых дней своего существования пытались поддерживать тувинские государственные институты и ограничивать деятельность русских «колонистов». Например, в «Обращении всем сельсоветам РСТК» Исполкома Советов Колонии от 5 апреля 1922 г. отмечалось: «Те печальные недоразумения, которые наблюдались в поселках Знаменке и Байгаке, где русские препятствовали урянхам проводить Государственную работу... впредь будут пресекаться самым решительным образом, впредь до предания суду, как за политические преступления, тем более, что чиновники Урянхайского Правительства имели мандаты за установленными печатями, формы которых всем сельсоветам известны. Всякое непонимание отдельных жителей и должностных лиц во взаимоотношениях между Урянхайским народом и русскими колонистами должны разрешаться не на месте, что грозит неприятными последствиями, а через Исполком колонии» (ГАКК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 523. Л. 7). На заседании Райбюро РКП(б) в марте 1923 г. отмечалось: «уже в настоящий момент Исполкому РСТК с его средствами конкурировать с правительством нельзя» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 63). В ноябре 1924 г. Я. С. Чугунов писал в Сибкрайком и Енгубком: «...в настоящий момент перед партийной организацией стоит задача внушить колонистскому населению, что экономическим хозяином в Урянхае является Тувинский народ, и что хозяйство колониста, экономическое положение колонии в целом, зависит от тех условий, которые предъявит нам Правительство Танну-Тува» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 7).

Противоречия между РСТК и Правительством ТНР

Противоречия между РСТК и Правительством ТНР развивались по нескольким направлениям, связанным между собой. В Туве шел процесс модернизации и формирования национального буржуазного государства. Для создания государственных институтов нужны были средства, и значительная часть налогового бремени перекладывалась на русские хозяйства, как экономически более крепкие. На заседании членов Райбюро РКП(б) в Урянхэе 14 марта 1923 г. говорилось: «Правительство это не может рассматриваться как дружественное нам правительство. Дружественные отношения с Русской Колонией основаны у них только на материальных выгодах...» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 13. Л. 3).

Формирование национальной идентичности отчасти выстраивалось на противостоянии другим национальностям. При этом проблемы и неудачи национальная элита в условиях ограниченности суверенитета могла «списывать» на вмешательство соседей. Современники отмечали: «Переход Монголии и Урянхэя на самостоятельное государственное хозяйство по методам /внешне/ культурных народов вызывает новые огромные расходы, которые и покрываются тяжелыми таможенными сборами и прямыми налогами. Все это искусственно относится на счет русских, давая хороший агитационный прием китайцам». (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 642. Л. 180). В 1920-х гг. в отношениях между двумя общинами и двумя политическими организациями существовали объективные противоречия, но эти противоречия были результатом их тесного взаимодействия, без которого в тех исторических условиях они не могли ни существовать, ни развиваться. Но советское руководство постоянно вмешивалось в сложные и противоречивые русско-тувинские взаимоотношения, не давая возможности их «самоурегулирования».

В условиях роста русско-тувинских противоречий представители РСФСР оказались в сложной ситуации. Как говорилось в документах местной большевистской организации: «В связи с этим положение советников становится довольно щекотливым. Должны ли они отстаивать интересы Танды-Тувинского правительства, или интересы исполнительного комитета» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д.3. Л. 57). Ситуацию осложняли и противоречия между ТНР и СССР. На заседании Райбюро РКП(б) 24 марта 1923 г., советник Медведев докладывал: «В связи с создавшейся объективной обстановкой работа в правительстве усложняется. Дерективы Н.К.И.Д. о вызове самодеятельности Танну-Тувинского народа можно считать выполненными. Физиономия правительства сейчас достаточно ясна — оно преследует цели, обратные нашим, по социально-политическому составу оно буржуазное» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 63).

РСТК, как и ТНР, прошли через ряд этапов своего развития, общим вектором которого было усиление леворадикальных реформ и установление диктатора большевистского центра в Москве над политической организацией двух

общин местного населения Тувы. Первый серьезный кризис в политической организации Тувы, частью которой была РСТК, вызрел к 1924 г., когда в Туве начались массовые выступления тувинцев, поддержанные частью русских жителей, против политики Москвы. В борьбе против восставших Правительство ТНР и Исполком РСТК действовали совместно. Из Красного докладывали в начале 1924 г.: «Для обороны и ликвидации Кемчикских бандитов по предложению Урянхправительства создан совместно с Колонией Урянхайско-Колонистский штаб, располагающий весьма ограниченными силами Урянхправительства и Колонии. В штаб вошли два представителя от Урянхправительства и два от РСТК. Командиром отряда штаб назначил тов. Кочетова» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 3).

Совместные действия против восставших не остановили «центробежные процессы в политической организации Тувы». В 1924 г. Я. С. Чугунов докладывал: «...Поездку делегации от правительства в Москву партийный народ Кемчика считает ненужной... Вопрос о присоединении к Монголии принадлежит инициативе Буяна-Батарху, Нимичжаба, Хамбы-ламы, Нарман-дыху и др...» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 8. Л. 62). В Докладе агента Сибвнешторга в Урянхае А. В. Васильева Уполномоченному НКВД по Сибири в марте 1925 г. говорилось: «в наших взаимоотношениях, главным образом политических, мы терпим ряд неудач в проведении нашего влияния на них. Главной причиной этого служит то, что Правительство сконструировано из враждебных нам элементов и все их взоры направлены в сторону Монголии» (ГАНУ. Ф. Р-41 Оп. 4. Д. 25. Л. 7).

Ухудшались отношения и собственно между тувинскими аратами и русскими колонистами. 15 сентября 1924 г. депутатами Съезда Танну-Тувинской Народно-Революционной партии был поставлен на обсуждение «вопрос о притеснениях Русским населением Тувинского» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 7). В Протоколе заседания Райбюро РКП(б) в 1925 г. отмечалось: «Отдельные граждане тувинцы в некоторых случаях предъявляют русским требования кормить их, основывая такое требование на том, что русские живут на тувинской земле» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 8. Л. 34. Л. 106). В «Протоколе расширенного пленума Исполкома РСТК в Танну-Тува /Урянхае/, созванного при участии районных представителей» в июле 1925 г., говорилось: «Взаимоотношения русских с тувинцами обостряются все более и более на почве земельных конфликтов» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 8).

Одной из причин обострения политической ситуации в Туве было установление полного контроля на регионом командированных советских представителей, для которых интересы местного русского населения и региона вообще были далеки. Почти все лидеры-регионалы, во главе с И. Г. Сафьяновым, были высланы из Тувы. В 1924 г. «потеряли» должности и вынуждены были выехать в РСФСР все первые руководители РСТК. Началась «чехарда» назначений, Председатель исполкома РСТК Тарас Федорович Фотеев в 1926 г. в письме на имя Калинина, Рыкова, Чичерина сообщал: «В указанный выше Исполком я коман-

дирован Сибкрайкомом для занятия ответственной руководящей советской работы, где и проведен Председателем последнего. Дела от предыдущего Председателя Исполкома тов. Душина я принял 25-го Июня» (ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д.32. Л. 12). В Протоколе заседания Райбюро РКП(б) в Урянхае от 3 июля 1924 г. говорилось: «Связь РСТК с Танну-Тува очень слабая и в последствии такового положения дела может совсем оборваться. Объясняется это отсутствием достаточного количества политически развитых людей из тувинцев, знающих русский язык и письмо, и русских, знающих туземный язык и монгольское письмо» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 11. Л. 41).

РСТК испытывала давление и со стороны Москвы, и со стороны тувинского правительства. Вследствие этого имели место попытки части колонистов выйти из ее состава. В «Протоколе заседания Урянхайского Райбюро РКП(б) было записано: «...28 семей хакасов просят разрешить им выселиться в самостоятельный поселок, претендуя получить в наряд землю в Кемчикском районе... просьба группы получить участок в Кемчикском районе откровенно говорит, что главной причиной возбуждения ходатайства инициаторов было желание под благовидным предлогом получение прав нацменьшинства отделиться подалее от колонии как таковой и занять лучшие в Урянхае земли. Предложить фракции Исполкома от удовлетворения ходатайства группы хакасов воздержаться» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 11. Л. 26).

Неблагоприятная политическая и социально-экономическая ситуация вызвала уже в середине 1920-х гг. отток русского населения из Тувы. В августе 1927 г. из Минусинска сообщали в Сибкрайисполком: «В Окрисполкоме имеются сведения о том, что за последнее время наблюдается массовый выезд крестьян колонистов из пределов Тувинской Республики, так например, выехали совсем, за небольшим исключением дворов поселки Максимовка и Владимировка, при чем последний главным образом следует на Восток в Приамурский край, а некоторые на Алтай и Уймон. Причинами выезда, как нам известно, служит тяжелое положение колониста в Тувинской республике... с 1924 года налоги на колонистов стали увеличиваться... в прирезке новой земли Тувинское Правительство отказало, мотивируя тем, что Тувинское население тоже начинает заниматься хлебопашеством. Выезжающие из пределов Танну-Тува оставляют на произвол свои домовладения» (ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 63. Л. 219).

Начавшейся во второй половине 1920-х гг. в СССР курс на радикальную модернизацию, известную под лозунгами «Индустриализация, Коллективизация и Культурная революция», сильно ударил по РСТК, как и по всей Туве. Богатые русские крестьянские хозяйства разорялись, зажиточных колонистов репрессировали. Как говорилось в отчетах относительно русских торговцев в Туве: «Злостные высланы, остальные самоликвидировались» (ГАНИИО. Ф. 16 Оп. 1. Д.951. Л. 42). И если тувинские власти пытались «залатать дыры» за счет русских хозяйств, то лидеры РСТК безуспешно просили дотации у Советского Союза.

Русские колонисты выражали недовольство советской политикой. Например, В. С. Кан отмечает, что в 1926–1928 гг. из-за финансовых трудностей, а также усилившегося агитационно-пропагандистского курса газета «Красный пахарь» находилась в стадии кризиса. Отказ от подписки на газету стал одной из форм саботажа многими крестьянами советской политики и ее существование поддерживалось за счет дотаций центра (Кан, 2007).

Сложившаяся в Туве социально-политическая система, частью которой была РСТК, во второй половине 1920-х гг. стала разрушаться. В 1927 г. численность штатных работников Исполкома РСТК сократилась с 68 до 11 человек. В конце 1927–1928 г. были ликвидированы собственная промышленность и собственная торговля РСТК. Полпредство заставило ликвидировать ЧОН колонии и регистрировать оружие колонистов. В регионе начался процесс объединения русских и тувинских общественно-политических структур. Окончательно РСТК была упразднена 24 мая 1932 г., когда по советско-тувинскому соглашению оставшиеся структуры Русской колонии были преобразованы в комитеты советских граждан.

Заключение

Таким образом, история Тувинской Народной Республики дает интересный пример развития русского сибирского регионализма. Одним из его ярких проявлений является Русская самоуправляющаяся трудовая колония. Этот регионализм имел не только социально-экономическую базу, но и политическую основу, объективно был направлен против национального сепаратизма и «великодержавного шовинизма». РСТК был уникальным явлением подобного рода в истории России, и был возможен только в уникальных условиях истории Саянского края с центром в Туве. Представляется, что проблемы русского регионализма должны стать важнейшей составляющей такой научной дисциплины, как тувиноведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аранчын, Ю. Л. (1977) РСТК и ТНР // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 148 с. С. 72–89.

История Тувы (1964) : в 2 т. М. : Наука. Т. II.

История Тувы (2007). Новосибирск : Наука. Т. II. 202 с.

Кан, В. С. (2007) Становление и развитие газетной периодики Тувы (1921–1985 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Омск. 23 с.

Моллеров, Н. М. (1990) Русская самоуправляющаяся трудовая колония в ТНР и ее роль в укреплении советско-тувинских отношений (1917–1932 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск. 25 с.

Моллеров, Н. М. (2005) История советско-тувинских отношений (1917–1944гг.). М. : Институт молодежи. 326 с.

Сат, С. Ч. (2002) К вопросу о деятельности русской самоуправляющейся колонии в Тувинской Народной Республике // Вестник Международного центра азиатских исследований (Иркутск). № 7.

Смирнов, А. И. (1931) Верхний Енисей, как торговый путь в Монголию и Танну-Туву // Советская Азия. Кн. 3–4. С. 153–163.

Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края (1921) : составлены по данным всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916-1919 гг. Красноярск : Типография Енис. Губ. Союза Кооперативов. Ч. 1.

Дата поступления: 12.07.2016 г.

REFERENCES

Aranchyn, Yu. L. (1977) RSTK i TNR. In: *Velikii Oktiabr' i problemy noveishei istorii Tuvy*, ed. Iu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd-vo. 148 p. Pp. 72-89. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (1964) : in 2 vol. Moscow, Nauka. Vol. II. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (2007). Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 202 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2007) *Stanovlenie i razvitie gazetnoi periodiki Tuvy (1921–1985 gg.)*, Abstract of Dissertation... Candidate of History. Omsk. 23 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (1990) *Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v TNR i ee rol' v ukreplenii sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1932 gg.)*, Abstract of Dissertation... Candidate of History. Novosibirsk. 25 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2005) *Istoriia sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1944 gg.)*. Moscow, Institut molodezhi. 326 p. (In Russ.).

Sat, S. Ch. (2002) K voprosu o deiatel'nosti russkoi samoupravliaiushcheisia kolonii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike. *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovanii*, no. 7. (In Russ.).

Smirnov, A. I. (1931) Verkhonii Enisei, kak torgovyi put' v Mongoliiu i Tannu-Tuvu. In: *Sovetskaia Aziia*, book 3–4. Pp. 153–163. (In Russ.).

Spiski naseleennykh punktov Eniseiskoi gubernii i Uriankhaiskogo kraia (1921) :

sostavleny po dannym vserossiiskoi sel'sko-khoziaistvennoi perepisi 1917 goda i po drugim issledovaniiam 1916-1919 gg. Krasnoiarsk, Tipografia Yeniseiskogo Gub. Soyuzo Kooperativov. Vol. 1. (In Russ.).

Submission date: 17.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Дацышен В. Г. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике как уникальный опыт российского регионализма [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/461> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Datsyshen V. G. Russian autonomous labor colony in the People's Republic of Tuva as a unique case of Russian regionalism. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/461> (accessed: ...).

САНГХА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

THE SANGHA AND THE POLITICS OF PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Иванна В. Отрощенко

Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
Национальной академии наук Украины

Ivanna V. Otroshchenko

A. E. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences, Ukraine

В период Тувинской Народной Республики (1921–1944 г.) процессы реформирования буддийских общин в стране проходили в рамках обновленческого движения, как и в буддийских автономиях СССР и Монгольской Народной Республики. Такие подходы в «ламском вопросе» были детерминированы фактором советского влияния в Туве (советское руководство рассчитывало при помощи обновленческого движения ослабить позиции буддийских общин). Таким образом, модернизация в этом направлении иницировалась извне и руководствовалась политическими соображениями (хотя и была поддержана рядом авторитетных лам). Реформаторские замыслы не получили своего развития вследствие радикальных политических изменений в Туве, имевших место в 1930-е гг. и затронувших и религиозную сферу.

Приведенная в статье статистика свидетельствует, что буддийская община пребывала в непосредственной зависимости от внутреннеполитического курса ТНР: от относительного благополучия во второй половине 1920-х гг., кардинального уменьшения лам и монастырей в конце 1920 — начале 1930-х (во время первой волны репрессий и карательной

Under the People's Republic of Tuva (PRT, 1921-1944) reforming the Buddhist religious community took shape of 'modernization' (obnovlenchestvo), just as it also happened in the Buddhist-dominated regions of the USSR and Mongolian People's Republic. Such an approach to the 'lama issue' was taken under pressure from the Soviet leadership, who tried to use the 'modernizers' against the influence of the Buddhist clergy. Thus the modernization was initiated from outside and was motivated by political considerations, although endorsed by several authoritative lamas. Radical political change in Tuva during the 1930s stopped the religious modernization in its tracks.

The statistics we cite shows that the welfare of the Buddhist community directly depended on the internal policy of the PRT: from relative well-being in mid-1920s it went to a sharp decline in the clergy and monastic communities during the first wave of punitive policy and repressions (late 1920s – early 1930s), then to a somewhat relaxed policy that led to the revival of the sangha during the 'new deal',

Отрощенко Иванна Витальевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины; главный редактор журнала «Східний світ» («Мир Востока»). Адрес: 01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4, к. 215. Эл. адрес: shidnyj.svit@gmail.com

Otroshchenko Ivanna Vitalievna, Doctor of History, Leading Research Fellow, Department of the Far East, Institute of Oriental Studies, A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences, Republic of Ukraine; Editor-in-Chief, Skhidnii Svit (Mir Vostoka). Postal address: Apt. 215, 4 Grushevsky St., 01001 Kiev, Ukraine. Email: shidnyj.svit@gmail.com

политики в религиозной сфере), некоторого восстановления сангхи в результате т. н. «нового курса» и до очередного упадка во время репрессий второй половины 1930-х гг. Восстания 1924-го и 1932-го гг. в Туве (значение последнего было усилено большим восстанием в МНР) вызывали некоторое смягчение государственной политики в религиозном вопросе.

В целом же основные направления религиозной политики ТНР и время их приведения в жизнь совпадают с аналогичными процессами в Бурятии, Калмыкии и МНР. Можно заключить, что небольшое количество тувинских монастырей и живущих при них лам послужило причиной для радикального решения государством вопроса с буддизмом в Туве еще в начале 1930-х гг., тогда как в других буддийских республиках сокрушительный удар по сангхе пришелся на вторую половину 1930-х гг.

Статья базируется на архивных документах Российского государственного архива социально-политической истории, ряд сведений из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; Монгольская Народная Республика; обновленческое движение; сангха; лама; монастырь; шаман; борьба с религией; национализация

and to a new low during the repressions of the later 1930s. The Tuva uprisings of 1924 and 1932 (with the latter made still more important by the large uprising in Mongolia) led to a certain easing of the repressive state policy on religion.

On the whole, the main features of the religious policy in the PRT, as well as the timing of their implementation, coincide with the analogous developments in Buryatia, Kalmykia and Mongolian People's Republic. We can conclude that the radical solution to the Buddhist issue in Tuva was chosen as early as at the start of the 1930s due to the relatively small number of monastic communities and lamas living therein. The crushing blow on the sanghas of other Buddhist regions was dealt at the end of the same decade.

Our study made use of archival sources from the Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI), including some previously unpublished.

Keywords: People's Republic of Tuva (PRT); history of Tuva; Mongolian People's Republic; religious modernization (obnovlenchestvo); sangha; lama; monastic community; shaman; struggle against religion; nationalization

Введение

Недолгая история Тувинской Народной Республики (1921–1944) во многих своих аспектах остается на сегодня недостаточно освещенной. Одним из таких аспектов является функционирование буддийской общины в условиях постепенно формирующегося тоталитарного государства. Исходя из небольшого количества источников (значительная часть которых остается засекреченной), не всегда удается определить даже общее количество тувинских лам (в частности, живших при монастырях) и самих монастырей в 1920–1930-е гг. С помощью собранных архивных данных автор надеется пополнить имеющуюся статистику и исторические сведения относительно буддийской общины ТНР.

Тувинская сангха и государство в 1920-е гг.: из истории взаимодействия

Из немногих источников, дошедших до нас с того времени, известно, что в Туве в 1920-е гг. ламы и монастыри были освобождены от налогообложения, тибетская медицина финансировалась из госбюджета, число хурэ увеличилось. Тувинские ламы, как и ламы в МНР, становились не только преподавателями,

врачами, служащими, но и входили в состав новых политических структур, по крайней мере, дважды возглавляли страну. Ламам даже было поручено создание национальной письменности.

Одной из причин такого мирного временного сосуществования была непростая политическая обстановка в Туве. Вызовы, с которыми сталкивалась тувинская власть и поддерживавшее ее советское руководство, корректировали внутривластные политические курсы ТНР, в частности в религиозном вопросе. Летом 1924 г. советник советского посольства в Туве П. Медведев рекомендовал руководителям Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) взять решительный курс на изживание религии как пережитка прошлого. Глава правительства М. Буян-Бадыргы и его коллеги возразили, что буддизм является неотъемлемой частью тувинской культуры и образа жизни, поэтому крайние меры в этом деликатном вопросе не могут быть допущены (Монгуш, 2001: 101). Беседа эта происходила, судя по всему, в период, когда в Туве бушевало Хемчикское восстание, что само по себе было веским поводом воздержаться от непродуманных и резких шагов.

12 августа 1924 г. в Кызыл съехались около 500 человек со всех тувинских хошунов, которые в течение следующих двух суток обсуждали с представителями власти, СССР и МНР вопросы, беспокоившие как повстанцев, так и все общество (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 1, л. 21). Среди таких вопросов как налоги, принудительная отправка девочек в школы, заявление Тес-Хемского и Салчацкого хошунов с просьбой о присоединении Тувы к Монголии, упоминались и притеснения в религиозной сфере. По-видимому, принимая во внимание и сказанное на этом совещании, Полномочной комиссией ЦИК СССР была разработана тайная инструкция советскому консулу в Туве И. Чичаеву, Районному бюро РКП(б) и президиуму исполкома РСТК от 15 августа 1924 г. Согласно этой инструкции, в частности, надлежало стремиться к культурному и политическому сближению с тувинским народом и правительством, поддерживать их во всех культурных и политических начинаниях, избавляться от «колонизаторских настроений», но в то же время как в партийной, так и в государственной работе избегать всего, что вносит в быт тувинского народа чересчур резкую ломку, оскорбляя его религиозные и национальные чувства (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 1, л. 26–27).

Судя по некоторым документам, можно говорить об определенном патронировании сангхи со стороны ЦК ТНРП в последующие годы. Так, в конце 1924 — начале 1925 г. почти во всех тувинских хурэ среди молодых лам наблюдались как склонность к перекочевке из одних хурэ в другие, так и окончательный выход из духовного сословия (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). По мнению автора, объяснением такой ситуации служат события в Монголии, где осенью 1924 г. на I Великом Хурале была принята Конституция и провозглашен респу-

бликанский строй. Ощутимый удар был нанесен по политическим, социальным и экономическим позициям монгольского духовенства. Провозглашение Монголии республикой законодательно оформило решение об упразднении теократической монархии, следствием которого стало прекращение поисков будущих реинкарнаций Богдо-гегена. Это свидетельствовало о прекращении правящими структурами многовековой религиозной традиции, которая занимала важное место в жизни монгольского и тувинского народов. В МНР после 1924 г. начался массовый исход лам из монастырей. Через полгода после I Хура-ла некоторые монгольские хубилганы (реинкарнации (перевоплощения) выдающихся деятелей буддизма или персонажей пантеона) даже подали заявление о сложении своего духовного звания, но с условием, чтобы это не расценивалось как намерение полностью игнорировать религию. По словам советского журналиста А. Полторацкого, культурное ядро монгольского Революционного союза молодежи составляли юноши, некогда отданные в монастырские школы и вышедшие оттуда в результате событий 1924 г. (Отрощенко, 2000: 178).

Не имея возможности повлиять на сложившуюся ситуацию, тувинские ламы обратились за помощью к ЦК ТНРП. Его глава Шагдыр созвал при ЦК совещание для рассмотрения главным образом «ламского вопроса», на котором присутствовали около 20 лам. Совещание постановило: запретить вышеупомянутую перекочевку, а желающие оставить духовное сословие подлежали тюремному заключению сроком до 3-х месяцев либо уплате штрафа в 35 (36) лан в месяц (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66; см. также: Монгуш, 2001: 101). За свою инициативу Шагдыр в скором времени был снят с должности главы ЦК ТНРП и отправлен на работу в хошун в знак наказания (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). Как известно, М. Шагдыр, в октябре 1924 г. избранный главой ЦК ТНРП, занимал эту должность в течение года.

Постановление разослали по хурэ и им ламство руководствовалось до начала буддийского съезда. Автору сложно пока сказать, съезд какого года имеется в виду в документе — большой съезд 1928 г. или более раннее собрание. Например, в Протоколе IV съезда ТНРП (14–19.10.1925) упоминается, что на 2-м заседании (15.10.1925) ЦК ТНРП было признано необходимым поддерживать религию. С этой целью был устроен съезд лам (по 1 человеку от монастыря), постановления которого, состоящие из 13 пунктов, разослали на места (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 8 об.).

Правящие структуры ТНР, поддерживая сангху в середине 1920-х гг., в то же время с недоверием относились к отдельным ее представителям. Информационная сводка Управления государственной внутренней политической охраны (УГВПО) ТНР за март 1927 г. сообщает нам о судьбе первого камбы-ламы (верховного ламы. — ред.) Тувы, неординарного общественного и политического деятеля 1910-х гг., Лопсана Чамзы (больше о нем см.: Отрощенко, 2014: Элек-

трон. ресурс) уже во времена ТНР. Там рассказывается, что полтора-два месяца тому среди тувинцев, особенно в районе Хемчика, стали циркулировать слухи об ожидаемом возвращении камбы-ламы, бежавшего из Тувы после Хемчикского восстания (1924 г.) и проживавшего на первых порах в Монголии и в последнее время — в Тибете. В начале апреля 1927 г., когда выяснилось, что Лопсан Чамзы планирует вернуться в Туву, ламство Хемчикского района намеревалось устроить ему встречу и обратилось за разрешением на въезд для влиятельного ламы к правительству. Премьер-министром ТНР в то время был К. Дондук, некогда лама Верхне-Чаданского хурэ. Советский переводчик Г. Банзаракцаев, работавший в Туве во второй половине 1920-х гг., так характеризовал К. Дондука Восточному отделу Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее — ИККИ): «бывший лама с достаточным духовным образованием. Окончательного разрыва с духовенством не имеет» (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 26, л. 3). Итак, во время предварительной беседы на эту тему К. Дондук сказал, что «никаких встреч устраивать не следует. Если ему хочется вернуться на родину, пусть едет» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 84). Лопсану Чамзы припомнили связь с белогвардейцами, приписывали симпатии к китайцам. Бывшего горячего сторонника российского покровительства над Урянхайским краем теперь называли идейным вдохновителем Хемчикского восстания. Поговаривали даже, что его возвращения большая часть населения рассматривала как предвестник «опять каких-нибудь бед» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л.84). Камбы-лама возвращался вместе с двумя спутниками, один из которых уже вроде бы прибыл в Верхне-Чаданское хурэ. Прибытия самого Лопсана Чамзы ожидали в мае, приписывая в конце этой информации: «(приняты меры наблюдения)» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 84). Хемчикский иерарх все же вернулся в Туву, но его участие в важных общественно-политических мероприятиях, насколько можно понять из дальнейших событий, было ограничено.

Идеи обновленческого движения в Туве

На одном из заседаний ЦК ТНРП в декабре 1924 г. обсуждалась необходимость оздоровления религии. Такая постановка вопроса апеллировала к идеологии обновленческого движения. Это течение оформилось в 1922 г. на 1-м Буддийском соборе в Ацагатском дацане (Бурятия) и привело к глубокому расколу среди бурятского духовенства на сторонников реформ (обновленцев), которые стремились примирить вероучение с советской действительностью и приблизить его к начальному, «чистому» учению Будды, и их противников (консерваторов). Обновленцы планировали реформу административного управления церкви на принципах выборности, обновления системы религиозного образования и т. д. Модернизированный буддизм должен был также освободиться от внешних атрибутов традиционной религии: храмов, богов, обрядов и священ-

ников (Герасимова, 1995: 25). Движение было лояльным к советской власти. В то же время советское руководство не разделяло главного тезиса движения о «тождестве буддизма и коммунизма». При помощи обновленцев партия планировала, с одной стороны, разложить ламство, а с другой — влиять на «центры буддизма» за пределами СССР, в Монголии и Тибете, в частности на главу «желтой веры» — далай-ламу (Андреев, 1997: 237–238).

Как известно, на Всесоюзном съезде буддистов за основу проекта Всесоюзного Устава и Положения о буддийском духовенстве СССР был взят именно проект обновленцев Бурятии. В течение 1920-х гг. в распоряжение последних перешла большая часть дацанов Бурят-Монголии, имели место попытки создания трудовых ламских коммун. Но движение не поддержало большинство верующих и буддийского духовенства, прежде всего в самой Бурят-Монголии, и оно пошло на спад на рубеже 1920–1930-х гг., оказавшись также неприемлемым с позиций господствовавшей идеологии.

Обновленческое движение было неоднозначным историческим явлением. Это реформаторское течение в условиях того времени превратилось в еще один способ идеологической борьбы с буддийской церковью. В 1920-х гг. идеи обновленческого движения, кроме Бурятии, получили некоторое распространение в Калмыкии и Монголии.

Информационная сводка УТВПО за март 1927 г. сообщала, что в некоторых хурэ, за исключением Хемчикского района, отмечается тенденция созвать общий съезд ламства Тувы для обсуждения в основном дела религии за последнее время (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 62). В районах Тоджинского и Каа-Хемского хошунов фиксировались нарекания со стороны ламства в адрес правительства, обвинение последнего в том, что оно не оказывает ламству содействия. По словам Н. Москаленко, тувинский премьер пришел к мысли, что среди ламства нужно произвести «кое-какой переворот» и в течение почти всего 1927 года собирал соответствующий материал о духовенстве, держа его в секрете от всех и, прежде всего, от лам (Москаленко, 2004: 108). По мнению автора, не исключено, что именно возвращение авторитетного и оппозиционного правительству Лопсана Чамзы подтолкнуло тувинское руководство к мыслям о необходимости реформировать сангху и снизить роль ламских иерархов. Как речь пойдет ниже, на съезде, в частности, была принята резолюция, согласно которой надлежало полностью упразднить должности бывших больших лам.

Осенью 1927 г. в беседе К. Дондука с советским полпредом А. Старковым был затронут вопрос о ламстве, что побудило к официальной постановке этого вопроса на одном из заседаний правительства Тувы в начале декабря 1927 г. (больше об этом заседании см.: там же: 108–109). Была создана специальная комиссия, ответственная за сбор сведений о положении сангхи, монастырей и их хозяйств, утверждение состава делегатов будущего съезда и т. п. Судя по

всему, такая информация действительно собиралась и базировалась на определенных критериях: так один из делегатов 1-го Буддийского съезда, который представлял хурэ из Тесингольского (Оюннарского) хошуна, рассказывал, что в 1928 г. среди них делали перепись по правительственному поручению, но женатых лам не записывали. В результате вышло, что в хурэ до переписи насчитывалось 100 лам, а после переписи осталось лишь 9 (все остальные были женаты) и хурэ чуть не распалось (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 30). Такие свидетельства ставят под вопрос имеющиеся цифры по количеству тувинских лам, в частности те, которые были оглашены во время съезда: похоже, считали, прежде всего, именно монастырских лам, где-то могли не посчитать женатых представителей монастырей.

8–12 марта 1928 г. в Туве прошел 1-й Буддийский съезд, поставивший своей целью обновить и очистить религию соответственно идеологии обновленческого движения. В. Мачавариани, представитель Коммунистического интернационала молодежи (КИМа) на IV съезде тувинского ревсомола (открылся 24 декабря 1928 г.), рассказывал про ламу Сивена — одного из наиболее передовых лам, сторонника самостоятельности Тувы и независимости тувинского ламства от тибетской иерархии (Мачавариани, Третьяков, 1930: 89). Гебши Сивен, учившийся в Монголии и владевший монгольским и тибетским языками, как и некоторые другие ламы, пребывал под влиянием обновленческого движения. Протоколы 1-го Буддийского съезда, ламы-делегаты которого представляли все хурэ Тувы, — одно из немногих свидетельств некоторого распространения этих идей и в ТНР. Делегатов было 33 человека, все они читали по-тибетски. Монгольской письменностью владели 7 лам, монгольским разговорным языком — 16. Половина из делегатов съезда обучалась в Монголии.

Интересно, что присутствие Лопсана Чамзы на буддийском съезде было нежелательным для тувинской власти, которая его побаивалась, принимая во внимание как большой авторитет хемчикского иерарха среди ламства, так и критику им всех действий правительства. Поэтому было решено лам в сане хамбо на съезд не приглашать (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 65). Выходит, к работе съезда из политических соображений не был допущен ряд влиятельных лам высокого ранга. Так Лопсан Чамзы, одна из главных фигур в планах реформирования основ тувинского буддизма 1910-х гг., из-за своего прошлого и независимой гражданской позиции, оказался вне нового проекта модернизации тувинской сангхи. Через два года, в мае 1930 г., он был расстрелян за «антинародную деятельность».

Судя по протоколам 1-го Буддийского съезда, в ТНР насчитывалось 3408 лам, из которых женатых — 591 (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 63). Во время работы съезда обсуждалось отделение церкви от государства, а также ряд политических вопросов. Премьер-министр ТНР К. Дондук не преминул упрекнуть

духовенство в недостаточной лояльности (намекая, возможно, на Лопсана Чамзы): «...перед Кемчикским восстанием было очевидно, что народ начинает дурить, ламство же, вместо того, чтобы сдержать, дурило вместе с народом и толкало его дальше...» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 12). Вот некоторые из реформаторских замыслов, звучавших на съезде. К. Дондук озвучил главные цели съезда: выяснить, что такое религия и каковы ее задачи, очистить религию от ненужного мусора и прогрессировать. Глава Государственной инспекции М. Буян-Бадыргы, выдающийся тувинский политический деятель, сказал: «Религия, как таковая, она правильная. Чистить нужно, но не саму религию, а чистить нужно лам и в будущем дать им соответствующее руководство» (цит. по: Нацов, 1930: 105). Еще один лидер партии Санжай отмечал: «Мы знаем что большинство хуре (монастырей) нуждается в кадре образованных лам; из этого положения выйти можно. Необходимо пригласить иностранных монахов, но ни в коем случае не пользоваться услугами женатых лам» (там же: 105).

Заметим, что в это время идеи обновленческого движения пользовались популярностью и среди политической элиты МНР. Национальные демократы, в свою очередь, признавали огромную роль буддизма в истории и мировоззрении монгольского народа, но требовали от религии того же «обновления», что и от общества, которое само находилось в состоянии перемен. Как для элиты, так и для населения невозможно было за считанные годы перейти от практически стопроцентной религиозности к воинствующему атеизму, на чем настаивали советские советники. В такой ситуации один из главных тезисов обновленцев о «тождестве буддизма с коммунизмом» был с интересом воспринят монгольской политической элитой. Такие положения признавали за буддизмом некоторые позитивные стороны и объясняли необходимость сохранения религии в новых условиях (больше см.: Отрощенко, 2000). Скорее всего, такими же соображениями руководствовались и тувинские политики.

О. Соднам, генсек ЦК ТНРП (1926–1928), поинтересовался, почему в Тибете и Монголии есть хубилганы, а в Туве нет? Гебши Сивен ответил, что, во-первых, не было высокопоставленных лам, во-вторых, не было выдающихся фигур, в-третьих, «просто не смогли» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 32). Он также заметил, что вообще-то перерожденцев быть не должно. На вопрос премьер-министра ТНР К. Дондука «Как буддизм смотрит на перерожденцев?» Сивен ответил так: в зависимости от поведения хубилганов — хорошего или плохого. На самом деле, и народ, и духовенство обычно прощали хубилганам любое поведение, поскольку даже проявление ярости могло оказаться проявлением функций гневного божества-защитника северно-буддийского пантеона. В то же время необходимость отказа от института хубилганов была одним из главных убеждений бурятских обновленцев. Именно гебши Сивен делал доклад об обновлении и оживления желтой религии. Он предлагал разогнать женатых лам, созвать весь народ для избрания новых, основать при монасты-

рях свои тувинские школы, чтобы не ходить за учением в Тибет и Монголию, а в школах этих нужно учить не тибетской, а новой тувинской письменности, им изобретенной (Мачавариани, Третьяков, 1930: 90). Как говорилось в начале статьи, тувинским ламам было поручено создание национальной письменности. В результате в 1928 г. при участии чаданских лам (Сивена и Лопсан-Чимита) был составлен проект тувинской письменности на латинизированном алфавите (Пальмбах, 1935: 165).

Центральным вопросом, поднятым в докладе гевши Шойдона, ранее учившегося в Монголии и владевшего монгольским и тибетским языками, стало требование изгнания из хурэ женатых лам. Мол, сегодня лама, завтра простой мирянин, а послезавтра — никто.

«Это не ламы, а недоразумение. Лама должен быть ламой, и религия с женатым ламством никак не увязывается, она увязывается только с чистым (неженатым). Лучше выгнать тысячу грязных лам и оставить одного, но чистого, соответствующего этому званию, званию ламы, и все те, кто возмущается обновленческим движением, тот сознательно ведет религию к гибели» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 30).

Шаброл (лама из небольшого хурэ в Хемчикском районе, насчитывавшем всего 35 лам, двое из которых на момент съезда учились в Улан-Баторе) заметил, что учение Будды является современным учением, а современное, в свою очередь, есть революционным. Это подтверждает тот факт, что действия правительства и партии направлены к аратской массе, как и учение Будды. Итак, законы правительства и законы Будды — между собою одинаковы (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 44).

Напомним, что бурятские апологеты обновленческого движения считали, что «...для будущего нужны лишь основы буддизма, лишь те моменты, в которых он совпадает с проблемами современности» (цит. по: Дамдинов, 1997: 82). В выступлении тувинского ламы видим отзвук таких идей. Ламы, в частности, интересовались, можно ли отправить делегацию в Бурят-Монголию, чтобы изучить там обновленческое движение? (Мачавариани, Третьяков, 1930: 91).

Большинство делегатов стояли за обновленчество, 10–13 чел. — за изгнание из хурэ женатых лам; 10–12 чел. — за сохранение женатого ламства, остальные относились к этому вопросу нейтрально. Была принята резолюция, согласно которой надлежало полностью упразднить должности бывших больших лам, а для исполнения обязанностей хамбо и пр. «надлежит выбирать особенно умудренных лиц из действительных лам» (пункт 2 резолюции по докладу об основах религии) (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 55).

В резолюции по докладу Севена и докладам с мест, в частности, отмечалось: есть отдельные врачи, лечащие людей, и ламы разных монастырей, проводя-

щие религиозные службы, без специального образования, что недопустимо, а поэтому в дальнейшем соответствующему органу, который будет следить за этим, надлежит выдавать удостоверения ламам-врачам и пр.; для установления руководства и единого порядка в делах дацанов и монастырей и обновления в религиозных делах, необходимо создать центральный орган, ведающий религиозными делами. Поскольку в настоящее время законы и инструкции еще не изданы, надлежит издать для духовенства законоположения внутреннего распорядка и для временного руководства разными делами выбрать специальную комиссию. В обращении 1-го Буддийского съезда звучал призыв в течение двух месяцев провести точную перепись количества лам, а также количества скота и имущества монастырского и ламского, а также подытоживалось: «Все эти решения входят в законную силу и для проведения их просим общим усилием и единым стремлением приложить старание, а также обновить религию, которую с давних времен исповедует население, просим оказывать ей всемерную помощь в чистом и непорочном проведении ее» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 85). Избранный центральный орган духовного управления в составе 10 человек должен был приступить к работе через два месяца после съезда, т. е. в конце мая 1928 г.

По словам В. Мачавариани, Буддийский съезд успел сделать лишь одно: выбрать делегацию в Бурят-Монголию — очаг обновленческого движения. Делегация была отправлена за государственный счет (Мачавариани, Третьяков, 1930: 92). Представители от Тувы принимали участие в III съезде буддистов Бурят-Монголии, проходившем в августе 1928 г. в Верхнеудинске. Гебши Шойдон выступил с приветственным словом: «Мы счастливы тем, что на нашу долю ныне выпало величайшее счастье лично участвовать в Вашем соборе и установить взаимоотношения, приезжая из далекой страны Танну-Тува, что является доказательством того, что советской властью создана полная свобода совести» (цит. по: Москаленко, 2004, 110–111).

Безусловно, все это свидетельствует о стремлении к некоторой модернизации сангхи как в среде тувинского ламства, так и среди политиков ТНР. Отношение советской стороны к обновленчеству в ТНР можно уяснить благодаря информационной справке под названием «Тува», составленной советскими экспертами (дата на справке, стоящая за входным номером — 2 февраля 1929 г.) (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 35–42). Там, в частности, указывалось, что за последнее время среди тувинского ламства началось обновленческое движение, которое, по мнению авторов справки, при развитии его и умелом использовании со стороны партии и правительства может иметь значение в деле разложения ламства и подрыва его влияния на массы (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 36).

В мае 1928 г. Малый Хурал утвердил закон о том, что буддизм является государственной религией и впредь запрещается проведение антирелигиозной про-

паганды. Н. Москаленко пишет, ссылаясь на «Протоколы Первого буддийского собора ТНР» (Кызыл-Хото, 1929: 46–48), что в этот период число монастырей увеличилось с 22 до 26, а лам вместе с учениками насчитывалось около 3500 человек (Москаленко, 2004: 110). В научной литературе встречается и большее число тувинских монастырей, функционировавших в этот период. Автору за время работы с документами периода ТНР встречалась упоминание лишь 22 тувинских хурэ и от этой цифры он и предпочитает отталкиваться. В вышеупомянутой справке «Тува» сообщается, что значение и роль ламства в Туве по его численности и имущественному положению далеко меньшие, нежели в соседней Монголии: «Мы имеем следующие сведения о тувинском ламстве: лам — 2200 чел. (3,8% населения), скота монастырского и ламского — 13358 бод (3,2% всего скота)» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 36). Но было еще значительное количество лам, живших вне монастырей (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 148) и в указанную выше цифру, очевидно не вошедших. Автор в своем исследовании ориентируется на статистические данные, указанные в этой справке. В справочных материалах, подготовленных для доклада в Коминтерне (от 8.09.34, л. 71–105), сообщались несколько другие цифры: в 1928/1929 году в стране насчитывалось 22 монастыря (хурэ) с 3600 ламами. Кроме того, было еще значительное число лам, не живущих в монастырях (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93).

Борьба с религией в Туве в конце 1920-х – 1930-х гг.

Согласие между государством и сангхой продолжалось недолго. Платформа левых ТНРП к IV съезду Революционного союза молодежи и II Пленуму ЦК партии, переданная 24 декабря 1928 г. представителем Коминтерна при ЦК ТНРП С. Нацовым (который наверняка принимал непосредственное участие в ее составлении) В. Мачавариани, уже предлагала проводимую до сего времени политику в отношении монастырей и лам считать в корне неправильной. Предлагалось обложить государственным налогом монастыри и лам на общих основаниях со всем населением (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 27, л. 16). В то же время в 1928 г. представитель Коминтерна в Туве Г. Банзаракцаев отмечал, что борьба с ламами при умелой работе не так сложна и вообще они не так опасны, тем более, что тувинское духовенство не имеет в своих рядах великих «святых» или «живых богов», которые есть в Тибете и Монголии, а потому оно слабее и менее организовано (Харунов, 2009: 36).

С 1929 г. количество тувинских монастырей и проживавших в них лам стало катастрофично сокращаться в связи с политической линией власти, инспирированной советской стороной и Коминтерном. В реализации такой государственной политики печальную роль сыграл VIII съезд ЦК ТНРП (20.10–10.11.1929).

Так, во время работы съезда, 28 октября 1929 г., заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карахан отмечал: «При обсуждении на Монгкомиссии проекта письма ИККИ Тувинской НРП и вопроса о поездке в Туву т. Райтера было решено вопрос о конфискации выдвигать лишь в той мере, в какой он будет ставиться снизу, принимая меры к тому, чтобы разъяснить массам и парт. руководству необходимость соблюдения должной осторожности и тщательной подготовки с одной стороны и недопустимость переоценки тех результатов, которые конфискации может дать. Однако, из полученной телеграммы нашего поверенного в делах т. Старкова видно, что т. Райтер все же на съезде этот вопрос поставил, указав в своем докладе съезду, как на одну из основных задач, на ликвидацию влияния верхушечных слоев «путем конфискации скота монастырей, богатых лам и феодалов с выселением последних» (подчеркнуто в документе. — И. О.)» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 143). Отмечалось, что, включая в число объектов конфискации монастыри, И. Райтер, прибывший на VIII съезд ТНРП в качестве представителя Коминтерна, пошел даже дальше той постановки вопроса о конфискации, которая была выдвинута в отношении Монголии.

Полпред СССР в Туве А. Старков с группой сотрудников, в свою очередь, вполне резонно считали конфискации скота у монастырей равнозначной их фактическому закрытию. Это, по мнению полпреда, могло привести не к расколу, а к сплочению ламства и к смычке его с религиозной массой. Л. Карахан, со своей стороны, также предлагал воздержаться от конфискации монастырского имущества (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 143). В резолюции VIII съезда ТНРП по отчету ЦК, в частности, указывалось: необходимо и впредь сохранить особый подоходно-прогрессивный налог на ламско-монастырские хозяйства и ограничить их безвозмездное пользование земельными угодьями и народным имуществом (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 30, л. 74).

В конце 1920 — начале 1930-х гг. ТНРП инициировала, в частности, следующие меры в «ламском вопросе»:

- лишение тибетской медицины государственного финансирования (аналогичное решение было принято в э то же время в МНР);
- отмена всех привилегий, которыми пользовались ламы;
- отмена обязательного принудительного налога на население в пользу религиозных учреждений;
- объявление полной свободы вероисповедания и в связи с этим повышение возраста для вступления в хувараки ((монг. хувраг) ученик ламы, послушник дацана);
- объявление права свободного выхода лам из духовного сословия;
- возвращение избирательных прав хуваракам и ламам, оставившим духовное сословие;

- возвращение права «трудового землепользования» ламам, приступившим к «производственной» деятельности;
- освобождение от специального ламского налога тех лам, у которых основным занятием было сельское хозяйство.

Советский представитель при ЦК ТНРП В. Богданов докладывал (21.03.1930): «Мероприятия по ламскому вопросу, принятые нами (частичная национализация имущества монастырей, в связи с самозакрытием монастырей) тов. Чуцкаевым (уполномоченным представителем Коминтерна. — И. О.) одобрены. Намечающиеся мероприятия по вопросу имущества “джасс” в Монголии по существу сводятся к национализации. Запрещение распоряжаться “джассовским” имуществом самим ламам и их органам является почти национализацией. В связи с тем, что у нас ламство значительно слабее то т.т. Чуцкаевым и Кучумовым (в 1930 г. представитель Коминтерна в МНР. — И. О.) предложено провести полную национализацию имущества монастырей в Туве» (РГАСПИ. Ф. 495, оп.153, ед. хр. 37, л. 39).

Из НКВД отвечали (скорее всего, Л. Карахан), что полная национализация имущества монастырей в Туве — неверна: «В нашей резолюции мы рекомендовали усилить идейную борьбу с ламством, добиваться дифференциации среди лам и способствовать свободному выходу лам по их желанию из монастырей и ламского сословия с обязательным по закону выделением причитающейся им части общемонастырского скота и имущества» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 54). Помимо того представлялось целесообразным добиться такого положения, когда аратская беднота могла бы на выгодных условиях брать на выпас монастырский скот.

Постановление ЦК ТНРП об отделении церкви от государства (1930 г.) признавало необходимым национализацию имущества хурэ (Малому Хуралу предлагалось представить на обсуждение ЦК проработанную инструкцию о порядке проведения национализации), а также принятие проекта постановления про возрастное ограничение для лиц, желающих стать хувараками и ламами (до 18 лет — «не отдавать, не учить, не пускать на службы») (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 43, л. 1–2). В МНР закон, запрещавший вступление в монастыри несовершеннолетних приняли позже — в 1933 г. и он был воспринят народом как акт, направленный на полное уничтожение религии. В целом же в Туве ламы и шаманы трактовались в то время как «непреданные революции элементы», в одном ряду с нойонами, эксплуататорами, спекулянтами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 27–32). Несмотря на принятие вышеупомянутого постановления про отделение церкви от государства, в том же 1930 г. отдельные работники органов власти продолжали собирать необходимое для служб в хурэ.

Следом за принятием всех вышеперечисленных мер начался массовый исход

лам из монастырей, соответственно последние один за другим стали закрываться, а их имущество — расхищаться. Наблюдая за этим, власть вынуждена была стать на путь объявления имущества джас (монастырских хозяйств) имуществом всенародным и не подлежащим распределению без отдельного постановления правительства. Вопрос о наделении джаским имуществом неимущих лам, оставивших монастыри, был поставлен в августе 1930 г., после получения резолюции Восточного секретариата КИ.

При воплощении на местах решений VIII съезда ЦК ТНРП были случаи, когда отдельные партийные ячейки, сомонные и хошунные управления запрещали религиозные службы, врачебную деятельность лам и т. д. Имело место изъятие танок (буддийских икон), их сожжение, отбирание предметов культа у монастырей, опрос и арест лам и шаманов за исполнение религиозных обрядов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 42). По словам М. Монгуш, в 1930 г. вышел правительственный указ, требующий добровольной сдачи бурханов и иных культовых принадлежностей, имеющих в личном пользовании. Для выполнения этого указа создавались специальные группы из молодых ревсомольских работников, которые конфисковали у аратов их семейные реликвии, буддийскую литературу и т. д., последние же, в ответ, прятали такие вещи в пещерах (Монгуш, 2001: 114).

Вот отрывок из письма, датированного 4 февраля 1930 г., который иллюстрирует обстановку в ТНР накануне Хемчикского восстания 1930 г.: «...власти на местах, выполняя решения партии в ударном порядке, ходили по юртам и отбирали всяких богов, а когда им за это накрутили, то они стали богов снова разносить по юртам...» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 1).

В сентябре 1930 г. В. Богданов отмечал, что, начиная с декабря 1929 г. (после VIII съезда ЦК ТНРП. — И. О.), самоликвидация монастырей приобрела массовый характер (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 58). Из 22 монастырей остались действующими не более 4–5. Самоликвидация хурэ сопровождалась массовым переходом ламской бедноты в светское состояние. В конечном итоге абсолютное большинство лам обратилось в светское состояние, а оставшиеся проживали вне монастырских стен в худоне. Утверждалось, что значительная часть ламства уже занимается сельским хозяйством.

По мнению В. Богданова, в Туве шаманизм имел большее распространение, чем ламаизм, поскольку «руководителями ламства являлись монгольские ламы» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 58). Из резолюций по докладу секретаря ЦК ТНРП (от 28.03.1931) следовало, что шаманство пользуется в аратских массах значительно большим влиянием и в последнее время (в связи с уменьшением роли лам) сравнительно укрепило свое положение. Поэтому планировалось развернуть широкую культурно-просветительскую (среди членов партии антирелигиозную) пропаганду, направляя ее не только против лам, но и

против шаманов. В борьбе с шаманством наряду с политическими (лишение избирательных прав) и «хозяйственными» (налогообложение, ограничение прав трудового землепользования и т. п.) мерами советовали сосредоточить основное внимание на постановке агитационно-пропагандистской работы (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 44, л. 21).

На IX съезде ТНРП (20.02–10.03.1932) при рассмотрении ламского вопроса указывалось, в частности, что хуvaraков, уходящих из хурэ, партия, после предварительной проверки, принимала в колхозы и даже в свои ряды. Мол, партия, прибегая к разнообразным мерам для ограничения ламских привилегий (лишение избирательных прав и т. п.), руководствовалась директивами Коминтерна. Рассказывая о работе IX съезда, посланник Коминтерна М. Амагаев утверждал: сейчас можно сказать, что буддийская церковь в Туве пребывает в процессе «решительного» распада, — из 22 хурэ закрылись 21. Огромное большинство ламства покинуло монастыри — часть добровольно, часть — очевидно, в знак своего рода протеста против политики партии. В Туве осталось из более чем 2000 лам незначительное число, сохранившееся в одном хурэ. Ламы оставили хурэ, бросив все монастырское имущество: строения, скот и т. д. И теперь государству приходится охранять это имущество. Бывшие ламы отказываются заключать соглашения на выпас монастырского скота. Они заявляли, что покинули монастыри и никакого отношения к этому скоту уже не имеют (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 51, л. 103).

В то же время оборвать религиозные связи между Тувой и МНР тувинской власти удалось не сразу. Из некоторых документов, датированных 1930 г., узнаем, что тувинские араты часто приглашали из-за границы разных хубилганов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 33). Так, в «Кратком обзоре о работе Тувинской Аратской Рев. Партии по состоянию на 1.12.1930» В. Богданов, рассказывая про местное буддийское духовенство, упоминает о 3 хозяйствах лам-хубилганов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 65) (собственных хубилганов у тувинцев не было, по-видимому, речь шла о монгольских иерархах). В мае 1932 г. была проведена операция по обнаружению контрреволюционного элемента в приграничной (южной) полосе в связи с восстанием в Монголии. За время операции было раскрыто и ликвидировано шесть контрреволюционных групп. По словам чекистов, самым опасным элементом было ламство, которое, не разбито идейно и не уничтожено физически, составляя не менее 7–8% (принимая во внимание численность населения ТНР в этот период, речь может идти о цифре от 4900 до 5600 чел.) всего населения, ушло из хурэ в улусы и продолжает в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов. Раскрытие майской операции якобы показало, что основную организующую роль играло ламство как идейный вдохновитель вышеупомянутых групп. Так или иначе, но политика государства в религиозной сфере стала одной из причин протестного движения начала 1930-х гг. в Туве. 4 октября 1933 г. начальник

УГВПО отмечал: при проведении нового курса нужно учитывать новую линию МНР и особенно влияние ламства в приграничных районах и сообщал о случаях, когда тувинские ламы перебежали на монгольские территории и поклонялись монгольским ламам (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 60, л. 142).

Итак, на 1932 г. в ТНР функционировал 1 монастырь с 15-ю ламами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93). Но в результате больших восстаний в МНР и Туве, имевших место в первой половине 1932 г., тувинская власть, следуя советским директивам, прибегла к некоторой политической «оттепели» (т. н. «новому курсу»), что, в свою очередь, привело к оживлению среди ламства. По данным от 8 сентября 1934 г., в Туве функционировали уже 4 хурэ с приблизительно 100 ламами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93). В середине 1930-х гг. «всех лам, которые занимались своим духовным делом» насчитывалось 146 человек (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 148). С другой стороны, глава ЦК ТНРП С. Тока в одной из своих статей (1936 г.) отмечал, что хурэ на этот момент оставалось 4, а было 22, лам в них осталось 90 человек, а было 2000. Мол, ранее ламы пользовались огромным авторитетом как врачи, теперь их авторитет значительно упал (Тока, 1936: 188). В то же время есть информация (1935 г.), что некоторые партийцы в хошунах, несмотря на наличие рядом советской медицины, больше обращались к ламам (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 17). Вышеуказанные цифры показывают, по мнению автора, главным образом, количество лам и хувараков, проживавших при хурэ.

В одном из партийных документов (скорее всего 1936 г.) сообщалось, что наряду с ламством большую роль играют и шаманы, которые в последнее время оживились (в Тодже и других хошунах); их тогда насчитывалось в ТНР 290 человек (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 149–150). По данным, приведенным М. Монгуш, в 1936 г. в Туве было 594 ламы, в 1937 — 5 хурэ и 67 лам, которые к началу 1940-х гг. были уничтожены (Монгуш, 2001: 121).

В 1938 г. по Туве прокатилась новая волна репрессий, что не могло не сказаться на религиозном вопросе. По словам М. Монгуш, к началу 1940-х годов на территории Тувы практически не осталось ни одного хурэ; исключение составляли Верхне- и Нижнечаданский, которые, несмотря на то что здания их были полностью разрушены, продолжали функционировать, благодаря небольшой группе оставшихся лам (там же: 121). На момент вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) среди 80000 тувинцев насчитывалось, по данным МВД, 326 лам, а также 340 шаманов (РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, ед. хр. 1327, л. 13).

См. таблицу 1.

Таблица 1. Сангха периода ТНР в цифрах
Table 1. The Sangha during the PRT in figures

Сангха ТНР	1927/28	1928/29	1929/30	1932	1934	1935	1936	1937	1944
Лам	3400	2200	773	15	100	146	90	67	326
Мона- стырей	22	22	4–5 (на кон. 1930 г.)	1	4 (на сен- тябрь)	4	4	5	–
Скота у них	7.005 бодо	13.358 бодо	5.383 бодо	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Прим.: Указанные цифры (кроме колонки 1944 г.) показывают, по мнению автора, главным образом количество лам и хуvaraков, проживавших при хурэ. Цифры в колонке 1937 г. приводятся по: Монгуш, 2001: 121.

Заключение

В период ТНР процессы реформирования буддийской церкви намечались в рамках обновленческого движения, как и в буддийских автономиях СССР и МНР. Такие подходы в «ламском вопросе» были детерминированы фактором советского влияния в Туве (советское руководство рассчитывало при помощи обновленческого движения ослабить позиции буддийской церкви). Таким образом, модернизация в этом направлении инициировалась извне и руководствовалась политическими соображениями (хотя и была поддержана рядом авторитетных тувинских лам). Реформаторские замыслы не получили своего развития вследствие радикальных политических изменений в Туве, имевших место в 1930-е гг. и затронувших и религиозную сферу.

Приведенная статистика свидетельствует, что буддийская община пребывала в непосредственной зависимости от внутреннеполитического курса ТНР: от относительного благополучия во второй половине 1920-х гг., кардинального уменьшения лам и монастырей в конце 1920 — начале 1930-х (во время первой волны репрессий и карательной политики в религиозной сфере), некоторого восстановления сангхи в результате т. н. «нового курса» и до очередного упадка во время репрессий второй половины 1930-х гг. Восстания 1924-го и 1932-го гг. в Туве (значение последнего было усилено большим восстанием в МНР) вызывали некоторое смягчение государственной политики в религиозном вопросе.

В целом же основные направления религиозной политики ТНР и время их приведения в жизнь совпадают с аналогичными процессами в Бурятии, Калмыкии и МНР, что объясняется советским влиянием на политический курс как ТНР, так и МНР. Можно заключить, что небольшое количество тувинских монастырей и живущих при них лам послужило причиной для радикального реше-

ния государством вопроса с буддизмом в Туве еще в начале 1930-х гг., тогда как в других буддийских республиках сокрушительный удар по сангхе пришелся на вторую половину 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А. И. (1997) От Байкала до священной Лхасы: новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет) : сборник статей. СПб.; Самара; Прага : Агни. 338 с.

Герасимова К. М. (1995) О бурятской «буржуазной интеллигенции» начала XX века // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ : [б. и.]. С.20–27.

Дамдинов, А. В. (1997) Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. 200 с. С. 79–92.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М.; Л.: Молодая гвардия. 104 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Москаленко, Н. П. (2004) Этнополитическая история Тувы в XX веке. М. : Наука. 222 с.

Нацов, С. (1930) Правая опасность в Тувинской народно-революционной партии // Жизнь Бурятии. № 1. С. 101–108.

Отрощенко, И. В. (2014) Буддизм и политика в истории Тувы (о появлении института Камбы-ламы) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/173> (дата обращения: 12.06.2016).

Пальмбах, А. (1935) К празднику национальной культуры в Туве // Революционный Восток. № 2 (30). С. 162–173.

Тока (1936) На культурном фронте Танну-Тувинской народной республики // Революционный Восток, № 2–3 (36–37). С. 185–189.

Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Тувинский гос. ун-т. 144 с.

Отрощенко, И. В. (2000) Ідеї «руху за оновлення» в Монголії (1920-ті рр.) // Східний світ. № 2. С. 175–181. (На укр. яз.)

Дата поступления: 15.07.2016 г.

REFERENCES

- Andreev, A. I. (1997) *Ot Baikala do sviashchennoi Lkhasy: novye materialy o russkikh ekspeditsiakh v Tsentral'nuiu Aziyu v pervoi polovine XX veka (Buriatiia, Mongoliia, Tibet)*. St. Petersburg; Samara; Prague, Agni Publ. 338 p. (In Russ.).
- Gerasimova, K. M. (1995) O buriatskoi "burzhuaznoi intelligentsii" nachala XX veka. In: *Natsional'naia intelligentsiia, dukhovenstvo i problemy sotsial'nogo, natsional'nogo vozrozhdeniia narodov Respubliki Buriatiia*. Ulan-Ude. Pp. 20–27. (In Russ.).
- Damdinov, A. V. (1997) Agvan Dorzhiev v obnovlencheskom dvizhenii buriatskogo buddiiskogo dukhovenstva. In: *Buriatskii buddizm: istoriia i ideologiia*. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ. Pp. 79–92. (In Russ.).
- Machavariani, V. and Tret'iakov, S. (1930). *V Tannu-Tuvu*. Moscow; Leningrad, Young guard Publ. 104 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI – konets XX v.)*. Novosibirsk, Nauka Publ. 200 p. (In Russ.).
- Moskalenko, N. P. (2004) *Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX veke*. Moscow, Nauka Publ. 222 p. (In Russ.).
- Natsov, S. (1930) Pravaia opasnost' v Tuvinskoii narodno-revoliutsionnoi partii. *Zhizn' Buriatii*, no. 1, pp. 101–108. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2014) Buddizm i politika v istorii Tuvy (o poiavlenii instituta Kamby-lamy). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/173> (access date 10.04.2016). (In Russ.).
- Pal'mbakh, A. (1935) K prazdniku natsional'noi kultury v Tuve. *Revoliutsionnyi Vostok*, no. 2 (30), pp. 162–173. (In Russ.).
- Toka (1936) Na kul'turnom fronte Tannu-Tuvinskoii narodnoi respubliki. *Revoliutsionnyi Vostok*, no. 2–3 (36–37), pp. 185–189. (In Russ.).
- Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1921–1944 gg.)*. Abakan, Tuva State University Publ. 144 p. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2000) Idei "rukhu za onovlennia" v Mongolii (1920-ti rr.). *Skhidnii svit*, no. 2, pp. 175–181. (In Ukr.).

Submission date: 15.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Отрощенко И. В. Сангха в контексте государственной политики Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/462> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Otroshchenko I. V. The sangha and the politics of People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/462> (accessed: ...).

ГЕРБ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 1935–1939 ГГ.: ОТРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ ТРАДИЦИОННЫХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ТУВИНЦЕВ

Борис Б. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

ELEMENTS OF TRADITIONAL TUVAN COSMOLOGY IN THE STATE EMBLEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA, 1935-1939

Boris B. Mongush

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

В статье представлен анализ герба Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг. с точки зрения составных элементов. Герб в работе рассматривается как отдельный вид исторического источника, в котором знаки и эмблемы, составляющие его, отражают определенные мировоззренческие представления. Символика гербов ТНР сначала отражала буддийскую религиозную символику, затем постепенно ушла от этой традиции, стала отражать господство советской геральдической символики.

Между гербами ТНР, созданными с 1921 по 1941 годов, особое место занимают герб 1935 г. Его модификация 1939 г. незначительна, поэтому их можно условно рассматривать как единый герб. Этот герб был оригинальным и не похожим ни по внешнему виду, ни по композиции на гербы СССР, МНР, а также на последующие гербы Тувы. Его официальное описание есть в докладе председателя Президиума Малого Хурала ТНР VIII Великому Ху-

The article examines the constituent elements of the state emblem of the People's Republic of Tuva (in its 1935/1939 version). We view state emblems as a special type of historical source where constituent emblems and elements are, in fact, reflections of a certain worldview. Emblems of the People's Republic of Tuva (PRT) originally were full of Buddhist religious symbolism, but in the course of time it switched over to representing the dominance of the Soviet heraldic

symbolism.

Among the variety of the PRT's emblems created between 1921 and 1941, a special place belongs to the 1935 version. In 1939 it was slightly modified, but the basics of the design were left unchanged for several more years. This was a highly original state emblem which had nothing in common with those of USSR, Mongolia, or any of the subsequent emblems of Tuva. The official blazon of the state emblem

Монгуш Борис Борбак-оолович — научный сотрудник сектора этнографии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: igi@tigpi.ru, bagyr69@yandex.ru

Mongush Boris Borbak-oolovich, Research Fellow, Sector of Ethnography, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tyva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tigpi.ru, bagyr69@yandex.ru

ралу о внесении изменений в Основной закон (Конституцию) и в проекте Конституции ТНР 1936 г.

Голубой пятичастный щит в виде пяти лепестков был связан с влиянием советской символики (считался «тупой пятиконечной звездой») и тем самым отражал курс тувинского правительства и партии на построение в стране социализма. Но сравнительный анализ изображений показывает, что пятилепестковый внешний щит герба соответствует кругу классической мандалы (небо или космос), абрис территории ТНР — центральному квадрату мандалы, а фигура всадника внутри абриса территории республики — представляет хозяина данного космоса. Указанные эмблемы герба имеют соответствующие цвета — абриса территории — имеет серо-коричневый цвет, т. е. цвет земли. В итоге знаковая композиция данного герба «читается» как гармоничная формула мироустройства тувинцев: Космос ↔ Земля ↔ хозяин земли.

Автор считает, что тождество элементов герба ТНР 1935–1939 гг. с мандалой не случайно. Оно свидетельствует о том, что древнетюркская культурная традиция была теснейшим образом интегрирована в буддийскую традицию и глубоко вошла в тувинский менталитет. Несмотря на влияние советской геральдики на внешний вид и интерпретацию символов и знаков герба 1935–1939 гг., основа символики данного герба осталась в русле тюрко-монгольской, в частности тувинской символической традиции.

Ключевые слова: история Тувы; геральдика; мандала; Тувинская Народная Республика; герб ТНР; тувинская государственная символика; тувинская традиционная космология

can be found in the report of the Chairman of the Presidium of the PRT's Little Khural to the Great Khural on amendments to the Constitution and on the new Constitution of Tuva (1936).

The azure five-petal flower-like escutcheon was traditionally interpreted as an influence of Soviet heraldry – “a blunt-pointed star” – thus imagined as a reflection of the Socialist policy of PRT's government. A comparative analysis, however, shows that the five-petal design corresponds to the circle of a classical mandala (the sky or space), while the outlines of the PRT matches the central square if the mandala. A rider placed within the outline in this context represents the master of this space. The tinctures fit into this interpretation well: the outline of the PRT is greyish-brown (for earth). All in all, the symbolism of the emblem is a harmonized formula of the world as seen by Tuvans: Space ↔ Earth ↔ masters of the land.

We believe that the similarities between the mandala and the PRT's 1935/1939 state emblem are far from a mere coincidence. They prove that old Turkic cultural tradition had been deeply integrated into the Buddhist one and left a deep imprint on Tuvan mentality. Despite the impact of Soviet heraldry on the appearance and interpretation of the state emblem of Tuva, in its basics the emblem remained within the Turko-Mongolian, specifically Tuvan, symbolism.

Keywords: history of Tuva; heraldry; mandala; People's Republic of Tuva (PRT); state emblem of People's Republic of Tuva; state emblems of Tuva; traditional Tuvan cosmology

Введение

Герб представляет собой некую совокупность эмблем, составленную по определенным правилам, утвержденную высшей властью и обладающую определенным юридическим статусом. При этом в этом в гербе основными источниками исторических сведений являются эмблемы и знаки, из которых состоит изображение герба. Герб можно рассматривать и как отдельный вид исторического источника, в котором знаки и эмблемы, составляющие его, отражают определенные мировоззренческие представления.

Примером могут служить первые гербы Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) (1921–1944 гг.), сочетающие буддийские религиозные знаки с советскими красными пятиконечными звездами. В дальнейшем в тувинской геральдике имела тенденция к постепенной советизации символики гербов. За период существования ТНР юридически оформленные государственные

символы менялись пять раз. Это были гербы и флаги: 1) 1925–1930 гг., 2) 1930–1935 гг., 3) 1935–1939 гг., 4) 1939–1941 гг. (при этом герб и флаг данного периода являются лишь вариантом герба и флага 1935–1939 гг., в котором были изменены лишь несколько элементов, составляющих герб эмблемы. Главным отличием было изменения лозунга «Пролетарии всех стран и угнетенные араты соединяйтесь!» (принятый для стран Востока) на классический вариант этого же лозунга «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», который был принят коммунистическим движением еще при жизни К. Маркса. Изменение лозунга отразилась в описании герба), 5) 1941–1944 гг. (в 1942–1943 гг. на гербе надписи на латинизированном алфавите были заменены на надписями на кириллице). Кроме того, в начале формирования тувинской государственности (в 1922–1925 гг.) в делопроизводстве использовались эмблемы, созданные на основе буддийской символики. Их всего было две эмблемы и флага: 1) 1922–1923 гг. и 2) 1923–1925 гг.

Процесс постепенного перехода символики гербов Тувинской Народной Республики от буддийской религиозной до советской символики можно разделить условно на два этапа — первый этап преобладание буддийской религиозной символики, а второй — господство советской геральдической символики.

Между гербами, особое место занимает герб 1935 г., а также герб 1939 г., который, как мы указали, был лишь модифицированным вариантом 1935 года. Герб, который мы в дальнейшем рассматриваем как один, является наиболее оригинальным и по композиции символических знаков — элементов герба, и по внешнему виду она не похожа на другие гербы ТНР и гербы СССР и МНР. Другие гербы ТНР обычно были заимствованиями символов и эмблем Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

Исследований по государственным символам Тувы и других регионов России еще очень мало. Есть всего несколько статей по данной тематике. В том числе, это статьи автора по истории государственной символики периода ТНР (Монгуш, 2011: Электр. ресурс; 2014). Также можно отметить статью Е. А. Гунаева по истории государственных символов Калмыкии. В ней также рассматриваются также политико-правовые аспекты назначения государственной символики субъекта Российской Федерации (Гунаев, 2009). Исследования по истории создания государственной символики отдельных национальных республик России также можно найти в статьях В. Г. Ткаченко (Ткаченко, 2013), И. Миннуллина (Миннуллин, 2012), П. В. Дыга (Дыга, 2013).

В данной работе мы проанализируем составляющие герба ТНР 1935 г. с точки зрения символики.

Герб 1935–1939 гг. и его описание

Рассматриваемый герб ТНР (см. рисунок 1) был принят в 1935 г. IV сессией Малого Хурала ТНР, и был утвержден VIII (IX) Великим Хуралом (Конституции ... , 1999: 73). Описание его мы находим в докладе председателя Президиума Малого Хурала ТНР VIII Великому Хуралу о внесении изменений в Основной закон (Конституцию): «... герб представляет из себя звездообразной формы пятиконечной звезды, окаймленная двумя желтыми кругами, а между этими кругами — красной лентой с изображением на голубом фоне серо-коричневого цвета территории ТАР с лошадью белого цвета и сидящим на ней всадником-аратом в красном национальном костюме в черной шапке с красным околышем и черных маймаках; с северо-запада освещает солнце; серп зеленого цвета, лежащий с юго-востока на север и надписью внизу: “ТАР” и “Пролетарии всех стран и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!” — желтого цвета. Государственный флаг красного цвета, окаймленный кругом окраской желтого цвета с государственным гербом в середине» (Государственный архив Республики Тыва — далее ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 540. ЛЛ. 5-6).

Другое описание нового герба и флага мы видим в проекте Конституции ТНР 1936 г. В 67-й статье данного проекта Конституции говорится: «Государственный герб республики состоит из изображения на голубом фоне пятиконечной тупой звезды контура территории республики серо-коричневого цвета, по которым изображен мчащийся на бело-серой лошади всадник-арат с красным шестом на руках в темно-синем национальном костюме с черной нацио-нальной обуви, обращенный лицом к востоку. С северо-запада освещает солнце, с юго-запада на север лежит серп зеленого цвета, внизу герба надпись желтого цвета “ТАР” и “Пролетарии всех стран и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!”» (Конституции ... , 1999: 74: здесь и далее орфография и стилистика цитируемых документов сохранены. — Б. М.).

Рис. 1. Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.

Fig. 1. Emblem of the People's Republic of Tuva, 1935-1939

Таким образом, по мнению В. В. Похлебкина, композиция данного герба редка для мировой геральдики (Похлебкин, 1989: 208–209). Наиболее близкой к ней является со-

временная эмблема олимпийского комитета Тайваня (<http://www.tpenoc.net/>), изображение которой содержит пятилепестковый щит с комбинацией символов Китайской республики и олимпийского движения.

Рассматриваемый герб ТНР состоит из голубого пятичастного щита (в описании «пятиконечной тупой звезды») в виде пяти лепестков. Этот щит связан с влиянием советской символики, так как внешний вид щита в то время считался «тупой пятиконечной звездой», что говорит о том, что он являлся разновидностью советской красной пятиконечной марсовой звезды. Это видно из письма руководителей тувинского государства С. Чурмит-Дажы и С. Тока полномочному представителю Тувинской Народной Республики в Советском Союзе Седип-оолу Танову (1934 г.), в котором обсуждался первоначальный проект герба 1935–1941 гг. В нем говорится, что щит представлял собой пятиконечную звезду, обрамляющую земной шар (ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 411. Л. 10). Он отражал курс тувинского правительства и партии на построение в стране социализма.

Внутри щита находятся контур (абрис) территории Тувинской Народной Республики, в центре которой изображен всадник-арат держащий урук (шест с веревочной петлей для отлова животных. — *ред.*).

Отражение древних космологических представлений тувинцев в гербе 1935–1939 гг.

Если подробно изучить вышеуказанную эмблему, то можно прийти к выводу, что она схематически похожа на мандалу (см. рисунок 2). Расположение и цвета основных эмблем герба дает основания предположить семантическую параллель между гербом 1935 г. и знаком мандалы.

Рис. 2. Классическая буддийская мандала.

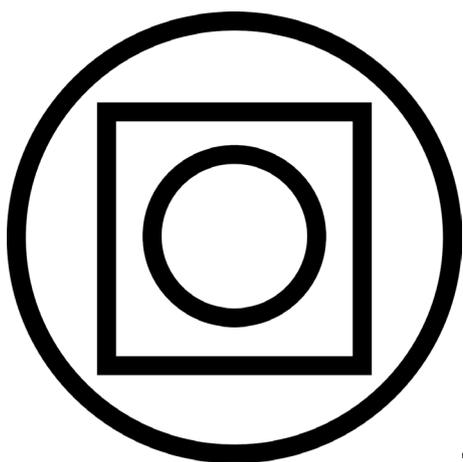
Fig. 2. A classical Buddhist mandala.

Мандала в переводе с санскрита значит «круг, диск, кольцо» (Кочергина, 1996: 490). Это ритуальный, магический круг, до сегодняшних дней используемый в практике тибетского буддизма (Курасов, 2014: 167). В буддизме слово приобрело ряд новых значений: блюдо для подношения в ритуальной практике; мистическая диаграмма, символическое изображение буддийского мироздания, Вселенной. Основное значение термина «мандала» в эзотерическом буддизме

— это измерение, мир. Мандала есть символическое изображение чистой земли будд, другими словами, это изображение мира спасения (там же: 167).

Она состоит из трех вписанных друг в друга геометрических знаков: внешний круга — квадрата — внутреннего круга (там же: 174). Мандала как целое оказывается воплощением космоса, а ее детали — элементов мироустройства. Внешний круг, в который вписан квадрат, и есть символическое изображение самой вселенной (там же: 170), т. е. в знаке мандалы с древних времен видели космограмму (Жиронкина, 2002).

Ее форма выражает раннесредневековые философские представления и ритуальные традиции буддийских культур Востока. Например, символ «квадрат в круге» в раннее средневековье (см. рисунок 3) был стандартным знаком для Китая и воспроизводился в конструкции монет с квадратным отверстием (Мандала, Электр. ресурс).

Рис. 3. Схематическое изображение мандалы.

Fig. 3. A schematized mandala.

У тюрко-монгольских народов и в Древнем Китае квадрат как символ совершенства воплощал миропорядок. Стороны квадрата, в который вписан семантический лотос, направлены точно по сторонам света (Курасов, 2014: 170). «Квадрат в круге» описывал соотношение земли и неба (Космос). Круг был символом движения, вращения небосвода. Круг символизирует небо и вселенную в целом: вне его — хаос, внутри — гармонический космос. В древней восточной традиции круг в центре мандалы было местом обитания божества, которому посвящена мандала. Призываемое божество спускалось с небес в центр круга, и совершало действие, приносящее плодородие, изобилие, успех (там же). Квадрат был символом гармонии мира человека и схематически обозначал землю или земной мир. Так, например, в древнетюркских рунических надписях Землю называли *tört bulunluγ* «четрехугольной» (ДТС, 1969: 124), т. е. его стороны связаны с четырьмя направлениями пространства — углами. Кроме того, древнетюркские поминальные сооружения для верховных правителей древних тюрков — каганов строились также по схеме мандалы (Войтов, 1989: 77).

В традиционной тюрко-монгольской культуре космограмма, соединяющая

геометрические знаки «круга» и «квадрата» (символ «квадрат в круге») расшифровывается как устройство Мира как вечное единство, взаимосвязь Земли и Неба (Космоса). Она выражает идеи равновесия и упорядоченности, гармонического устройства и вечного движения мира (Мандала, Электр. ресурс). Знак мандалы и в тантрическом учении буддизма и древнетюркской культуре является формальным образом трехмерного священного дворца–дома для буддийского божества (в буддизме) и правителя-кагана (в древнетюркской культуре).

Выявленная взаимосвязь символики герба с мандалой указывает на представления тувинцев о гармоничном устройстве мироздания и государства, как одного из социальных моделей мироустройства (см. рисунок 4).

Рис. 4. Взаимосвязь между эмблемами герба ТНР 1935 г. и схематической мандалой.

Fig. 4 The similarity between elements of PRT's 1935 emblem and a schematized mandala

В центральной части герба, внутри контура территории республики изображен всадник в национальной одежде с уруком, что в структуре мандалы соответствует круглому знаку с 8-лепестковым «цветком», которая является местом обитания божества. Контур территории Тувинской Народной Республики представляет землю тувинского арата-скотовода — его дом и родину. Если в буддийской традиции центральное место было жилищем божества, то в древнетюркских поминальных сооружениях (поминальных храмах), которые символизировали дворец — жилище правителя-кагана древнетюркских государств, в центре был дворец кагана. Древнетюркские каганы были сакральными лидерами тюрков, приравненными к богам (рожденные в небе и небоподобные). В тувинском государстве такой сакрализованной фигурой стал арат-скотовод (табунщик), который олицетворял в единственном числе тувинский народ. Кроме того, всадник с уруком ассоциируется с сакральной фигурой тувинского табунщика-коневода, который пас священный скот тувинцев — коней, с которыми связаны удача, «воздушный конь», счастье всего тувинского народа.

Из вышесказанного видно, что пятилепестковый внешний щит герба соот-

ветствует кругу классической мандалы (небо или космос), абрис территории ТНР — центральному квадрату мандалы, а фигура всадника внутри абриса территории республики — представляет хозяина данного космоса. Обратим также внимание, что указанные эмблемы герба имеют соответствующие цвета — абриса территории — имеет серо-коричневый цвет, т. е. цвет земли (в древнетюркских рунических надписях землю обозначают словом *jaʷiz* «коричневый, бурый», см.: Древнетюркский словарь, 1969: 224).

В итоге знаковая композиция данного герба «читается» как гармоничная формула мироустройства тувинцев: Космос ↔ Земля ↔ хозяин земли. Земля здесь — есть территория Тувинской Народной Республики (Мандала, Электр. ресурс).

Замена схематических геометрических фигур на более реальные изображения диктовалось влиянием времени и советских геральдических канонов, которые требовали использование реальных фигур и символов в геральдике, которые были бы понятны всем. Здесь фигуру квадрата, связанную с Землей, заменяет абрис территории ТНР, а фигуру круга, связанную с Небом (Космосом), заменяет пятилепестковая пентаграмма, которая семантически соответствует кругу как символу Неба и символизирует вечность, совершенство, вселенную (пентаграмма в разных религиозных системах считается магическим, мистическим знаком).

Заключение

Тождество элементов герба ТНР 1935–1941 гг. с мандалой не случайно. Оно свидетельствует о том, что древнетюркская культурная традиция была теснейшим образом интегрирована в буддийскую традицию и глубоко вошла в тувинский менталитет. Несмотря на влияние советской геральдики на внешний вид и интерпретацию символов и знаков герба 1935–1941 гг., основа символики данного герба осталась в русле тюрко-монгольской, в частности тувинской символической традиции.

Вероятно, после провала курса «левого эксперимента» в 1929–1932 гг. (когда «левое» крыло Тувинской Народно-Революционной Партии при поддержке со стороны СССР, проводили курс на ускоренное построение социализма в ТНР, которое сопровождалось массовой коллективизацией, обобществлением всех форм хозяйств, репрессиями против аристократического сословия и буддийского духовенства), на принятие данного герба оказало изменение политики правящих кругов Тувинской Народной Республики «на правую сторону», а также провозглашение «нового политико-хозяйственного курса», который по своей сути являлось поворот в сторону буржуазно-капиталистического развития экономики страны, а также признание особого «тувинского» пути развития ТНР. В середине 1930-х гг., в этот короткий период когда у власти стояли «пра-

вые» Сат Чурмит-Дажы и Адыг-Тулуш Хемчик-оол, усиливается понимание национальной специфики тувинцев, которое связано с принятием национальной письменности и с развитием тувинской национальной культуры.

Именно на основе герба 1935–1939 гг. был разработан современный герб Республики Тыва, в ознаменование линии преемственности и традиционализма нынешней политики региона. Именно поэтому анализ государственной символики республики того периода представляет большое значение не только для научного знания, но и для современного общественного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Войтов, В. Е. (1996) Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ. 152 с.

Войтов, В. Е. (1989) Культово-поминальные сооружения VI–VIII вв. на территории Монголии : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 24 с.

Гунаев, Е. А. (2009) Государственные символы Калмыкии в XX — начале XXI в.: исторические и политико-правовые аспекты // История, этнология и религиоведение. № 1. С. 15–22.

Дерябин, А. (1991) Гражданская война в России 1917–1922. Красная Армия. М.: АСТ. 64 с.

Древнетюркский словарь (1969) / сост. Т. А. Боровкова. Л. : Наука. Ленингр. Отд. 676 с.

Дыга, П. В. (2013) Роль официальных символов Приморского края в формировании идентичности регионального сообщества // Ойкумена. № 1. С. 132–138.

Жиронкина, Ю. (2002) Тибетские песочные мандалы. Самара: MonksArt. 44 с.

Конституции Тувы 1921–1993 гг. (1999) : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 216 с.

Кочергина, В. А. (1996) Санскритско-русский словарь. 3-е изд. испр. и доп. М.: Филология. 944 с.

Курасов, С. В. (2014) Искусство Тибета (XI–XX вв.) как единая художественная система: иконология и семиотика : дисс. ... д-ра искусствоведения. М. 279 с.

Мандала [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/MANDALA.html (дата доступа 10.12.2014).

Миннуллин, И. (2012) Символика Татарской АССР // Гасырлар авазы. № 3–4 (68–69). С. 3–6.

Монгуш, Б. Б. (2011) Становление государственной символики Тувинской народной республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4185-mongush-simv.html (дата доступа 22.08.2016)

Монгуш, Б. Б. (2014) Угнетенные араты, соединяйтесь! // Родина. № 7. Июль. С. 59–65.

Похлебкин, В. В. (1989) Международная символика и эмблематика (Опыт словаря). М. : Международные отношения. 304 с.

Ткаченко, В. Г. (2013) Государственные символы Чувашской Республики: к истории их создания // Вестник Чебоксарского филиала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ. № 5. С.5–25.

Дата поступления: 17.07.2016 г.

REFERENCES

Voitov, V. E. (1996) *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI-VIII vv.* Moscow, GMV Publ. 152 p. (In Russ.).

Voitov, V. E. (1989) *Kul'tovo-pominal'nye sooruzheniia VI-VIII vv. na territorii Mongolii*, Abstract of Dissertation... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Gunaev, E. A. (2009) Gosudarstvennye simvol'y Kalmykii v XX — nachale XXI v.: istoricheskie i politiko-pravovye aspekty. *Istoriia, etnologiia i religiovedenie*, no. 1, pp. 15–22. (In Russ.).

Deriabin, A. (1991) *Grazhdanskaia voina v Rossii 1917–1922. Krasnaia Armia.* Moscow, AST. 64 p. (In Russ.).

Drevnetiurkskii slovar' (1969), comp. T. A. Borovkova. Leningrad, Nauka. Leningrad. Otd. 676 p. (In Russ.).

Dyga, P. V. (2013) Rol' ofitsial'nykh simvolov Primorskogo kraia v formirovanii identichnosti regional'nogo soobshchestva. *Oikumena*, no. 1, pp. 132–138. (In Russ.).

Zhironkina, Iu. (2002) *Tibetskie pesochnye mandaly.* Samara, MonksArt. 44 p. (In Russ.).

Konstitutsii Tuvy 1921–1993 gg. (1999) : sbornik k 55-letiiu priniatiia Tuvy v sostav SSSR i RSFSR, comp. V. A. Dubrovskii. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 216 p. (In Russ.).

Kochergina, V. A. (1996) *Sanskritsko-russkii slovar'*, 3-e ed. Moscow, Filologiiia. 944p. (In Russ.).

Kurasov, S. V. (2014) *Iskusstvo Tibeta (XI–XX vv.) kak edinaia khudozhestvennaia sistema: ikonologiya i semiotika* : Dissertation ... Doctor of art studies. Moscow. 279 p. (In Russ.).

Mandala. *Entsiklopediia Krugosvet. Universal'naia nauchno-populiarnaia entsiklopediia* [online] Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/MANDALA.html (access date: 10.12.2014). (In Russ.).

Minnullin, I. (2012) Simvolika Tatarskoi ASSR. *Gasyrlar avazy*, no. 3–4 (68–69), pp. 3–6. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2011) Stanovlenie gosudarstvennoi simvoliki Tuvinskoi narodnoi respubliki. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 4 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4185-mongush-simv.html (access data 22.08.2016). (In Russ.).

Mongush, B. B. (2014) Ugnetennye araty, soediniaites'! *Rodina*, no. 7, July, Pp. 59–65. (In Russ.).

Pokhlebin, V. V. (1989) *Mezhdunarodnaia simvolika i emblematika (Opyt slovaria)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. 304 p. (In Russ.).

Tkachenko, V. G. (2013) Gosudarstvennye simvolyy Chuvashskoi Respubliki: k istorii ikh sozdaniia. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi Akademii Narodnogo Khoziaistva i Gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF*, no. 5, pp. 5–25. (In Russ.).

Submission date: 17.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Монгуш Б. Б. Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.: отражение в символике традиционных космологических представлений тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/463> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Mongush B. B. Elements of traditional Tuvan cosmology in the state emblem of the People's Republic of Tuva, 1935-1939. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/463> (accessed: ...).

ТУВИНСКО-МОНГОЛЬСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

TUVAN-MONGOLIAN RELATIONS AND LINKS UNDER THE PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Любовь К. Хертек

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Liubov' K. Khertek

Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies

Статья посвящена рассмотрению тувинско-монгольских связей и отношений в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Отдельные аспекты темы рассматривались рядом российских, а также монгольских и китайских авторов, однако, общие тенденции еще не были исследованы. Целью автора стало изучение тувинско-монгольских связей и отношений в период ТНР на основе введения в научный оборот архивных материалов, выделение основных этапов их становления и развития, выявление особенностей и характерных черт каждого из этапов.

The article examines the links and relations between Tuva and Mongolia during the two decades of People's Republic of Tuva (1921–1944). Although some aspects of these relations have been studied by a number of Russian, Mongolian and Chinese scholars, they have so far failed to outline their general tendencies. In this article, we aim to study the Tuvan-Mongolian relations in the PRT period in the light of new archival materials, which will help us trace the main stages of their development and characterize the

specific features of each stage. В становлении и развитии тувинско-монгольских отношений в 1921–1944 гг. можно выделить три основных этапа. Первый этап (1921–1925 гг.) характеризуется становлением тувинской государственности и его непризнанием монгольской стороной, сохранившимися прочными связями тувинских нойонов и лам с высшими духовными иерархами Монголии, правителями соседних монгольских аймаков.

The first stage (1921–1925) opens with the establishment of Tuvan statehood and its non-recognition by Mongolia. Tuvan lamas and noyons retained their links to the highest-profile Mongolian clergy and the rulers of Mongolian aimags in the borderlands.

Начало второго этапа (1926–1929 гг.) связано со сменой руководства обеих государств и с признанием ТНР МНР. За этим последовало подписание Договора об установлении дружественной связи между

The second stage (1926–1929) begins with the changes in leadership of both states, which led to PRT being officially recognized by the Mongolian People's Republic. The recognition was followed by signing a Treaty of Friendship between the

Хертек Любовь Кенденовна — магистр монголоведения, старший научный сотрудник сектора монголоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: hertekl@yandex.ru

Khertek Liubov' Kendenovna, Master of Mongolian Studies, Senior Research Fellow, Sector of Mongolian Studies, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: hertekl@yandex.ru

Монголией и Танну-Тувой и начало нового сближения и установления связей в области просвещения при относительном сохранении основ традиционной культуры и все еще преобладающей роли монгольского письменного языка. Автор восстановил полные списки полпредов ТНР в МНР и МНР в ТНР.

Третий этап (1930–1944 гг.) ознаменован победой «левых» в Монголии и Туве. Руководство двух государств получило образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в Москве, знало друг друга. Это позволяло устанавливать, как считалось, «истинно революционные взаимоотношения» и развивать межпартийные связи. В свою очередь, это способствовало развитию экономических, торговых, культурных связей.

Исследование основано в том числе на архивных документах Государственного архива Республики Тыва, Научного архива Тувинского гуманитарного института прикладных и социально-экономических исследований, а также опубликованных документов из Архива Министерства иностранных дел Монголии и Центрального национального архива Монголии, в том числе на старомонгольском языке.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; Монгольская Народная Республика; тувинско-монгольские связи; международные отношения; история дипломатии; полномочный представитель

two states and the restoration of cultural links, given that traditional culture and the Mongolian written language still prevailed in Tuva. We have reconstructed a full list of Tuvan diplomatic envoys in Mongolia and Mongolian envoys in Tuva.

The third stage (1930–1944) was marked by the victory of the political left in both Tuva and Mongolia. The new leaders of both states had been educated in Moscow, in Communist University of the Toilers of the East. This helped establish what was deemed ‘truly revolutionary mutual relations’ and build up an interparty network. Indirectly, it also helped enhance economic, trade and cultural links.

Our study was based, among other sources, on archival documents from the State Archive of the Republic of Tuva, the research archive of Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies, and some published sources from the Mongolian Ministry of Foreign Affairs’ archive and the Central National Archive of Mongolia, some of these in Old Mongolian language.

Keywords: People’s Republic of Tuva; Mongolian People’s Republic; Tuvan-Mongolian links; international relations; diplomatic history; envoy plenipotentiary

Введение

В ходе исторического развития в течение многих веков этнические группы предков современных тувинцев и монголов входили в тесно контактирующие либо одни и те же племенные и государственные образования тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии. Отдельные аспекты, касающиеся тувинско-монгольских связей и отношений рассматриваемого нами периода Тувинской Народной Республики (с 1921 по 1926 гг. — Танну-Тувинской Народной Республики, с 1926 по 1944 гг. — Тувинской Народной Республики, далее — ТНР), освещались в работах зарубежных и российских исследователей, в том числе Н. М. Моллерова (Моллеров, 2005ab; История Тувы, 2007), С. В. Саая (Саая, 2000, 2003), Д. Шурхуу (Шүрхүү, 1999), Намхай-Мядаг (Namkamidoᠭ, 2007) и др.

Целью данной работы является изучение тувинско-монгольских связей и отношений в период ТНР на основе введения в научный оборот архивных материалов, в том числе на старомонгольском языке, выделение основных этапов их становления и развития, выявление особенностей и характерных черт каждого из этапов.

Провозглашение ТНР и период его непризнания правительством Монголии

В первые годы провозглашения Тувинской Народной Республики Монголия (1911–1924 гг. — Монгольское государство, 1924–1992 гг. — Монгольская Народная Республика) не признавала суверенитет Тувы, о чем было заявлено представителем Временного народно-революционного правительства и Народно-революционной партии Монголии Дамбын Чагдаржавом¹ на Всетувинском учредительном хурале (13–16 августа 1921 г.), на котором было провозглашено независимое тувинское государство. В своей речи он отметил, что «все Танну-Тува — монголы и потому должны подчиниться Монголии» (История Тувинской Народной ... , 2011: 11). В Туве в то время все еще были сторонники присоединения к Монголии, среди которых особо выделялись правители восточных Тоджинского и Салчакского хошунов, имевшие постоянную связь с VIII-м перерождением Джалхандза хутухты Цэрэнсодномын Дамдинбазаром (1874–1923).

Правительство ТНР 7 марта 1922 г. письменно обращается к правительству Монголии с извещением о создании независимого народного правительства, опирающегося на помощь и поддержку Советской России. 17 марта того же года председатель Совета Министров ТТНР Лопсан-Осур письменно предлагает развивать установленные ранее добрососедские дружественные отношения председателю сейма правого крыла дербетского Зоригту-хановского аймака, в ведении которого с 1912 г. находились хошуны алтайских урянхайцев, в том числе три тувинских хошуна (хошун Зутгэлту гуна белых соенов, хошун Зоригт гуна черных соенов, хошун Этэй гуна красных соенов). В своем письме он пишет, что народ Танну-Урянхая 13 числа среднего зимнего месяца года белой курицы создало свое народное правительство², сменило прежнее свое название «Урянхай» на «Тува» и решило самостоятельно решать все внутренние вопросы своего государства (Собрание ... , 2014: 21–24).

Однако 15 ноября 1922 г. МИД Монголии направляет ноту протеста (исх. № 386, вход. № 18), адресовав его по-прежнему, «Управлению делами Танну-Тувы». В нем сообщается, что на 48-м заседании правительства Монголии рассматривались обращение правительства Танну-Тувы и вопрос о Танну-Урянхае как исконной составной части Монголии. В результате было вынесено решение

¹ В русскоязычных документах того времени имя Д. Чагдаржава (1880–1922) приводится как Чогдыржап либо Шагдаржап.

² На I съезде Танну-Тувинской народно-революционной партии (ТТНРП), состоявшемся 22 февраля — 1 марта 1922 г. в г. Туране, вместо Центрального Совета был сформирован Совет Министров ТТНР (Моллеров, 2005: 65). День образования первого тувинского народного правительства до 1931 г. праздновали 19 января (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 35. Л. 50).

о срочном делегировании Танну-Урянхаем своего представителя для обсуждения, о каких правах и свободе идет речь, и в каком объеме они требуются народу Танну-Урянхая (там же: 19–20).

В ноте МИД Танну-Тувинской Народной Республики от 30 марта 1923 г. подчеркивается, что тувинский народ расположен «вне пределов Халха-монгольской территории и является самостоятельным народом, имеющим особый язык» (Моллеров, 2005а: 76). 17 сентября 1923 г. выражается протест против судебных разбирательств в отношении граждан ТТНР в судебных инстанциях Улясутая и Кобдо (Собрание ... , 2014: 25–31). В протоколе II Великого Хурала ТТНР (25 августа — 1 сентября 1923 г.) от 12 октября 1923 г. отмечается, что «Монгольская Народная республика не хочет признать нашу республику, что очень неправильно с их стороны. Сами, освободившись от маньчжуро-китайского гнета, они намерены и в дальнейшем угнетать наше маленькое государство. Мы считаем, что Коминтерну не составит особого труда поговорить с партией и правительством Монголии по этому вопросу, если мы сообщим это Коминтерну» (История Тувинской Народной ... , 2011: 35). 13 октября 1923 г. монгольская сторона снова требует отправить представителей Танну-Урянхая в Великий Хурал Монголии (Моллеров, 2005: 76), на что правительство ТТНР отвечает нотой № 12 от 25 числа белого месяца о том, что 23-го числа на втором заседании правительства 7 пунктом рассматривался вопрос о необоснованности этих требований, так как Танну-Тува исконно не является частью территории Монголии (Государственный архив Республики Тыва — далее ГА РТ. Ф. 1, Оп. 115, Д. 306. Л. 23–25).

Вооруженные мятежи и монголофилы

В то же время среди влиятельных лиц, представителей прежней власти и духовенства, в том числе и среди некоторой части аратов, росло недовольство политикой, проводимой правительством и партией, в лице установленных на местах представителей органов народной власти, руководителей партийных ячеек и ревсомольцев. После принятия нового закона о налогах в марте 1924 г. попытки сопротивления от частной критики некомпетентности новой власти переходят на Хемчике в вооруженный мятеж под предводительством Сумунака Куулара. Одним из основных требований восставших было присоединение Тувы к Монголии. ЦК ТНРП обращается к СССР с просьбой об оказании содействия в прекращении мятежа. С этой целью 4 июня 1924 г. из Москвы в Кызыл направляется делегация во главе с Я. Х. Давтяном. Вопрос о Хемчикском восстании под предводительством Сумунака Куулара обсуждается на пятнадцатом заседании ЦК МНРП. На нем принимается решение о назначении представителем правительства Монголии министра военного министерства С. Магсаржава, более известного как Хатан-батор Магсаржав, и чиновника Балдандоржа (ГА РТ. Ф. 115, оп. 1, д. 313. Л. 7-8).

28 июля 1924 г. чрезвычайными и полномочными представителями правительств СССР (Я. Х. Давтяна) и Монголии (С. Магсаржав), прибывшими в Туву, было предложено созвать 5 числа 7 месяца 1924 г. в г. Кызыле совещание, которое впоследствии было названо тройственной (тувинско-монгольско-советской) конференцией с участием представителей всех хошунов (см.: Моллеров, 2005а: 77–84; 2005б: 164–165). Для выяснения всех обстоятельств, приглашаются все лица, недовольные действиями правительства ТНР (ГА РТ. Ф. 115, Оп. 1, Д. 306. Л. 94). К этому времени прошения о вхождении в состав Монголии подаются от имени представителей двадцати одного сумона Хемчикского хошуна, пяти сумонов Тес-Хемского хошуна, восьми сумонов Тоджинского и Салчакского хошунов. Основной причиной присоединения указывается общность происхождения и религии (См.: Собрание ... , 2014: 77–81).

Свою определенную лепту к вспыхнувшему на Хемчике восстанию внес западномонгольский чиновник Бадрах мэйрэн, отправленный на Хемчик в качестве уполномоченного Кобдоского сайыта гуна Гомбо-Идшина. Его действия впоследствии были оценены совместной комиссией как неправомерные, причастность к вспыхнувшему мятежу осуждена, в результате под конвоем он был отправлен в Ургу. Монгольской стороной было обещано призвать к порядку власти Западной Монголии и отозвать с поста Кобдоского сайыта (там же: 188–191; 198, 202).

27 июля 1924 г. на втором совместном заседании конференции было выработано совместное «Обращение ко всему тувинскому народу», в котором указывалось на необоснованность целого ряда заявлений (преследование религии в ТНР, противоправные действия русских советников и т. п.), которыми восставшие обосновывали необходимость объединения Тувы и Монголии. По просьбе правительства Тувы было официально заявлено, что монгольское правительство в ближайшее время направит в ТНР своего уполномоченного представителя, наделенного функциями консула. До 21 числа 10-го дополнительного месяца 1924 г. обязанности представителя Монголии в ТНР временно исполняет Хатан-батор Магсаржав. В помощь ЦК ТНРП и ТРСМ для пропаганды политики партии и оказания помощи направляются представители ЦК МНРП Доржпалам и ЦК Ревсомола Найдансурэн (ГА РТ. Ф. 115, Оп. 1, Д. 299. Л. 33–34).

Следует отметить, что недовольство политикой новой власти привела в дальнейшем к почти одновременным и связанным между собой вооруженным мятежам в Туве и Западной Монголии в 1930 и 1932 годах, с подавлением которых были пресечены в Туве монголофильские настроения (История Тувы, 2007: 191–194).

Провозглашение МНР и заключение Договора об установлении дружественных связей

20 мая 1924 г. скончался Богдо-гэгэн VIII Джэбдзун Дамба хутухта и 26 ноября на I Великом Хурале МНР (8–28 ноября 1924 г.) провозглашается Монгольская Народная Республика. Министр иностранных дел А. Амар в своем докладе подчеркивает важность объединения всех монгольских племен, включая танну-урянхайцев. Однако значительное обновление партийного и государственного руководства МНР в 1924–1925 гг. приводит к изменению отношения к Туве. Уже на следующем, II Великом Хурале МНР, в пункте 5 Постановления, утвержденного на 11-ом дне заседания (ноябрь 1925 г.), принимается декларация, адресованная Правительству и народу ТТНР. В ней от имени Великого Хурала МНР, обладающего высшей властью в стране, признается суверенитет ТТНР, предлагается установление дружеских отношений и прочных связей между братскими народами, сотрудничество в области образования, культуры и народного хозяйства. (Собрание ..., 2014: 252–255).

С 19 июля по 13 августа 1926 г. в г. Улан-Баторе состоялись переговоры между уполномоченными комиссиями правительств Тувы и Монголии по заключению Договора об установлении дружественной связи между Монголией и Танну-Тувой. Тувинскую сторону представляли председатель данной комиссии, премьер-министр правительства ТТНР Дондук Куулар, члены комиссии Дарма-Базыр и Санчай. С монгольской стороны председателем комиссии был назначен Дорлигжав, членом комиссии Даваа (там же: 256–260). Договор был заключен 16 августа 1926 г., при этом аннулировались все ранее заключенные договоры и юридически оформлялись отношения между двумя признанными правительством СССР республиками. По данному договору и ранее подписанному договору с СССР (1925 г.), как отмечает Н. М. Моллеров, «тувинское государство, с оглядкой на позицию Китая, получило только временное признание, которым пользовалось только в рамках трехсторонних тувинско-советско-монгольских отношений» (Моллеров, 2005а: 282).

Договор состоял из 12 пунктов: договаривающиеся стороны официально признают друг друга, не причиняют вред друг другу, обмениваются полномочными представительствами, договариваются о создании специальных комиссий об определении границы, регулируют положение приграничного населения, оговаривают условия провоза товаров через границу, договариваются об особом разрешении вопросов, связанных с установлением телеграфного и почтового сообщения и укрепления экономических и культурных связей (Собрание ..., 2014: 261–268; История Тувинской Народной ..., 2011: 62–65).

Ратификация Договора с монгольской стороны произошла месяц спустя. В ноте МИД МНР от 25 сентября 1926 г. извещается об утверждении Президиумом Малого Хурала и правительством МНР всех двенадцати пунктов Договора

(ГА РТ. Ф. 144, Оп. 6, Д. 38. Л. 23). 28 ноября 1926 г. Договор ратифицируется IV Великим Хуралом ТНР.

Полномочные представительства

Обмен полномочными представительствами между правительствами Монголии и Тувы, оговоренный в п. 4 и 5 вышеуказанного Договора, произошел впервые в 1928 г. В газете «Tiva-yin ünep» («Правда Тувы»), выходящей на старомонгольском языке, на третьей странице двенадцатого номера 22 августа было опубликовано сообщение о выезде из Улан-Батора 17 июля 1928 г. полномочного представителя (далее — полпреда) монгольского правительства Самба со своими сотрудниками. 1 октября 1928 г. начало свою работу Полномочное представительство правительства ТНР в МНР. Первым полпредом ТНР в МНР был назначен один из наиболее грамотных и опытных представителей дореволюционной интеллигенции Тувы Ананды Хертек, секретарем — Эргине. Фотография, запечатлевшая проводы Ананды с женой из г. Кызыла, опубликована в сборнике документов, изданном Государственным архивом Республики Тыва (История Тувинской Народной ... , 2011: 113).

Следует отметить, что при полпреде Ананды Хертек была сохранена старая традиции делопроизводства с учетом всех без исключения входящих и исходящих документов (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 19). 8-го октября 1928 г. за исх. № 6 в МИД МНР был представлен список сотрудников представительства и членов их семей в следующей последовательности: Ананды, Серен-Доржу, Комбу, Эргине, Чимит, Ортаа, Долчан, Дондуп, Дажы-Балбыр, Серенчап (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 16. Л. 4).

В своей работе о тувинцах Синьцзяна китайская исследовательница монгольского происхождения Намхай-Мядаг приводит список полномочных представителей ТНР в МНР (Namkamidoγ, 2007: 156–157), который, вероятнее всего, является первым опубликованным списком, к сожалению, не полным и содержащим опечатки в написании имен и определении годов службы отдельных полпредов. На основе изучения архивных документов можно представить следующий список полпредов ТНР в МНР с уточненными годами их службы:

1. Ананды Хертек (1928–1929 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 48. Л. 133; Ф. 144, Оп. 7, Д. 16. Л. 1-2);
2. Карсыга Оюн (Орлов) (1929–1930 гг.) (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 20. Л. 59, 60, 9);
3. Сунгар-оол Куулар (1930–1935 гг.) (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 31. Л. 63);
4. Тастай-оол Ооржак (1935–1936 гг.) (Собрание ... , 2014: 339, 344);
5. Лопсан-Самбуу Шалык (1936–1937 гг.) (ГА РТ. Ф. 1, Оп. 1, Д. 138. Л. 69; Исто-

рия Тувинской Народной ..., 2011: 171; Собрание ..., 2014: 360);

6. Бадан-оол Иргит (1937–1938 гг.) (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 12. Л. 20; История Тувинской Народной ..., 2011: 171; Собрание ..., 2014: 357);

7. Сереп Ары-Оюн (1938–1938 гг.) (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 12. Л. 20; История Тувинской Народной ..., 2011: 174–175);

8. Намзырай Кыргыс (1938–1941 гг.) (История Тувинской Народной ..., 2011: 175, 221–222);

9. Охемчик Оюн (1941–1943 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 293. Л. 180; История Тувинской Народной ..., 2011: 221–222);

10. Бадыраа Иргит (1943–1944 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 293. Л. 178, 195).

В 1944 г., напомним, Тува вошла в состав СССР.

В Инструкции по работе Полпредства ТНР в МНР определены его полномочия и основные направления деятельности, согласно Договору. В том числе, самое главное — содействовать укреплению дружеских отношений и расширению связей в сфере политики, экономики, образования и культуры, организации переговоров по определению границы, обмену информацией и т. п. (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 6, Д. 76. Л. 139–140).

В свою очередь, полномочными представителями МНР в ТНР работали:

1. Г. Самба (1928–1929 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 26; Собрание ..., 2014: 288–289, 293–295, 300);

2. Магсарын Дугаржав (1929–1932 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 24; Ф. 100, Оп. 1, Д. 65. Л. 290);

3. Заят (1932–1933 гг.), (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 37; Собрание ..., 2014: 323, 324, 340);

4. Дансранбилэгийн Догсом (1933–1934 гг.), (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 13, 19; Собрание ..., 2014: 326–327, 300);

5. Гомбожав (1934–1936 гг.) ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 134. Л. 38; ГА РТ Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 21, 39; Собрание ..., 2014: 331);

6. Д. Намсрай (1936–1938 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 17, 30; Собрание ..., 2014: 343);

7. Шагдар (1938–1939 гг.) (Собрание ..., 2014: 358);

8. Магсарын Дугажав (1939–1941 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 22, 38);

9. Н. Ядамжав (1941–1944 гг.) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 37).

Одним из первых направлений деятельности полпредств была регистрация всех своих граждан, которые за предыдущие годы по разным причинам стали прожи-

вать в той и другой стране для дальнейшего разбирательства всех обстоятельств их переезда и решения их дальнейшей судьбы (ГА РТ. Ф. 144, Оп. 6, Д. 132. Л. 53).

Монгольский фактор в общественно-политической жизни ТНР

В первые годы становления ТНР в тувинской общественной жизни сохраняли актуальность монгольский язык, монгольская письменность, общность традиций, исторических событий также объединяла народы.

Среди аратских масс были живы участники военных событий 1912–1913 гг. в Западной Монголии, связанных с освобождением крепости Кобдо и последующих столкновений с маньчжуро-китайскими войсками при Цаган-Тунги, для которых общими с монголами были и герои тех времен, и хутухта (высшие иерархи буддийской церкви Монголии, которые считались перерожденцами).

Большинство руководителей партии и правительства ТНР в те годы владели монгольской грамотой. Первые газеты и журналы ТНР в 1926–1930 гг. также печатались на старомонгольском языке, что привело к преобладанию монголизмов в деловом стиле тувинского языка периода ТНР. Как отмечает Ю. Л. Аранчын: «Ввиду отсутствия родной письменности и плохого знания русского языка деятели ТНРП вынуждены были черпать необходимые знания по марксизму-ленинизму из монгольской литературы. Важным пособием для них являлся журнал “Путь к социализму”, издававшийся ЦК МНРП» (Аранчын, 1982: 106).

В 1923 г. в Монголии была проведена реформа по переименованию административно-территориальных единиц (аймаков и хошунов). Например, аймак Тушэту-хана стал называться Богд Хан уулын аймаг, аймак Цэцэн-хана — Хан Хэнтий уулын аймаг, аймак Сайн-Нойон-хана — Цэцэрлэг Мандал уулын аймаг, аймак Дзасакту-хана — Хан Тайшир уулын аймаг. В Туве также была проведена подобная реформа и пять из шести хошунов ТНР (исключая новое название Салчакского хошуна как Каа-Хемский хошун) получили монгольские названия, три из них по названиям гор: Баян-Хан-Уула хошун с центром в Аксы-Барлыке, Улаан-Хан-Уула хошун — в Чадаане, Буура-Хан-Уула хошун — в Шагаан-Арыге; по названию реки Тесин-Гольский хошун — в Самагалтае, сохранил прежнее название Тоджи-Нуурский хошун — в Тодже (История Тувинской Народной ... , 2011: 73).

В 1924 г. в Кызыле при ЦК ТНРП открылись курсы монгольского языка. Учебные программы, литература и первыми преподавателями были буряты (С.А.Нацов, Гомбожав), работавшие в Туве по линии Коминтерна. В начале 1925 г. по просьбе ЦК ТНРП через своего представителя Лопсан-Доржу для преподавания монгольского языка и письменности от ЦК МНРП было направлено два учителя (Собрание ... , 2014: 223–224). Сельскохозяйственная и демографи-

ческая перепись 1931 г. показала, что из 5076 человек, умеющих читать и писать, составляющих 7,7% от общей численности тувинского населения, тувинским и монгольским языком владели 643 человек (12,7%), только монгольским — 367 (7,2%), монгольским и тибетским — 37 (0,7%), тувинским, монгольским и русским — 54 (1,1%), тувинским, монгольским и тибетским — 16 (0,3%). При этом только тувинским языком владело 3622 чел. (71,3%), только русским — 16 (0,3%), только тибетским — 185 (3,6%), тувинским и тибетским — 11 (0,2%), тувинским и русским — 110 (2,2%), монгольским и русским — 54 (1,1%) (История Тувы, 2007: 273–274). Таким образом, обучение монгольскому языку во второй половине 1920-х гг. привело к тому, что им владело 1117 человек, что составляет 22% от общего числа грамотных.

В 1925 г. состоялась рабочая поездка Председателя ЦК ТНРП Монгуша Шагдыра в Улан-Батор для ознакомления с опытом работы МНРП, во время которой велись переговоры о сотрудничестве ТНРП с МНРП и об обучении тувинских слушателей в Центральной партийной школе при ЦК МНРП. С собой в Туву он привез монгольские газеты, журналы и партийную литературу на монгольском языке (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований — далее НА ТИГПИ. Р/ф 597. Л. 208–215). Впоследствии это стало традицией — монгольская сторона до конца 1930-х годов регулярно и бесплатно передавала свои периодические издания, оригинальные и переводные работы, в основном по марксизму-ленинизму. Среди них правительственные, законодательные и партийные издания: Конституции МНР, сборники законов, бюллетени правительства МНР, резолюции и решения съездов и пленумов МНРП, постановления Великих Хуралов, а также учебная и художественная литература.

По вышеуказанной договоренности между ТНРП и МНРП и согласно принятому постановлению ЦК ТНРП по подготовке кадров в Центральной партийной школе при ЦК МНРП¹ в 1925–1929 гг. на двухгодичных курсах бесплатно обучалось три группы парней и девушек из Тувы (всего более 30 чел.). Первая группа была отправлена в составе семнадцати человек, в восьмом номере газеты «Tiva-yin ünep» от 05.11.1927 г. опубликована заметка о возвращении в Кызыл первых двенадцати выпускников данной школы 30 октября и выражена надежда, что они внесут весомый вклад в важнейшем для Тувы деле пропаганды цели, задач и деятельности партии.

В числе первых тувинцев, получивших партийное образование в Улан-Баторе, были Хемчик-оол Адыг-Тюлюш, Танчай Оюн, Соднам Ооржак, Артаа Оюн, Норбу-

¹ Открытие Центральной партийной школы при ЦК МНРП, находившейся в здании летнего дворца Богдо-хана Хайстай, состоялось 28 апреля 1925 г. В ней в первый год открытия обучалось 130 слушателей из Монголии, Барги и Танну-Урянхая. В дальнейшем были также приняты слушатели из Китая, Внутренней Монголии и Тибета.

Самбуу Монгуш, Чыган Монгуш, Лакпа Оюн, Сундуй Донгак, Анай-оол Ондар, Бурбу Ондар и др. Впоследствии они занимали важные государственные и партийные посты, и, к сожалению, большая часть из них была репрессирована в ходе борьбы с «правыми» (НА ТИГИ. Р/ф 322. Л. 2–4; Р/ф 597. Л. 208–215).

О том, что тувинцы обучались и в других учебных заведениях Монголии, свидетельствует телеграмма № 29 от 26 октября 1929 г. от полпреда ТНР в МНР Карсыга о полученном разрешении на распределение прибывающих из Тувы пятидесяти учащихся следующим образом: в партийную школу — 15 человек, среднюю школу и учебное заведение почтовой связи — 15, учебные заведения педагогического профиля пятнадцать и кооперации — 10. Первые тридцать шесть учащихся выехали из Кызыла 14 ноября 1929 г. (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 48. Л. 367об., 385об., 447). О престижности для тувинцев в те годы получения образования в Монголии пишет П. П. Маслов, руководивший переписью в ТНР в 1931–1932 г.: «Тувинцы считают Монголию своей старшей сестрой. Молодежь ездит в Улан-Батор учиться; кончить партийную школу в Улан-Баторе для тувинских ревсомольцев считалось до сих пор честью, которой удостаивались лишь немногие избранные. Отсюда несколько почтительное отношение к Монголии. Правда, введение тувинской письменности значительно поколебало гегемонию монгольской культуры в Туве, но некоторые традиции остались еще в силе. СССР далек и во многом тувинской массе непонятен, а здесь ведь те же юрты, те же кочевья, то же скотоводство. Где лучшие пастбища? В Монголии. Откуда привозят племенных первосортных баранов? Из Монголии. Монголия близка, Монголия понятна» (Маслов, 2007: 632).

Сотрудничество между Комитетом наук МНР (созданным еще в 1921 г. в виде Ученого комитета Судар бичгийн хурээлэн), и Ученым комитетом ТНР (1930 г.) началось сравнительно позже. В связи с острой нехваткой источников по истории Тувы, написание и издание которой планировалось к 20-летию юбилею ТНР, правительство Тувы через полпредства ТНР в МНР и СССР организовало работу по сбору и последующему переводу необходимой литературы. Источники на китайском языке, из-за отсутствия специалистов, предполагалось с помощью сотрудников Комитета наук МНР перевести на монгольский язык. В августе 1941 г. Туву посетил председатель Комитета наук МНР Ж. Дугэрсурэн в качестве главы делегации Правительства МНР на юбилейные торжества в честь 20-летия ТНР (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 293. Л. 383; Ф. 100, Оп. 1, Д. 306. Л. 33).

Укрепление межпартийных связей и дружественных отношений

Новый этап в партийном сотрудничестве между МНРП и ТНРП наступил в 1929 г. после VII съезда МНРП (23 октября — 10 декабря 1928 г.) и II объединенного пленума ЦКК и ЦК ТНРП (7–11 января 1929 г.). К пришедшим к власти

«левым» летом присоединились выпускники 1929 г. Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), ставшие затем секретарями ЦК МНРП и ЦК ТНРП: с монгольской стороны Б. Элдэв-Очир и с тувинской — С. К. Тока. Монголы и тувинцы учились в одной группе, старостой был Б. Элдэв-Очир, его заместителем С. К. Тока.

Первый шаг в установлении «истинных революционных взаимоотношений» между двумя республиками был сделан секретарем МНРП П. Гэндэном, который через полпреда ТНР в СССР М. Чойдана выразил желание укрепить связь между МНР и ТНР. Его желание в Политбюро ЦК ТНРП было воспринято с удовлетворением как знак новой установки во взаимоотношениях МНР и ТНР и было решено отправить в Монголию представителя ТНРП С. Бульчуна. 18 октября 1929 г. Улан-Баторе состоялась совещание между С. Бульчуном и представителями МНРП Л.Лааганом (в тексте — Лаккон) и П. Гэндэном, на котором подписано соглашение об установлении межпартийных связей между МНРП и ТНРП, состоящее из 10 пунктов (Центр архивных документов партийных и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва — далее ЦАДПОО. Ф. 1, Оп. 1, Д. 633). После этого в 1930 г. Туву приехал представитель МНРП Чойжил и были подписаны «Соглашение о дальнейшем развитии и укреплении межгосударственных и межпартийных связей между МНР и ТНР» из 5 пунктов и «Договор о взаимной дружбе между МНРП и ТНРП» из 7 пунктов. ТНРП представляли С. Бульчун и И.Шагдыржап (ЦАДПОО. Ф. 1, Оп. 1, Д. 633, 634, 635, 636).

Укреплению межпартийных связей способствовали визиты первых лиц и высших чиновников Тувы и Монголии на съезды друг к другу. Так, в конце марта — начале апреля 1930 г. состоялся визит секретаря ЦК ТНРП С. К. Тока в Улан-Батор вместе с представителем Коминтерна при ЦК ТНРП В. А. Богдановым для ознакомления с опытом партийной работы, революционного строительства и в качестве почетных гостей на VIII съезде МНРП (Собрание ..., 2014: 322). В 1934 г. Монголию с официальным визитом посетил Председатель Совета Министров ТНР Чурмит-Тажи Сат, ознакомился с хозяйственно-политическим положением Монголии и провел переговоры о дальнейшем сотрудничестве МНР и ТНР с Председателем Совета Министров МНР П. Гэндэном. С. К. Тока также был почетным гостем на X съезде МНРП, о чем сделал доклад в Политбюро ЦК ТНРП 18 апреля 1940 г. (Собрание ..., 2014: 378–385). Однако первые лица Монголии впервые посетили Туву лишь на XII съезде ТНРП, состоявшемся в Кызыле с 1 по 4 апреля 1941 г. в лице почетного гостя Генерального секретаря ЦК МНРП Ю. Цэдэнбала.

Установилась традиция приглашать представителей МНР и ТНР в качестве почетных гостей для широкого празднования исторических дат. В 1931 г. в Улан-Баторе состоялись торжественные мероприятия, посвященные 10-летию юбилею МНР, МНРП и революционной армии Монголии, почетным гостем которых был министр иностранных дел ТНР Оюн Танчай (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1,

Д.50. Л. 11). Ответным визитом на празднование 10-летнего юбилея ТНРП летом того же года в Кызыл прибыла делегация из пяти гостей во главе с членом Малого Хурала МНР и секретарем ЦК Ревсомола Монголии Доржем (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 50. Л. 6). На 15-летие МНР в 1936 г. почетными гостями из Тувы были секретарь Совета Министров ТНР и член Президиума ЦК ТНРП Лопсан-Самбуу Шалык и член Президиума Малого Хурала ТНР, Государственный прокурор ТНР Пиринлей Кара-Сал. Будучи в Улан-Баторе, они получили в дар от Правительства МНР на 15-летие ТНР племенной скот: 50 лошадей, 50 коров, 400 овец (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 138. Л. 85, 164).

Особо следует отметить состав делегаций на праздновании 23-й годовщины МНР и ТНР. В июле 1944 г. для принятия участия в торжествах, посвященных 23-летию Народно-освободительной революции МНР и для вручения братских дружественных приветствий Правительству МНР и МНРП, от Президиума Малого Хурала ТНР была направлена делегация в составе пяти человек под руководством председателя Совета Министров ТНР А.М. Чимба. Членами делегации были Парчин Салчак — зам. министра МВД, Кечил-оол Тулуш — командир 1-го Гвардейского Ровенского Ордена Республики кавалерийского эскадрона ТНРА, Данзынхо — арат-передовик Тандинского хошуна, Бадыра Иргит — полпред ТНР в МНР (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 313). В ответ на 23-летие ТНР, отмечаемом в августе 1944 г., в Кызыл прибыла делегация во главе с первым заместителем председателя Совета Министров МНР Ч. Сурэнжавом в составе арата-передовика приграничного сумона Тургэн Убусунурского аймака Т. Авирмэда и комиссара пограничного отряда Ширав-Самбу (Namkamidoу, 2007: 149).

Из тувинских полпредов в МНР Сунгар-оол Куулар награжден Правительством и Малым Хуралом МНР орденом МНР «Аж ахуйн гавьяаны нэг дүгээр одон» (Орден Трудовых заслуг I степени). Из монгольских полпредов в ТНР Д.Догсом в 1936 г., уже будучи Председателем Малого Хурала МНР, в честь 15-летия ТНР и в знак тувинско-монгольской дружбы был награжден Президиумом Малого хурала трудящихся ТНР высшей наградой «Орденом ТНР» (ГА РТ. Ф. 1, Оп. 1, Д. 138. Л. 83). Также «Орденом ТНР» Постановлением Президиума Малого Хурала ТНР от 28 февраля 1940 г. за заслуги в деле укрепления братской дружбы между народами МНР и ТНР был награжден Премьер-министр Монголии Хорлогийн Чойбалсан (ГА РТ. Ф. 93, Оп. 1, Д. 199. Л. 1).

Торговые и культурные связи

Торговые связи между населением обеих стран в первые годы ТНР и МНР осуществлялись в виде натурального обмена (таким же образом оплачивалась таможенная пошлина): с монгольской стороны поступали продукты скотоводства (войлок, топленое масло), с тувинской — земледелия (просо, ячмень,

пшеница). В большинстве случаев — через посредников (богачей, лам и русских торговцев), впоследствии через совместные с советскими акционерными обществами тувинский и монгольский центральные кооперативы «Тувценкооп» и «Монценкооп». Так, в 1928 г. через полпредство ТНР в МНР Тувценкооп закупил зеленый кирпичный чай в количестве трехсот ящиков кунза, четыреста кусков кожи булгаар, пятнадцать тысяч овцематок для племенных целей (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 134. Л. 17; ГА РТ. Ф. 144, Оп. 7, Д. 31. Л. 27). Весной 1931 г. МИД МНР обратилось с просьбой о доставке из Тувы в Улан-Гом 13 тыс. пудов, в 1932 г. 10700 пудов семян зерна (пшеницы, проса и овса) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 48. Л. 309 об.; Ф. 100, Оп. 1, Д. 62. Л. 51).

С. В. Саая, не учитывая вышеуказанные продукцию скотоводства и земледелия обеих стран, отмечает, что в конце 1920-х годов тувинско-монгольские внешнеэкономические отношения ограничивались перевозкой китайских товаров транзитом через территорию Монголии, а также советских товаров транзитом через Туву. Она пишет, что с монгольской стороны были неоднократные попытки установить более широкие экономические связи, предложено ряд проектов по экономическому сотрудничеству, среди которых предоставление МНР концессий на золотые прииски ТНР, допуск на тувинский рынок Монголценкоопа, введение единой валюты для МНР и ТНР (Саая, 2003: 91).

Относительно сотрудничества в области культуры следует отметить письмо Б.Элдэв-Очира к С. К. Тока от 6 апреля 1935 г., который указывает на недостаточное внимание в Туве на национальную культуру. : «Я исхожу здесь из следующих предпосылок: без развития культуры — по форме национальной — по содержанию революционной, без быстрого развития школьного строительства, без внедрения национальной письменности, языка, искусства, — нельзя преодолеть феодально-родовые пережитки, сохранившиеся как в экономике, так и в быту вашей страны. Следовательно, на развитие национальной культуры необходимо мобилизовать все внимание партии и правительства, а также мобилизовать вокруг этого дела широчайшие слои аратских масс» (Собрание ... , 2014: 338).

В связи с этим значительным событием в культурной жизни Тувы стали гастроли Центрального театра Монголии с 1 по 16 июня 1935 г. по приглашению Правительства ТНР. Группу артистов в количестве 31 человек возглавляли член Малого Хурала МНР Сосорбарам, директор театра Ц. Гомбожав и председатель художественного совета Идамсурэн. В состав группы входил также художник-фотограф Ратнабазар (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 106. Л. 63). В 1936 г. министерство культуры МНР через полпреда ТНР в МНР Тастай-оола Ооржака передало в Туву для развития национального искусства четырнадцать струнных инструментов морин хуур (платно), один бызаанчы, один допшулуур, один чадаган и семь флейт лимби (бесплатно) (ГА РТ. Ф. 100, Оп. 1, Д. 138. Л. 333).

Заключение

Таким образом, в становлении и развитии тувинско-монгольских отношений в период ТНР можно выделить три основных этапа. Первый этап (1921–1925 гг.) характеризуется становлением тувинской государственности и его непризнанием монгольской стороной, сохранившимися прочными связями тувинских нойонов и лам с высшими духовными иерархами Монголии, правителями соседних монгольских аймаков. Правящая элита «склонялась к сохранению традиционного общества» (История Тувы, 2007: 136) и традиционной культуры.

Начало второго этапа (1926–1929 гг.) связано со сменой руководства обеих государств и с признанием ТНР МНР. За этим последовало подписание Договора об установлении дружественной связи между Монголией и Танну-Тувой и начало нового сближения и установления связей в области просвещения при относительном сохранении основ традиционной культуры и все еще преобладающей роли монгольского письменного языка.

Третий этап (1930–1944 гг.) ознаменован победой «левых» в Монголии и Туве, введением тувинской письменности, укреплением и расширением межпартийных, торговых и культурных связей и дружественных отношений на пути революционных преобразований под лозунгом некапиталистического развития.

Следует отметить, что в научный оборот здесь вводится лишь часть документов по истории тувинско-монгольских связей в период ТНР на старомонгольском языке. Более углубленное изучение данной темы предполагает рассматривать ее в рамках трехсторонних тувинско-монгольско-советских отношений с учётом советского фактора. СССР оказывал большую поддержку, особенно в становлении и укреплении государственности, партийных и общественных организаций. В данный период советское влияние постепенно расширялось и углублялось во всех сферах жизнедеятельности тувинского и монгольского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 339 с.

История Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921–1944 гг. (2011) / под научн. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 312 с.

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Маслов, П. П. (2007) Конец Урянхая. Путевые очерки // Урянхай: Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к

Танну-Туве. С. 618–729.

Моллеров, Н. М. (2005а) История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М. : Изд-во Моск. гуман. ун-та. 326 с.

Моллеров, Н. М. (2005b) Советско-китайский договор 1924 г. (итоги Кызылской тройственной конференции) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. Вып. 5. С. 162–167.

Саая, С. В. (2000) Историографический анализ истории международных связей Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг. // Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии. Абакан : ХакНИИЯЛИ. С. 4–15.

Саая, С. В. (2003) Россия — Тува — Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. Абакан : Журналист. 200 с.

Собрание архивных документов по истории Тувы (2014) : в 4-х т. Улан-Батор ; Кызыл : АДМОН ПРИНТ. Т. III. 1921–1944 гг. 418 с.

Шүрхүү, Д. (1999) Монгол-тувагийн харилцаа ба Орос улсын байр суурь (XX зууны эхэн хагас) : түүхийн шинжлэх ухааны доктор (Ph.D)-ын зэрэг горилсон нэгэн сэдэвт зохиол. Улаанбаатар. (На монг. яз.).

Namkamidoγ (2007). Šinjiyang-un tuvačud-un tuqay sudulul. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 202 х. (На старомонг. яз.)

Дата поступления: 17.07.2016 г.

REFERENCES

Aranchyn, Yu.L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda ksotsializmu*. Novosibirsk, Nauka. 339 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvinskoï Narodnoi Respubliki v arkhivnykh dokumentakh. 1921–1944 gg. (2011), ed. N. M. Mollerov. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 312 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (2007), ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.).

Maslov, P. P. (2007) Konets Uriankhaia. Putevye ocherki. In: *Uriankhai: Tyva depter* : in 7 vol., comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 5. Uriankhaiskii krai: ot Uriankhaia k Tannu-Tuve. Pp. 618–729. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2005a) *Istoriia sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1944 gg.)*. Moscow, Mosk. гуман. un-t Publ. 326 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2005b) Sovetsko-kitaiskii dogovor 1924 g. (itogi Kyzyl'skoi troistvennoi konferentsii). In: *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*. Ekaterinburg, Ural'skii un-t Publ. Vol. 5. Pp. 162–167. (In Russ.).

Saaia, S. V. (2000) Istoriograficheskii analiz istorii mezhdunarodnykh sviazei Tuvinskoï Narodnoi Respubliki v 1921–1944 gg. In: *Aktual'nye problemy noveishei istorii Khakasii*. Abakan, KhakNIILaLI. Pp. 4–15. (In Russ.).

Saaia, S. V. (2003) *Rossiia — Tuva — Mongoliia: «tsentral'no-aziatskii treugol'nik» v 1921–1944 godakh*. Abakan, Zhurnalist. 200 p. (In Russ.).

Sobranie arkhivnykh dokumentov po istorii Tuvy (2014) : in 4 books. Ulan-Bator, Kyzyl, Admon Print. Vol. III. 1921–1944 gg. 418 s. (In Russ.).

Shyrkhyу, D. (1999) *Mongol-tuvagiin khariltsaa ba Oros ulsyn bair suur' (XX zuuny ekhen khagas)* : Dissertation... Doctor of History. Ulaanbaatar. (In Mongolian).

Namkamidoу (2007). *Šinjiyang-un tuvačud-un tuqaysudulul*. Begejing, Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 202 p. (In Old Mongolian.)

Submission date: 17.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Хертек Л. К. Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/464> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Khertek L. K. Tuvan-Mongolian relations and links under the People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/464> (accessed: ...).

СТАРООБРЯДЦЫ В ТУВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И В ПЕРИОД ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

OLD BELIEVERS IN TUVA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AND UNDER PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Маргарита П. Татаринцева

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

Margarita P. Tatarintseva

Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies

Целью статьи является анализ особенностей культуры и существования старообрядческой общности в Туве в начале XX века, а также в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Материалами выступили общие исследования по истории и культуре старообрядчества в России и Сибири, а также документы из Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

The article aims to analyze the specifics of culture and everyday life of the Old Believers' (staroobryadtsy) community in Tuva at the beginning of the 20th century, as well as under the People's Republic of Tuva (1921-1944). Our study was based on research in the general history and culture of Old Belief in Russian and Siberia, as well as on the documents from the research archive of Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies.

Переселившиеся в Туву (Урянхайский край) в конце XIX — начале XX века старообрядцы, общая численность которых составляла примерно треть от всех русских переселенцев, в первые десятилетия находились здесь в относительно благоприятных условиях. Тува для них была удаленным местом, благоприятным для соблюдения политики изоляционизма; здесь они искали землю обетованную, недостижимую для «слуг антихриста» (царских чиновников) — Беловодье; край, богатый природными даров, рассматривался ими как место, где каждый трудолюбив-

Old Believers who settled in Tuva (Uryankhaisky Krai) in late 19th – early 20th century accounted for about a third of all Russian settlers. For the first two decades, their situation in the region was relatively favorable. For them, Tuva was a faraway region that suited well their isolationist lifestyle. It was the Promised Land, the Belovodye which 'Antichrist's henchmen' (Russian government officials) could not reach. In the natural abundance of Tuva they saw a country where every hard-working Christian could

Tatarintseva Margarita Petrovna — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

Tatarintseva Margarita Petrovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Sector of Culture, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

вый христианин может успешно вести собственное хозяйство. Хотя обживание новых, далеко не всегда благоприятных для ведения крестьянского хозяйства мест было связано с немалыми трудностями, старообрядцы сумели адаптироваться к изменившимся природно-климатическим условиям, сумели установить приемлемые взаимоотношения с местными властями, которые не особенно вмешивались в их жизнь. Старообрядцы занимались, наряду с земледелием и скотоводством, охотой, рыболовством, промыслами, ремеслами, торговлей.

Положение староверов сильно осложнилось, когда в ТНР в 1930-е годы был взят курс на ускоренное строительство социализма, в стране началась борьба с религией. Те из старообрядцев, кто по религиозным мотивам упорно отказывался изменить свой образ жизни, идти в армию и т. д., а также монахи, служители культа осуждались на длительные сроки, которые отсидживали за пределами Тувы. Уверующих резкое неприятие вызывали переписи, паспортизация, принуждение отдавать детей в школу, где их учили безбожью и т. д. Старообрядцы семьями удалялись «спасаться» в глухую тайгу, горы, где нередко погибали, некоторые даже совершали акты коллективных самоубийств. Тем не менее, старообрядчество выжило в этих условиях и в Туве, продолжает существовать до сих пор.

Ключевые слова: Урянхайский край; Тувинская Народная Республика; Тува; старообрядцы; история Тувы; репрессии; русские в Туве

become master of his own household. Although settling in the new land with its often adverse conditions for farming could prove difficult, Old Believers managed to adapt to the new climate and build good relations with the local powers which rarely intervened into their lives. Alongside with farming and cattle breeding, Old Believers were involved in hunting, fishing, crafts and trade.

Their situation, however, worsened when the People's Republic of Tuva (PRT) in the 1930s accelerated the Socialist reforms and implemented an anti-religious policy. Those Old Believers who refused to change their lifestyle due to religious considerations (i.e., evaded military conscription, etc.), as well as clergy and monks, were given prison sentences that they had to serve outside Tuva. Old Believers protested against censuses, introduction of mandatory passports, universal education (at schools where atheism was an official policy), etc. Many families tried to find 'salvation' by fleeing deep into the heart of the taiga or into the mountains where many died, some by their own hand in collective suicide. Nevertheless, Old Belief in Tuva survived and still exists at the moment.

Keywords: Uryankhaisky Krai; People's Republic of Tuva (PRT); Tuva; Old Believers; history of Tuva; repressions; Russians in Tuva

Введение

Старообрядческая конфессиональная группа занимала значительное место в российском обществе на протяжении длительного времени его истории (раскол произошел в середине XVII века). Гонения и притеснения заставляли староверов покидать обжитые места и расселяться там, где их не смогли бы достать ни светские, ни церковные власти, где они могли бы свободно исповедовать старую веру. Так, ближе к концу XIX века старообрядцы стали проникать на территорию Урянхая (прежнее название Тувы), хотя Урянхай не входил в состав России, и обживать эти отдаленные, глухие, малонаселенные места. Переселялись в основном крестьяне, хотя староверы встречались и среди купцов.

История старообрядцев в Туве долго оставалась неизученной, в литературе о Туве лишь изредка находим упоминания о них, а если эти упоминания относились к советской эпохе, то носили чаще всего негативный оттенок. В постсоветское время исследования старообрядчества в Туве (в том числе выполняемые автором данной статьи) получили новый импульс и были связаны с интересом общества и исследователей к традиционным религиям в республике, в регионе,

в стране (Стороженко, 2004; Татаринцева, 2006, 2015; Рукавицына, 2009; Бойко, 2011; Walters, 2001 и др.). Тем не менее далеко не все аспекты темы исследованы.

Целью настоящей статьи будет анализ особенностей культуры и существования старообрядческой общности в Туве в начале XX века, а также в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Материалами выступили общие исследования по истории и культуре старообрядчества в России и Сибири, а также документы из Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Поиски Беловодья

Все своеобразие старообрядческого движения, его часто трагическая история были связаны с упорным отстаиванием религиозных убеждений, хотя это народное движение имело также мощные социальную и культурную составляющие. Но в первую очередь стремление сохранить веру отцов — «древлеправославие» — старую веру, определяло все в жизни многих старообрядцев — от места жительства, как уже говорилось, удаленного и уединенного, выбранного часто не по своей воле, а из желания уйти от преследователей, от иноверческого окружения (изоляция), до образа жизни, жизненного уклада и внешнего вида. Тува, или в начале XX в. — Урянхайский край — был для старообрядцев одним из таких удаленных мест.

Еще одной причиной переселения в Туву являлось то, что наиболее истово верующие старообрядцы надеялись именно здесь найти землю обетованную, недостижимую для «слуг антихриста» (так называли они царских чиновников) — Беловодье, много легенд о котором было сложено в среде староверов. И наконец, хозяйственная предприимчивость, трезвый практицизм подсказывали крестьянину, что наличие свободных земель, богатая зверем и орехом тайга, изобилующие рыбой реки и озера края позволят каждому трудолюбивому христианину успешно вести собственное хозяйство.

Староверы-переселенцы оказались в стране с иной языковой средой, иным укладом жизни, религиозными и культурными традициями. Тем не менее, они стремились и в новых краях воссоздать традиционный для них жизненный уклад, строго соблюдать религиозные правила, обряды и в целом сумели неплохо адаптироваться к местным условиям.

Стремясь сохранить в чистоте свою старую веру и воспитывать в ней своих детей, избежать мирских соблазнов и обмирщения, они и селились в глуши, если там были какие-то условия для хозяйствования, адаптировались к новым местам, успешно окультуривали их и вели свои хозяйственные дела. Но могли все оставить, перебраться в другие, еще более отдаленные места и начинать все сначала, если какие-то обстоятельства угрожали их идеологии, их архаичным

формам православия, которое и называется староверием.

Не желая смешиваться с «никонианами», старообрядцы в Туве в основном компактно расселились в верховье Малого Енисея, а также в Тандинском и Тоджинском кожуунах, держались сплоченно, имели молельные дома и наставников — уставщиков (беспоповцев). Хотя среди переселившихся в Туву были представители разных небольших толков, постепенно численно преобладающими стали беспоповцы часовенного согласия, беспоповцы поморского толка и поповцы белокриницкого согласия, у которых была старообрядческая церковь в с. Медведевка.

Строго придерживаясь дониконовских старинных церковных правил, обрядов, обычаев, старообрядцы связывали эту старую обрядность с элементами традиционной русской бытовой культуры, и материальные формы культуры рассматривали уже как некую божественную сущность, часть старой веры, непременную принадлежность старообрядчества и крепко держались за них. Примером могут служить старинные предметы культа — лестовка, подручник, в настоящее время сохранившиеся лишь у старообрядцев, традиционная одежда, борода у мужчин, всегда покрытая голова у женщин, особые надгробные сооружения и многое другое. Как пишет И. А. Кремлева, «включение бытовых явлений в число религиозных предписаний придавало особую живучесть многим элементам русской традиционной культуры» (Кремлева, 1997: 716).

Консерватизм, настороженное отношение ко всяким новшествам и были тем самым главным инструментом, который позволял староверам сохранять, канонизировать не только религиозную старину, но и бытовую. «Консерватизм — стержень умонастроения и поведения старообрядцев, элемент их учения», — отмечает Д. С. Расков (Расков, 2001: 45).

Важной частью старообрядческого учения является идея спасения души. Земная жизнь — это лишь приготовление к жизни вечной, а лучший способ приготовиться к жизни вечной — отшельничество, «пустынничество», то есть жизнь, удаленная от грешного мира, его суеты и соблазнов, аскетическая и смиренная, посвященная Богу, молитвам, спасению души. Отсюда популярность среди старообрядцев раннехристианских идей пустынничества, скитничества для религиозно-нравственного совершенствования человека. Аскетически строгая, смиренная и уединенная жизнь в скиту, особенно под конец земной жизни — идеал для старообрядца. Иночество и отшельничество в Сибири особенно были развиты у старообрядцев часовенного согласия, это имело место и в Туве.

В книге Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой о скитах Верховья читаем следующее: «Скиты верховья Малого Енисея возникли в феврале 1917 года после переселения сюда с Урала одного из осколков знаменитого скита о. Нифонта. В тувинском списке Родословня часовенного согласия, составленном о. Нифонтом

в 1887–1890 гг., имеется приписка, сделанная руководителем тувинских скитов о. Палладием. В ней он излагает следующую линию преемственности скитских игуменов Тувы XX века: (о. Нифонт) — о. Сергей, — о. Игнатий, — о. Палладий» (Покровский, Зольникова, 2002: 465).

Репрессии в ТНР в 1930–1940-е годы

Верхнеенисейские скиты-монастыри («святая земля») и отшельнические поселения монахов-подвижников веры играли важную консолидирующую роль для всего старообрядческого населения. Велико также их значение в деле сохранения старообрядчества как особой этноконфессиональной группы в Туве, в упорном противостоянии их административному нажиму и насаждению безбожия, которые начались в 1930-е годы. Тогда правительство Тувинской Народной Республики и Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), копируя советские методы ускоренного строительства социализма (создание коммун, колхозов, раскулачивания и т. д.) и борьбы с классовыми врагами, среди русского населения видело своих противников в первую очередь в лице твердых в своих религиозных убеждениях, крепких, самостоятельных хозяйственников-староверов. На старообрядцев обрушились гонения, притеснения, раскулачивания и высылки.

Из воспоминаний старожилов известно, что в 1930–1940 годы власти ТНР боролись с монахами-вероучителями и наставниками как с врагами народа и нередко под конвоем вывозили их из республики. По дороге в Кызыл монахам приходилось вместе с конвоирами ночевать в крестьянских избах. Очевидцы утверждают, что некоторые из монахов-мужчин под одеждой носили железные цепи — вериги для умерщвления плоти. «Сверху привезли в Медведевку монаха, цепи на нем крест-накрест вросли в тело», — вспоминает один из очевидцев, житель Каа-Хемского кожууна (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований — далее НА ТИГПИ. Д. 981]. Об отце Палладии у местного населения также существует предание, что он под одеждой носил цепи (НА ТИГПИ. Т. 308, Д. 2195).

В Туве монастыри-скиты никогда не были большими по количеству строений и насельников, но они всегда пользовались огромным авторитетом и уважением у верующих за непрерывный молитвенный труд и аскетический образ жизни его обитателей, туда верующие в трудное время шли за моральной поддержкой и духовной помощью.

Жизнь в монастырях основывается на строгих христианских правилах, изложенных в «Кормчей». Монашество — это суровое, духовно смиренное житие, подчиненное строгому уставу. Молитвенный труд — самое главное в монашеской жизни, она и состоит в основном из многочасовых дневных и ночных мо-

лений перед образами со свечой или лампадой и чтения священных старопечатных книг. В удаленных от мира скитах и тайных одиночных «пустынях» десятилетиями скапливались старинные фолианты, редкие книги и иконы, предметы культа, образуя ценные собрания сакралий и раритетов. То же наблюдалось и в Туве.

В 1930–1940-е годы те из глубоко верующих старообрядцев, кто по религиозным мотивам упорно отказывался изменить свой образ жизни, идти в армию и т. д., а также монахи, служители культа, не сумевшие избежать ареста, обычно осуждались на длительные сроки, которые отсиживали за пределами Тувы. Арестовывались и высылались, как правило, духовные лидеры, а также наиболее грамотные, стойкие духом, твердые в вере.

Все более усиливающееся государственное давление в эти годы, бесцеремонное вмешательство в их обычно закрытую для «чужих» жизнь, насаждение атеизма связывалось старообрядцами с приходом антихриста и приближением конца света. Они были убеждены, что своих сторонников антихрист будет отмечать печатью. Такой печатью старообрядцы стали считать всякую регистрацию актов гражданского состояния, официальные списки, подписи, справки, фотографии, даже отметины на теле человека после прививок.

По воспоминаниям старожилов, резкое неприятие и даже панический ужас в 1930-е годы вызывали у старообрядцев переписи, паспортизация, принуждение отдавать детей в школу, где их учили безбожию и т. д. Во всех этих действиях властей старообрядцы видели знамение антихриста, и было немало случаев, когда они всей семьей удалялись «спасаться» в глухую тайгу, горы, где нередко погибали. Неоднократно в Верховье были случаи одиночных и коллективных самоубийств удалившихся. «К кедру была привязана икона, молились и бросались в воду» (НА ТИГПИ. Д. 714). Так же, случалось, поступали и те, кого «выводили» из тайги под конвоем — монахи, уклонявшиеся от призыва в армию и др.

Действия властей по уничтожению культовых сооружений и предметов культа, самих служителей культа верующие считали кощунством, святотатством, эсхатологические настроения среди них в такой напряженной обстановке особенно усиливались. Ведь борьба с верой, проповедь безбожия — это те признаки, по которым узнается антихрист, по мнению староверов.

Официальная статистика умалчивает о количестве репрессированных старообрядцев в Туве и о числе покончивших с собой. Из воспоминаний очевидцев и печати известно, что радикально настроенные старообрядцы поодиночке и целыми семьями сжигали себя, топились, замерзали в тайге или морили себя голодом. Были случаи, когда удалившихся замерзать искали и находили, но часть семьи, старики и дети, как более слабые, уже погибли, или погибшими были все члены семьи.

Однако следует сказать, что далеко не все старообрядцы поддерживали идею самоубийства, поповцы, например, считали грехом «гари», «морения» и прочие способы добровольного ухода из жизни старообрядцев, не желавших подчиняться антихристу.

Заключение

Так, переселившиеся в Туву в конце XIX — начале XX века старообрядцы, общая численность которых составляла примерно треть от всех русских переселенцев, в первые десятилетия проживания в Туве находились в относительно благоприятных условиях. Они сумели установить приемлемые взаимоотношения с местными властями, которые не особенно вмешивались в их жизнь, были недостижимы до властей церковных. Хотя обживание новых, далеко не всегда благоприятных для ведения крестьянского хозяйства мест было связано с немалыми трудностями, старообрядцы сумели адаптироваться к изменившимся природно-климатическим условиям, занимаясь, наряду с земледелием и скотоводством, охотой, рыболовством, промыслами, ремеслами, торговлей.

Положение их сильно осложнилось, когда во времена ТНР Тувой был взят курс на ускоренное строительство социализма и в стране началась борьба с религией, а гонения на религиозных лидеров стали распространенным явлением. Надо сказать, что тогда пострадали не только духовные лидеры староверов, уничтожению и ссылке подлежали православные священники, ламы, шаманы. Однако старообрядцы в целом сумели выжить и в этих условиях, по-прежнему оставаясь стойкими приверженцами старой веры. Для многих из них Тува стала и навсегда останется родиной, самым любимым местом на земле.

В настоящее время в Туве живет уже пятое-шестое поколение старообрядческих семей, в прошлом выходцев со всей России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко, Е. С. (2011) Материнская речевая деятельность в социуме староверов на Енисее. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. 328 с.

Кремлева, И. А. (1997) Старообрядчество // Русские / отв. ред. В. А. Александров. М. : Ин-т этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 828 с. С.710–721.

Покровский, Н. Н., Зольникова, Н. Д. (2002) Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблема творчества и общественного сознания. М. : Памятники исторической мысли. 471 с.

Расков, Д. С. (2001) Хозяйственная этика русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. С. 45–49.

Рукавицина, Е. А. (2009) К вопросу историографии старообрядчества в Туве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. №4. С. 88–91.

Стороженко, А. А. (2004) Старообрядчество Тувы во второй половине XIX — первой четверти XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. н. Кызыл. 23 с.

Татаринцева, М. П. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. С. 137–143. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-137-143

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Walters, F. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? // Religion, State and Society. Vol. 29, issue 1. P. 23–38. DOI: 10.1080/09637490120061877

Дата поступления: 15.07.2016 г.

REFERENCES

Boiko, E. S. (2011) *Materinskaia rechevaia deiatel'nost' v sotsiume staroverov na Enisee*. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. 328 p. (In Russ.).

Kremleva, I. A. (1997) Staroobriadchestvo. In: *Russkie*, ed. V. A. Aleksandrov. Moscow, In-t etnografii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia. 828 p. Pp. 710–721. (In Russ.).

Pokrovskii, N. and N. Zol'nikova, N. D. (2002) *Staroobriadtsy-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv. Problema tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. 471 p. (In Russ.).

Raskov, D. S. (2001) Khoziaistvennaia etika russkogo staroobriadchestva. In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi : Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 45–49. (In Russ.).

Rukavitsina, E. A. (2009) K voprosu istoriografii staroobriadchestva v Tuve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4, pp. 88–91. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2004) *Staroobriadchestvo Tuvy vo vtoroi polovine XIX — pervoi chetverti XX vv.* : Abstract of Dissertation... Candidate of History. Kyzyl. 23 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2015) Staroobriadtsy Tuvy: retrospektiva i sovremenniy etap. In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi : Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 137–143. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-137-143 (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Staroobriadtsy v Tuve : istoriko-etnograficheskii ocherk*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Walters, F. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*, vol. 29, issue 1, pp. 23–38. DOI: 10.1080/09637490120061877

Submission date: 15.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/465> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva at the beginning of the 20th century and under People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/465> (accessed: ...).

ТУВИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР ПЕРИОДА ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Светлана М. Орус-оол

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

В статье анализируются начальные этапы развития тувинской фольклористики. История ее ведет начало с XIX века, когда сбором и изучением тувинского устного народного творчества занимались представители русской ориенталистики, известные ученые и путешественники: В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон и др. Они записали и опубликовали в своих трудах образцы почти всех жанров тувинского фольклора. Эти ценные записи явились основой для зарождения тувинской фольклористики и литературы, поэтому автор уделяет значительное внимание анализу накопленного материала в этот период. Основная часть материалов опубликована в антологии «Урянхай. Тыва дептер» (М., 2007–2009).

С момента провозглашения Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. начинается новый этап становления и дальнейшего развития тувинской фольклористики. В этот период вместе с развитием в целом тувиноведения продолжалось и накопление фольклорного материала. Как самостоятельная наука тувинская фольклористика возникла в 1930 г., именно в годы ТНР, после создания национальной письменности. Работу по сбору, изданию и изучению тувинского устного народного творчества вели тогда первые научно-

TUVAN FOLKLORE IN THE YEARS OF PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Svetlana M. Orus-ool

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

The article looks at the early stages of Tuvan folklore studies. Its roots go back to the 19th century when Tuvan folklore was collected and analyzed by Russian orientalists, scholars and travelers, such as V.V. Radlov, G.N. Potanin, N.F. Katanov, F.Ya. Kon, etc.

They wrote down and later published samples of almost all genres of Tuvan folklore. Since these invaluable notes laid the foundation for studying Tuvan folklore and literature, it is important to take a closer look at the materials collected in this period (Most of them have been published in the "Uriankhai. Tyva depter" anthology (Moscow, 2007–2009)).

After the People's Republic of Tuva declared independence in 1921, a new stage in Tuvan folklore studies has begun. It was in this period that alongside with collecting new material, folklore studies began as a truly scholarly discipline after the new system

Орус-оол Светлана Монгушевна — доктор филологических наук, заместитель директора по науке Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: igi@tuva.ru

Orus-ool Svetlana Mongushevna, Doctor of Philology, Deputy Director for Research, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tuva.ru

исследовательские и культурно-просветительские учреждения — предшественник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) — Ученый Комитет и Комитет печати при Совете Министров ТНР. Республиканские газеты призывали своих читателей принимать активное участие в записи старинных легенд и преданий, народных песен и сказок. Фольклорные тексты вошли также в первые национальные учебники и книги для чтений на тувинском языке. Издаются сборники произведений тувинского устного народного творчества. В 1939 г. вышло в свет практическое учебное пособие по фольклористике и литературоведению С. Пюрбю «Аньяк чогаалчыларга дуза» («В помощь молодым писателям»). Оно предназначалось начинающим писателям, литературным критикам в определении основных терминов и жанров устного народного творчества и художественной литературы.

Материалами для анализа выступили современные переиздания работ начала XX века, а также научные публикации, научно-популярные книги, сборники фольклорных материалов, статьи в СМИ и пр., вышедшие в период ТНР.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; «Урянхай. Тыва дептер»; фольклорные произведения; тувинская фольклористика; Ученый Комитет; средства массовой информации; история Тувы

of writing was introduced. The first research and cultural institutions, such as the Scholarly and Press Committee at the PRT Cabinet of Ministers (the predecessor of Tuva Research Institute for Language, Literature and History (TNIYYALI)), devoted themselves to collecting, studying and publishing Tuvan folklore. Regional newspapers called upon their readers to help write down old legends, folk songs and tales. Folklore texts found their way into the first ABCs and textbooks for Tuvan schools, as well as into specialized folklore anthologies. In 1939 the first book on literary and folklore studies appeared – S. Piurbiu's 'Anyiak chogaalchylarga duza' (A young writer's adviser). It aimed to help young authors and critics understand the terminology and genre systems of both literary fiction and folklore.

Our study is based on the analysis of contemporary reprints of early 20th century texts and collections, as well as research articles, general audience scholarship, folklore anthologies, newspaper articles and other texts published in the People's Republic of Tuva.

Keywords: People's Republic of Tuva (PRT); «Uriankhai. Tyva depter»; folklore texts; folklore studies in Tuva; Scholarly Committee; mass media; history of Tuva

Введение

История тувинской фольклористики ведет начало с XIX века, когда собиранием и изучением тувинского устного народного творчества занимались представители русской ориенталистики, известные ученые и путешественники: В.В. Радлов, Г. Н. Потанин, Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон и др. Они записали и опубликовали в своих трудах образцы почти всех жанров тувинского фольклора. Эти ценные дореволюционные записи явились основой для зарождения тувинской фольклористики и литературы. С момента провозглашения Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. начинается новый этап становления и дальнейшего развития тувинской фольклористики. В этот период вместе с развитием в целом тувиноведения продолжалось и накопление фольклорного материала.

Статья посвящена истории становления тувинской фольклористики в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), которую позволяют восстановить вышедшие в те годы (и позднее) издания, в том числе научные публикации, научно-популярные книги, сборники фольклорных материалов, статьи в СМИ и пр. Тем самым мы дополним и разовьем имеющиеся исследования

по истории тувинского фольклора и фольклористики, которые представлены в трудах А. К. Калзана, А. А. Пальмбаха, Ю. Л. Аранчына (Калзан, 1962; Тыва литература ... , 1964), М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар (Тыва совет литератураның ..., 1975), З. Б. Самдан (Самдан, 1987), У. А. Донгак (Донгак, 1999), а также автора данной статьи (Орус-оол, 2001, 2010а и др.).

«Урянхай. Тыва дептер» как собрание фольклорных материалов XIX–XX вв.

Широкую научно-исследовательскую деятельность в Туве в XIX–XX вв. вело Русское географическое общество. Лучшие образцы устного народного творчества тюрко-монгольских народов записывались в первых экспедициях и полевые записи, сведения о бытовании тувинского фольклора, отдельные образцы легенд и преданий, сказок, песен, загадок и т. д. тувинцев, и издавались в трудах членов данного общества. Так, в годы ТНР вышли научно-популярные книги ряда русских и зарубежных ученых, предпринявших в конце XIX — начале XX века поездку в Туву. Наиболее важные и интересные научные, просветительские, публицистические работы, посвященные истории, археологии, этнографии, фольклору, языку, этногенезу тувинского народа этих ученых и путешественников опубликованы в семитомной антологии, составленной С. К.Шойгу «Урянхай. Тыва дептер» (Урянхай ..., 2007–2009). Это издание с интересующей нас стороны мы уже подробно анализировали ранее (Орус-оол, 2010b: Электронный ресурс).

Многотомная антология включает в себя на 4630 страницах около 100 работ 65 русских и зарубежных авторов, таких как немцы Миллер, Риттер Паллас, финн Кастрен, китаец Сыма Цянь, Хэ Цю-тао, англичанин Каррутерс, поляк Кон и др. Среди авторов имеются историки, этнографы, лингвисты, фольклористы, археологи, геологи, географы, ботаники, топографы, археографы, гидрологи, юристы, военные и т. д. Они были первыми исследователями горных труднодоступных хребтов, обширных котловин, необжитых территорий, горных пород, рельефов, климата, почвы, растительного и животного мира Тувы и т. д.

В антологии представлены разнообразные по тематике и содержанию материалы. В своих книгах, дневниках, отчетах, статьях авторы показывали богатства и разнообразие природных условий Тувы, проводили топографические измерения и метеорологические наблюдения. Из них можно почерпнуть и различные сведения о том, как выглядели тувинцы (урянхайцы, сойоты) в различных кожуунах Тувы; чем они занимались; как относились к закону, к властям и друг к другу; каковы были их представления о природе, о загробной жизни, о буднях и праздниках; как считали, мерили и определяли время; как воспитывали детей, женились и умирали и т. д.

Самой главной задачей этих русских ученых и путешественников было познание малоизвестной страны и ее жителей, по их словам, «загадочных сойотов». Так, в 5 томе (часть 3) «Урянхайский край: От Урянхия к Танну-Туву» данной антологии опубликована статья А. К. Львова «Современный Урянхай» (текст извлечен из книги «Новый Восток», кн. 6, М., 1924, С. 161–172), а также две работы подвижника развития Урянхайского края и ТНР М. Кайского (Сафьянова) — «Урянхайский вопрос» (журнал «Северная Азия» № 4 за 1926 г., с. 16–25) и «Страна будущего (К вопросу о развитии добывающей промышленности в Танну-Тувинской Республике» (ж. «Северная Азия» кн. 5–6 за 1926 г., с. 24–32), затрагивающие урянхайский вопрос и экономическое будущее ТНР.

Иннокентий Георгиевич Сафьянов или Экендей, как его называли простые тувинцы, один из известных сибирских революционеров начала XX века, хорошо знал тувинский язык. Это помогало ему записывать сказки, легенды и предания тувинцев. Иннокентий Георгиевич сыграл особую роль в создании суверенной государственности Урянхия — независимой Тувинской Народной Республики.

В своей работе «Прошлое и настоящее сойотского народа» (5 том антологии) привел «Сказку о великой ночи» (народная сайотская сказка), несколько легенд о «Хоярхане» /Хайыракане/, о бедняке Анчы, о Кара-хаме. Он назвал эти легенды сказками или «народной сайотской былинной» (Урянхай ..., 2007а: 299–309).

Историк, археолог, этнограф, географ, геолог, поэт и писатель Н. Н. Леонов (его мать, Нина Георгиевна Сафьянова, была дочерью известного минусинского купца Г. П. Сафьянова) в своей научно-популярной книге «Танну-Тува. Страна голубой реки» напечатал замечательные стихотворения, посвященных великой сибирской реке Енисей, о красивой природе Саян и Тоджи, о молодом парне Савапыте (Сувакпыт) (там же: 576–577). О последнем он пишет, что «с нами увязался молодой парень Савапыт, проехал версты две, а потом вдруг свернул куда-то вправо в горы... Мы распростились, поехали дальше, но невольно как-то стало думаться о Савапыте» и сочинил о нем 9 куплетов стихотворения.

Приведу отрывки из его стиха:

*...За последним поворотом, Возле речки, за леском
Юрта. В ней старик весь в желтом,
С узким черным пояском.
В травянистых косогорах.
Бродят овцы. Вслед стадам
Бродит девушка в уборах
По истоптанным следам.
Конь под плеткой Савапыта
Задымил сухую пыль.*

*Чаще стучают копыта,
Да шушит сухой ковыль*

(там же: 597).

Леонов в своей названной выше работе приводит также алгыш шаманки Норжумаа, легенду о Хайыракане, миф о всемирном потопе.

Он пишет об этом мифе так: «Легенда рассказывает, что, когда случился потоп, то один праведный человек, построив железный плот, спасся на нем от гибели вместе с женой и единственным сыном. Долго носило их по бушующему морю, и, наконец, увидели они кусочек суши. Это и была вершина Буры (порусски — верблюд-самец — эта гора Бура находится на вершине Демирсуга, в Эйлиг-Хеме Улуг-Хемский кожууна, Леонов считает, что гора Бура — это тувинский Арарат, что на его вершине до сих пор лежит железный плот). Когда плот поднесло к вершине, отец, не рассчитав расстояния, отделявшего плот от берега, хотел было спрыгнуть на землю, чтобы привязать плот. Но оступился, попал в воду и утонул. Спаслись только мать и сын. Спала вода. Земля снова стала цветущей. И только не было людей. Тогда мать и сын решили жить как муж и жена. У них стали рождаться дети. Но дети были слабые и хилые — совсем не такие, какими были люди до потопа. От них и произошел и тувинский народ» (там же: 605).

В 1930 г. в течение года один из крупнейших ученых-статистиков, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики Московского финансового института П. П. Маслов руководил переписью населения в ТНР. Материалы переписи опубликованы на тувинском языке, который он специально для этого изучил и опубликовал под названием «Перепись Тувы». В 5 томе «Урянхай дептер» опубликовано извлечение из его научно-популярного очерка «Конец Урянхая. Путевые очерки» (там же: 618–729), посвященное демографической и сельскохозяйственной переписи в Тувинской Народной Республике, проведенной с 1930 по 1931 гг.

Несмотря на то, что в этой книге описываются все этапы проведения переписи, но для фольклористов интересно описание горлового пения, а также песня его проводника Танчина о белой лошади, причем он дал и ее нотировку. Маслов эту песню перевел так: «Белая лошадь — единственная в табуне. На белую лошадь женщина никогда не будет садиться, так же мужчина избегает садиться на кобылу. Если в табуне три белых жеребенка, хозяина ждет удача» (там же: 641).

Очень интересны легенды, записанные Масловым, о Бай-Хайыракане, об уйгурской крепости на Тере-Холе, о старике Дагбае, которому была отсрочена смерть служителем-дузалакчы Эрлик-Хана и т. д. Кроме фольклорных материалов, здесь очень ценны и этнографические материалы, в частности, такие охотничьи приметы, как — не спрашивать при встрече вслед за вопросом « что

добыл — сколько стрелял»; накануне охоты не спать со своей женой; как идешь на охоту за забытым не возвращаться; особая удача будет, если из младших кто до ружья ненароком дотронется и т. д.

Шестой том антологии «Тыва дептер» под названием «Танну-Тувинская Народная Республика» (1921–1944 гг.), посвящен полностью становлению и развитию Тувинской Народной Республики. Сюда вошли извлечения из книг В.И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в.», В.А. Обручева «Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней», С. В. Шостаковича «Политический строй и международное правовое положение Танну-Туввы в прошлом и настоящем», О. Менхена-Хелфена «Путешествие в азиатскую Туву», Р. М. Кабо «Очерки истории и экономики Тувы. Дореволюционная Тува».

Во введении к данному тому говорится, что «духовная культура тувинцев находила свое выражение, прежде всего, в фольклоре, музыкальном народном творчестве, прикладном искусстве и в народных знаниях» (Урянхай ... , 2007b: 62). Упомянуты имена знаменитых талантливых тувинских сказителей, знающих большое количество разных жанров тувинского фольклора: Т. Х. Баазаная (Улуг-Хем), Б. У. Балбыра (Тоджа), О. Ч. Чанчы-Хоо (Монгун-Тайга), М. М. Агылдыра (Сут-Холь) и др., о дореволюционных собирателях тувинского фольклора: В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Н. Ф. Катанова, Ф. Я. Кона, говорится и о музыкальном фольклоре тувинцев, в частности, о горловом пении — хоомей, привлечшего внимание отечественных и зарубежных ученых-путешественников (Д. Каррутерса, Е. К. Яковлева, П. Е. Островских, М. И. Райкова, Г. Е. Грумм-Гржимайло) еще в конце XIX в. — начале XX в. Следует отметить, что в 1928 г. представителями русского советского фольклора — музыковедами Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальдом записаны также вместе с мелодиями и нотами две тувинские народные песни — «Хандагайты» и «Дээн-дээн» — в исполнении О. Мандараа и С. Серекея.

В 1929 г. в сопровождении тувинских студентов КУТВа впервые побывал в Тувинской Народной Республике уроженец Австрии, китаевед О. Менхен-Хельфен. Про эту поездку написана его книга «Путешествие в азиатскую Туву», опубликованная в 1933 г. в Берлине на немецком, а в 1992 — на английском языке (Урянхай ... , 2007b: 220–351).

В данной книге Менхена-Хелфена содержатся легенда о железном плоте на горе Бура (она по содержанию совпадает с вышерассмотренной нами леоновской легендой), 4 песни, 11 загадок, 2 сказки, 3 отрывка из шаманских алгышей.

Говоря о тувинских загадках Менхен-Хелфен, с одной стороны, подчеркивает, что тувинские загадки — это «обычные загадки, которые разгадает даже ребенок и приводит такую загадку — «Кто это: большой, коричневый, с двумя табуретками на спине?» (отгадайте) и ребенок радостно кричит «Верблюд», загадка о десяти парнишках на одном острове, на каждой из половинок которого

по пять, отгадывается без труда: пальцы на руках. С другой стороны, он пишет «о сложной отгадке некоторых загадок, например, «На берегу озера сидит много гусей. Что это?». Ответ «ресницы» может показаться нам странным, но тувинец воспринимает его как единственно возможный». Он отмечает также, что только тувинец сможет ответить на сложные для европейцев загадки. В связи с этим он делает вывод: «Боюсь, мало, кто найдет эти загадки остроумными. Они, как известно Богу, и не являются таковыми. Не хочу сказать, что тувинцы начисто лишены воображения, но некоторый дефицит фантазии все же ощущаться. В этом смысле они истинные тюрки до корней волос» (там же: 302).

То же самое он говорит и о песнях: «даже самая простая мысль в этих коротеньких песнях повторяется дважды, на большее духовного багажа автора явно не хватает» (там же). А насчет двух приведенных в книге сказках пишет, что эти 2 сказки «представляют собой не упорядоченное повествование, а бессвязное или почти лишенное рационального начала нагромождение случайных образов. Говоря о сказках других тюркских народов, он также считает, что «тюрки не были сами сочинителями, все сказочное наследие, которым они сегодня владеют, было когда-то заимствованно у других народов» (там же).

Все эти высказывания автора, конечно, очень проблематичны по отношению к тюркским народам, в том числе и к тувинцам, к их богатому самобытному фольклору, поэтому читатели антологии должны критически относиться к подобным работам.

Несмотря на то, что последний 7 том антологии посвящен археологическим памятникам Тувы, но, тем не менее, здесь можно также найти фольклорные материалы (Урянхай ... , 2008). Так, в своем вступительном слове к 7 тому составитель антологии С. К. Шойгу приводит 2 легенды о загадочной древнеуйгурской крепости Пор-Бажын (см. об этом и работу Маслова) и об озере Терехол; а ученый-археолог Грач в своей работе «Древнетюркские изваяния Тувы» в пятой главе выделил специальный раздел — «Отражение ритуала каменных изваяний в героическом эпосе», в котором фольклорный мотив — стрельбу из лука, содержащую в героических сказаниях «Далай-Байбын-хан», «Танаа-Херел», «Баян-Тоолай», связал с надмогильными изваяниями.

Традиции сибирской, в том числе тувинской фольклористики, заложенные дореволюционными представителями русской академической науки, а также учеными и путешественниками, исследователями периода ТНР, были продолжены, дополнены и развиты силами национальных кадров, местными учеными, а также собирателями из числа творческой интеллигенции, которые донесли до нас большое количество уникальных записей.

Развитие тувинской фольклористики

Тувинская фольклористика, как самостоятельная наука, возникла в 1930 г., именно в годы ТНР, после создания национальной письменности. Работу по собиранию, изданию и изучению тувинского устного народного творчества вели тогда первые научно-исследовательские и культурно-просветительские учреждения — предшественник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) — Ученый Комитет и Комитет печати при Совете Министров ТНР. С первых дней своего существования Ученый Комитет проделал значительную работу по распространению новой письменности, созданию первых учебников и пособий для школ республики. Силами Ученого Комитета проводилась также большая работа по сбору архивных материалов и других документальных источников, образцов устного народного творчества, заложивших основы научно-исследовательской деятельности, архивного и музейного дела (История Тувы, 2007).

Эта работа стала делом государственного значения. Так, Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии уделял огромное внимание общественности, особенно творческих работников, на развитие фольклора, на использование богатств устного народного творчества для строительства революционной культуры.

В 1935 г. на III пленуме ТНРП рассматривались вопросы культурного развития тувинского народа, в том числе говорилось о важном значении фольклора, о собирании устного народного творчества тувинцев. На X пленуме Великого Хурала ТНРП в 1936 г. первый секретарь С. К-Х. Тока в своем отчетном докладе четко указал: «собирать все жанры и виды фольклора тувинцев — песни, сказки, загадки, игры... и публиковать их в печатных органах, для того чтобы активно участвовать в дальнейшем строительстве культурной революции ТНР».

Об этом писали также и в республиканских газетах. Так, 28 мая 1931 года газета «Шын» призвала своих читателей принимать активное участие в записи старинных легенд и преданий, народных песен и сказок. Там же объявляется «Конкурс для пишущих в печать» («Ном-дептерге тус-тус чуве бижииринин чарыжы») на запись и публикации фольклорных текстов. В результате таких конкурсов на страницах республиканских газет «Шын» («Правда»), «Аравэ шыны» («Правда ревсомола»), «Хостуг арат» («Свободный арат») и в журнале «Революстун херели» («Заря революции») регулярно стали печататься разные жанры тувинского фольклора.

Фольклорные тексты вошли также в первые национальные учебники и книги для чтений на тувинском языке: «Бичии тургузукчулар» — «Юные строители» (1931); «Бистин ажыл» — «Наша работа» (1934); «Оорениили» — «Будем учиться» (1937).

Особый интерес к фольклору у тувинского народа возник после выступления М. Горького на Первом съезде советских писателей в 1934 г., который обратился к писателям с призывом: «Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза» (Горький, 1955: 764).

Кроме публикаций фольклорных произведений в газетах, издаются сборники произведений тувинского устного народного творчества.

В 1938 г. в Кызыле вышел первый сборник «Тоолдар» («Сказки»), изданный Комитетом писателей («Чогаал комитеди») ТНР, техническим редактором которого является Саган-оол, куда вошли четыре сказки «Оскус-оол», «Мавагар-кара, Мондугур-сагаан» («Черный Мавагар и белый Мондугур»), «Далай-Уссун хаан», «Балыкчы ядыы Багай-оол» («Бедный рыбак Багай-оол»).

В предисловии, посвященном читателям, содержится тематика сказок; указывается волшебные предметы, имеющие в публикуемых волшебных сказках (дагыл тараа, беш сырлыг ок, кок хом дожек, ортен сарыг хава); определяется революционное значение сказок; говорится о персонажах — бедняках, сиротах, пастухах, которые преодолев все трудности, победив ханов, шивишкинов, мангысов, в конце концов, получают их власть и имущество. Здесь же подчеркивалось огромное значение фольклорных произведений для обучения и распространения грамотности, для воспитания трудящихся в духе высоких нравственных принципов и для развития национальной революционной культуры, в том числе художественной литературы.

Спустя год после появления первых публикаций произведений тувинского фольклора, вышел второй сборник «Избранные произведения», 2-ое издание, Кызыл, 1939 — «Чыынды чогаалдар» 2 дугаар ундургени (ответственный редактор Ойдуп, технический редактор Пюрбю) (Чыынды чогаалдар, 1939). В первый раздел данного сборника вошли следующие песни:

1. Песни, воспевающие народно-революционную партию и новую народную власть, и содержащие призывы к активному строительству новой жизни: «Интернационал» «Кайгамчыктыг интернационал» («Удивительный Интернационал»), «Доге баары», «Топле сургуул тургузарда» («Чтобы построить Центральную школу»), «Залуучууттар» («Молодежь»);

2. Песня, отражающая освободительную борьбу тувинского народа и разоблачающая предательство феодалов, вступающих в союз с китайскими милитаристами и русскими белогвардейцами: «Ала караан дешкен болза» («Выкалить бы глаза»);

3. Народная песня о повышении политической сознательности, выражающая чувства благодарности тувинских аратов Великому Октябрю, русскому народу: «Очалаёдан кедилээрин» («Избавление от гнета»);

4. Песни, рожденные в среде народа, песни арата (араттын ыры), посвященные родному краю: «Кадарчы ыры» («Песня пастуха»), «Тандым турда тандаш-ла мен» («Когда есть Танды, заносчив я»), «Межегей», «Самагалдай», «Хандагайты».

Таким образом, из названий этих песен видно, что они проникнуты революционным духом, пафосом новой жизни тувинского народа.

Во второй раздел сборника вошли «Улегер домактар» — 64 пословиц. Среди них имеются новые пословицы, отражающие мысли народа о колхозном строительстве, о силе знаний, а также обличающие такие пороки как лень, трусость и т. д.

В разделе «Тоолдар» («Сказки») «Чыынды чогаалдар» опубликовано первое героическое сказание «Танаа-Херел с конем Даш-Хуреном», зафиксированное от сказителя Тамдын, в обработке писателя О. Сагаан-оола, а также 3 песни о тяжелой жизни арат, о том, как они ненавидели феодалов и верили, мечтали, что придет хорошее время, 3 пословицы и поговорки.

Интересно «Эге чуул» («Предисловие»), которое рассказывает читателям об общих идейно-художественных задачах фольклора и литературы, об их значении в воспитании молодого поколения. В частности, здесь имеется обращение молодым писателям: «Наша прямая обязанность еще более развивать национальную по форме, революционную по содержанию художественную литературу, которая является особенной, трудной формой выражения духовного мира человека. Потому что когда человек хочет выразить внутренние свои чувства, ему помогают в этом такие художественные виды творчества как песни, стихотворения, сказки, загадки, пословицы. После национальной революции, мы стали читать каждый раз на страницах газет песни, стихи аратов и разнообразные революционные произведения. В этот сборник вошло много песен и стихов, в которых под руководством нашей революционной партии и с помощью Советского союза.

Отражают успехи нашей развивающейся и цветущей жизни. В этот сборник вошли лучшие пьесы, стихи молодых тувинских поэтов, любимые песни и сказки аратов, «приносящие пользу революции» (там же: 5).

В 1941 г в Кызыле начал выходить журнал «Революстун херели» — «Заря революции» — орган Комитета искусств при Совете министров ТНР. В первом номере этого журнала была опубликована статья Лопсана «Улустун аас чогаалын чыып, болбаазырадыыл» («Давайте собирать устное народное творчество и развивать его»), в которой подчеркивалась важность собирания произведений фольклора и давались очень полезные практические советы начинающим собирателям.

Со 2 номера в журнале (в 1942 г.) стал печататься тувинский героический эпос «Хайыралдыг Кара-Когел» — «Благородный Кара-Когел», в исполнении С.Биче-оола, в обработке — Пюрбю.

В 1943 г. вышла в свет брошюра «Улустун чогаалын чыып бижиир дугайында саавыр» — «Памятка о собирании устного народного творчества», составителем которой является Салчак Лопсан, техническим редактором — А. Т. Кызыл-оол. Памятка издана Министерством просвещения ТНР, а подготовил к печати его научный отдел.

Первой научно-теоретической работой, излагающей значения фольклора на тувинском языке, была книга писателя и зачинателя тувинского литературоведения С. Пюрбю «Аныяк чогаалчыларга дуза» (Пюрбю, 1939).

Во Введении книги автор приводит примеры из тувинского фольклора и русской литературы, отражающие антифеодальные настроения в произведениях народной поэзии. Он справедливо делит также историю тувинского фольклора на два периода: дореволюционный и послереволюционный. К дореволюционному периоду он относит произведения фольклора, бытовавшие только в устной форме, не записанные на родном, тувинском языке, не имеющие письменные источники. Приводит примеры из песни, отражающие интересы феодалов, лам, шаманов, а не идеалы тувинских аратов, и рассказывает о том, что талантливых певцов и сказителей они используют в своих целях, не давая им возможности дальнейшего совершенствования. К послереволюционному фольклору, по мнению автора, относятся произведения народной поэзии, отражающие новый этап в истории Тувы, изменения в социально-экономической и духовной жизни трудящихся масс. Самым распространенным жанром этого периода являются революционные, новые песни и кожамыктар, с новыми идеями, темами, мотивами, выражающие строительство новой жизни, образование, культуру и т. д.

Таким образом, книга является первым практическим учебным пособием по фольклористике и литературоведению, помогающим начинающим писателям, литературным критикам в определении основных терминов и жанров устного народного творчества и художественной литературы.

В 1943 г. в журнале «Под знаменем Ленина-Сталина» опубликована статья П. Калиничева «Фольклор тувинского народа» (Калиничев, 1943), в которой сообщаются краткие сведения о собирании и публикации произведений тувинского фольклора дореволюционными учеными и путешественниками Г. Н. Потаниным, Н. Ф. Катановым, Ф. Я. Коном. Приведены образцы легенд, мифов, сказок, песен, пословиц, поговорок и загадок, раскрывающие многообразие и идейно-тематическое содержание разных жанров устного народного творчества тувинского народа.

Заключение

Так, в период Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг. были осуществлены важные достижения не только в развитии социально-экономической жизни

тувинского народа, но и в области его духовной, культурной, научной жизни республики. Н. А. Сердобов писал, что широкое бытование фольклорных произведений среди тувинцев содействовало формированию национально-освободительных идей, росту классового самосознания, утверждению народной морали, передаче накопленных знаний от поколения к поколению (Сердобов, 1971).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горький, М. (1955) О литературе. М. : Советский писатель. 903 с.

Донгак, У. А. (1999) Тувинское стихосложение : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кызыл. 20 с.

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Калзан, А. К. (1962) Становление тувинской драматургии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. 20 с.

Калиничев, П. (1943) Фольклор тувинского народа // Под знаменем Ленина-Сталина. № 1–2. С. 65–73.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль) / отв. ред. В. М. Гацак. М. : МАКС ПРЕСС. 424 с.

Орус-оол, С. М. (2010а) О тувинской фольклористике: основные направления // Тувинская письменность и вопросы исследования письменной и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона». Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 1-4 июля 2010 г.) : в 2 ч. Кызыл. Ч. 2. С. 79–85.

Орус-оол, Ч. К. (2010b) Фольклорные материалы в семитомнике «Урянхай. Тыва дептер» [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2137-orus-ool.html (дата обращения: 12.05.2016).

Пюрбю, С. (1939) Аныяк чогаалчыларга дуза (В помощь молодым писателям). Кызыл : Писательский комитет. (На тув. яз.).

Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе (на материале произведений 40-70-х годов). Кызыл : Тувинское книжное издательство.

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 482 с.

Тыва литература. Допчу төөгү (История тувинской литературы) (1964) / редкол. А. А. Пальмбах, Ю. Л. Аранчын, А. К. Калзан. Кызыл: ТывН/Ч. 240 а. (На тув. яз.).

Тыва совет литератураның допчу төөгүзү (История тувинской советской ли-

тературы) (1975) / А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар бижээн, кол ред. С. М. Хитарова. Кызыл, ТывН/Ч. 330 а. (На тув. яз.).

Урянхай. Тыва дептер (2007–2009): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово.

Урянхай. Тыва дептер (2007а): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX вв.). 736 с.

Урянхай. Тыва дептер (2007b): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944 гг.). 584 с.

Урянхай. Тыва дептер (2008): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 7. Древности Тувы. Археологические памятники (бронзовый век — конец XIX века). 912 с.

Чыынды чогаалдар (Избранные произведения) (1939) / отв. ред. Ойдуп. Кызыл. (На тув. яз.).

Дата поступления: 11.07.2016 г.

REFERENCES

Gor'kii, M. (1955) *O literature*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 903 p. (In Russ.).

Dongak, U. A. (1999) *Tuvinskoe stikhoslozhenie*, Abstract of Dissertation... Candidate of Philology. Kyzyl. 20 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (2007), ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1962) *Stanovlenie tuvinskoi dramaturgii* : Abstract of Dissertation... Candidate of Philology. Leningrad. 20 p. (In Russ.).

Kalinichev, P. (1943) Fol'klor tuvinskogo naroda. In: *Pod znamenem Lenina-Stalina*, no. 1–2, pp. 65–73. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (Tekstologiya, poetika, stil')*, ed. V. M. Gatsak. Moscow, MAKS PRESS. 424 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2010a) O tuvinskoi fol'kloristike: osnovnye napravleniia. In: *Tuvinskaia pis'mennost' i voprosy issledovaniia pis'mennoi i pis'mennykh pamiatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu tuvinskoi pis'mennosti (g. Kyzyl, 1-4 iuliia 2010 g.)* : in 2 vol. Kyzyl. Vol. 2. Pp. 79–85. (In Russ.).

Orus-ool, Ch. K. (2010b) Fol'klornye materialy v semitomnike «Uriankhai. Tyva depтер». *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2137-orus-ool.html (access data: 12.05.2016). (In Russ.).

Piurbiu, S. (1939) *Anyiak chogaalchylarga duza (V pomoshch' molodym pisateliam)*.

Kyzyl, Pisatel'skii komitet. (In Tuv.).

Samdan, Z. B. (1987) *Ot fol'klora k literature (na materiale proizvedenii 40-70-kh godov)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoii natsii*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 482 p. (In Russ.).

Tuva literatura. Dopchu tөөгү (1964), ed. A. A. Pal'mbakh, Iu. L. Aranchyn and A. K. Kalzan. Kyzyl, TyvN/Ch. 240 p. (In Tuv.).

Tuva sovet literaturanyң dopchu tөөгүзү (1975), A. K. Kalzan, M. A. Khadakhane and D. S. Kuular, ed. S. M. Khitarov. Kyzyl, TyvN/Ch. 330 p. (In Tuv.).

Uriankhai. Tyva depter (2007–2009): in 7 vol., comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo.

Uriankhai. Tyva depter (2007a): in 7 vol., comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 5. Uriankhaiskii krai: ot Uriankhaia k Tannu-Tuve (konets XIX — pervaiia polovina XX vv.). 736 p. (In Russ.).

Uriankhai. Tyva depter (2007b): in 7 vol., comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Tannu-Tuvinskaia Narodnaia Respublika (1921–1944 gg.). 584 p. (In Russ.).

Uriankhai. Tyva depter (2008): in 7 vol., comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 7. Drevnosti Tuvy. Arkheologicheskie pamiatniki (bronzovyi vek — konets XIX veka). 912 p. (In Russ.).

Chyyndy chogaaldar (1939), ed. Oidup. Kyzyl. (In Tuv.).

Submission date: 11.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Орус-оол С. М. Тувинский фольклор периода Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/466> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Orus-ool S. M. Tuvan folklore in the years of People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/466> (accessed: ...).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ В ТУВЕ (1921–1944 гг.)

THE RISE OF AUTHOR-PERFORMED SONG IN TUVA (1921–1944)

Валентина Ю. Сузукей

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Valentina Yu. Suzukei

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

В статье представлено исследование истории авторской песни в Туве, начало которой отсчитывается с провозглашения ТНР. Переломный период в истории Тувы, отразивший влияние Октябрьской социалистической революции, первые годы строительства новой жизни нашли отклик в песенном творчестве народа. С 1920-х гг. появляются новые по содержанию народные песни, песни о новой жизни.

В песнях выражалась благодарность Великому Октябрю, Ленину, русскому народу за освобождение от векового гнета. Примерами могут служить такие песни, как «Дивный Интернационал», «Освобождение от мук», «Великая река», «Чрезвычайный Хурал», «Гнета больше не будет» и т. д. Воспевались приметы нового времени: появление первых школ, рождение национальной литературы и письменности, новое отношение к женщине, формирование нового молодого поколения, строительство новой автомобильной дороги и др. В 1930-е годы процессы социально-экономических преобразований в республике нашли свое дальнейшее отражение в новых песнях: «Я колхозник», «Тракторист», «Агитатор», «Прекрасная советская страна» и др.

К концу 1930-х годов появились первые авторские

This is a study of author-performed song in Tuva, the history of which begins when the People's Republic of Tuva was declared in 1921. This crucial moment in the history of the region, which bore a strong influence of the October Revolution in Russia and of the following years of social change, had a profound impact on songwriting in the 1920s.

The songs expressed gratitude to the October Revolution, Lenin and the Russian people for helping Tuvans get rid of the socially oppressive system ("The Glorious International", "Freedom from Torment", "The Great River", "The Emergency Session of the Khural", "No More Oppression", etc.). New songs glorified such iconic features of new life as the first schools, the birth of national literature and the new system of writing, the change in attitudes to women, the rise of the new generation of authors, the construction of a new automobile road, etc. In the

---

Сузукей Валентина Юрьевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (913) 343-37-97. Эл. адрес: vsuzukei@mail.ru

Suzukei Valentina Yurievna, Doctor of Culturology, Chief Research Fellow, Sector of Culture, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Republic of Tyva, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 343-37-97. E-mail: vsuzukei@mail.ru

песни и самодельные композиторы. Существенный сдвиг в деле «профессионализации» тувинского музыкального искусства произошел в первой половине 1940-х годов и был связан с приездом в Туву из СССР ряда специалистов в области театра, музыки и танца по приглашению правительства ТНР. В 1951 г. А. Чыргал-оол первым из тувинцев становится студентом музыкального вуза — Казанской государственной консерватории, которую он окончил в 1957 г. Его произведения 1950-х гг. ознаменовали собою впоследствии качественно новый этап в становлении профессионального композиторского творчества в Туве.

Таким образом, в тувинском песенном фольклоре в эти годы начинают заявлять о себе процессы, аналогичные тем, которые происходили в это время в песенном творчестве почти всех народов Советского Союза.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; народная песня; авторская песня; композиторы Тувы; музыкальная культура; профессиональная культура; история музыки

1930s further socioeconomic transformation gave rise to songs like “I Am a Kolkhoz Member”; “The Tractor Driver”; “The Propagandist”, “The Beautiful Soviet Land”, etc.

By the end of the 1930s Tuva got its first amateur composers and author-performed songs. The arrival of theater, dance and music professionals from the USSR at the beginning of the 1940s at the bequest of PRT’s government led to a sea change in professionalization of Tuvan performing arts. In 1951 A. Chyrgal-ool became the first Tuvan student to join a conservatoire in Kazan which he graduated from in 1957. His works composed in 1950s marked a new stage in the rise of professional music in the region.

Thus Tuvan song art featured almost the same trends and developments as most other ethnic groups in the Soviet Union.

Keywords: People’s Republic of Tuva (PRT); folk song; author-performed song; composers of Tuva; musical culture; professional culture; history of music

Введение

XX век вписался в ход истории человечества со своими мирового масштаба революционными коррективами. В августе 1921 г. «под непосредственным влиянием Октябрьской революции, при широкой братской помощи победившего российского пролетариата тувинские трудовые араты (крестьяне) создали и свое государство — Тувинскую Народную Республику (ТНР)» (История Тувы, 1964: 6).

Поскольку основной идеей Великой Октябрьской социалистической революции, прежде всего, была непримиримая классовая борьба поработанных трудящихся с эксплуататорами, соответственно, вся дореволюционная культура Тувы также интерпретировалась с точки зрения этой борьбы. По этой же причине, из всего богатейшего музыкального наследия народа в первую очередь были «услышаны» и приняты «на вооружение» лишь песни, в которых звучали темы протеста против феодального гнета, песни о тяжелой доле, песни-жалобы на жестокость и бессердечие нойонов-феодалов, угнетателей аратов-бедняков. Первостепенное значение придавалось содержательной части (текстам) песенного творчества, так как только в этих песнях (и ни в каких других видах музыкального творчества) можно было найти созвучность революционным идеям.

В статье представлено исследование истории авторской песни в Туве, начало которой отсчитывается с провозглашения ТНР. Работа продолжает и развивает исследования автора по истории тувинской музыки (Сузукей, 2006, 2007, 2009,

2011, 2015), а также других авторов (Осипенко, 1994; Казанцева, 2003; Карелина, 2009; Монгуш, 2009).

Новые народные песни Тувы

Революционное переустройство 1921 г. в Туве, образование Тувинской Народной Республики и первые годы строительства новой жизни нашли отклик, как было сказано выше, в народной песне. Начиная с 1920-х годов, одна за другой появляются новые по содержанию народные песни, песни о новой жизни. Вначале новые тексты пелись на мелодии традиционных песен, затем рождались новые народные песни, отличавшиеся не только новым содержанием, но и новой мелодической стилистикой, на которую во многом оказала влияние русская революционная песня, а в дальнейшем — и песни советских композиторов.

Таким образом, в тувинском песенном фольклоре в эти годы начинают заявлять о себе процессы, аналогичные тем, которые происходили в это время в песенном творчестве почти всех народов Советского Союза. Еще до зарождения тувинской письменности появились и получили широкое распространение песни, передававшиеся из уст в уста с текстами революционного содержания, сочиненные неизвестными народными поэтами и музыкантами. В этих песнях выражалась благодарность Великому Октябрю, Ленину, русскому народу за освобождение от векового гнета. Примерами могут служить такие песни, как «Кайгамчыктыг Интернационал» — «Дивный Интернационал», «Очаландан кедилерин» — «Освобождение от мук», «Улуг-Хем» — «Великая река», «Онза хурал» — «Чрезвычайный Хурал», «Дагынкатап дарлатпас бис» — «Гнета больше не будет» и т. д.

Песни того периода отражают новое общественное восприятие действительности, ощущение новизны звучит не только в их тематике, оно пронизывает их поэтические образы. В них воспеваются все значительные приметы нового времени: появление первых школ, рождение национальной литературы и письменности, новое отношение к женщине, формирование нового молодого поколения, строительство новой автомобильной дороги и т. д. Среди песен тех лет — как созданные на народные слова: «Херээжен» — «Женщина», «Топ-ле сургуул тургузарда» — «Первая школа», так и песни на авторские тексты: «Уран чечен аныяктар» — «Аратская молодежь» на слова К. Тамбы-Сюрюна, «Уран чогаал» — «Художественное слово» на слова М. Мунзука, «Калдак-Хамар» (название перевала) на слова С. Тока, «Опей ыры» (колыбельная) на слова С. Сарыгоола и другие. В самостоятельную тематику выделилась тема женской доли в старое и новое время в песне «Херээжен» — «Женщина». Одной из популярных песен того времени была песня «Агитатор», свидетельствующая об усилении агитационно-пропагандистской работы среди населения.

Постепенно круг общественно-политических тем в народном песенном творчестве Тувы все больше и больше начал расширяться. В 1930-е годы процессы социально-экономических преобразований в республике нашли свое дальнейшее отражение в новых народных песнях, о чем красноречиво свидетельствуют их названия: «Колхозчу мен» — «Я колхозник», «Тракторист» (сл. С. Сюрюн-оола), «Агитатор» (сл. К. Мунзук), «Солун чаагай Совет чурту» — «Прекрасная советская страна» (сл. К. Конгара) и т. д.

Перевод кочевников на оседлый образ жизни сопровождался бурной агитационно-пропагандистской деятельностью, в процессе которой активно привлекались и песни, где очень остро выражалось негативное отношение к предыдущему образу жизни, высмеивалась, например, юрта и также шаманы и ламы.

К концу 1930-х годов относится появление первых авторских песен в Туве и первых самодеятельных композиторов. Источником авторских песен явился национальный песенный фольклор, складывавшийся и развивавшийся на протяжении многих веков. Вместе с тем на формирование самодеятельной авторской песни большое влияние оказали и народные песни нового времени, возникшие в 1920-х годах, связанные с образами революции, освобождения от векового гнета, процессами обновления жизни в ТНР. И, наконец, несомненно то определяющее воздействие, которое оказала на песенное творчество тувинских авторов русская советская песня, многочисленные образцы которой стали широко известными и популярными в Туве, начиная с 1930-х годов, благодаря появлению радио, кино и граммофонных записей. Важнейшим толчком для развития авторской песни послужило также введение в 1930 году национальной письменности и последовавшее за этим бурное развитие тувинской прозы, драматургии и поэзии.

Одним из первых русских профессиональных музыкантов, долгие годы проработавших в Туве, был военный капельмейстер С. Г. Коровин, ставший руководителем духового оркестра кавалерийского полка Тувинской народно-революционной армии (ТНРА). При формировании армии молодой республики в ТНР был передан весь инструментарий советского военного оркестра. В состав оркестра наряду с русскими музыкантами, входили и тувинцы. С. Г. Коровин не только сам записывал и аранжировал тувинские народные песни, но обучил этому важнейшему делу и известного впоследствии актера театра и кино М.М.Мунзука. «Школа», пройденная М. Мунзуком под руководством С.Г.Коровина, позволила ему впоследствии не только записывать народные и собственные авторские песни (первые из которых относятся к 30-м годам), но и быть некоторое время педагогом по музыкальной грамоте в созданном в Кызыле национальном театре-студии (Карелина, 2014: Электр. ресурс).

Именно с деятельностью этой студии во второй половине 1930-х годов связано еще одно чрезвычайно важное для музыкальной культуры Тувы явление

— рождение первых национальных авторских сочинений: песен и музыкальных номеров в спектаклях. Их создателями стали М. Мунзук и В. Кок-оол. Если Мунзук, как уже указывалось, под руководством С. Г. Коровина овладел музыкальной грамотой и смог уже в эти годы записывать свои песни, то Кок-оол начал овладевать азами музыкальной грамоты только в 1940-е годы под руководством советских специалистов. Среди песен, созданных в эти годы и до сих пор пользующихся популярностью в республике, можно назвать: «Аныяктар» — «Молодежь», «Чуртумбо-дур» — «Это моя родина», «Тыва чуртум» — «Страна моя Тува» В. Кок-оола; «Чарашуруг» — «Красавица», «Кундагаыры» — «Застольная», «Пионерлерыры» — «Пионерская песня». Помимо песен, оба автора писали музыкальные номера к спектаклям студии, однако и здесь они ограничивались жанром песни. Первые авторы песен — В. Кок-оол и М. Мунзук — не были профессиональными композиторами. Тем не менее, песни этих авторов приобрели широкую популярность в республике, а некоторые из них поются и до сих пор.

В середине 1940-х годов появляются первые песни А. Чыргал-оола и А. Лаптана, также сразу же получившие широкую известность. Свою первую песню «Чымчаксалгын» — «Легкий ветерок» на слова С. Сарыг-оола Чыргал-оол сочинил, еще обучаясь в музыкально-театральном училище, а записать ее (особенно аккомпанемент) начинающему автору помог А. Н. Аксенов. После первого же публичного исполнения песня широко зазвучала в республике, а ее автор обрел известность как композитор.

И все же в 1930-е и 1940-е годы закладывались только основы тувинского профессионального песенного творчества, кристаллизовалась тематика, шли поиски в области тех или иных жанровых разновидностей, формировался индивидуальный авторский почерк.

Зарождение профессионального музыкального искусства

Существенный сдвиг в деле «профессионализации» тувинского музыкального искусства произошел в первой половине 1940-х годов и был связан с приездом в Туву из СССР ряда специалистов в области театра, музыки и танца по приглашению правительства ТНР. Это были Л. И. Израйлевич — композитор, дирижер духового оркестра, Р. Г. Миронович — флейтист, педагог музыкально-теоретических дисциплин, С. И. Булатов — дирижер хора, А. Н. Аксенов — композитор, педагог музыкально-теоретических дисциплин, А. В. Шатин — педагог-балетмейстер. К этим именам следует добавить и несколько других: пианистки Л. Сиговой, приехавшей по приглашению из Советского Союза для работы в театре, вокалистки Н. П. Миронович, а также пианистки Ю. Р. Рейшис, работавшей в театре-студии в качестве концертмейстера и преподавателя фортепиано.

Именно в театре-студии в то время были сосредоточены почти все пред-

ставители первого поколения тувинской творческой интеллигенции. Р. Г. Мироновичем на базе театра был создан первый в Туве оркестр национальных инструментов, С. И. Булатовым был организован хор, состоящий из артистов-вокалистов театра, а А. В. Шатиным была осуществлена постановка танца «Звенящая нежность», ставший классикой тувинского танцевального искусства.

Музыкальную грамоту и даже теорию композиции в классе А. Н. Аксенова изучали и первые тувинские поэты С. Пюрбю и С. Сарыг-оол. Можно сказать, что обучение было взаимным. А. Н. Аксенов не только обучал студентов театрально-музыкального училища музыкальной грамоте и основам композиции, но и сам многое узнавал и записывал от них. А его ученики А. Б. Чыргал-оол и Р. Д. Кенденбиль стали впоследствии первыми профессиональными музыкантами Тувы.

Кстати, опыт А. Н. Аксенова по собиранию и изучению традиционного музыкального творчества тувинцев был обобщен в его знаменитом труде «Тувинская народная музыка» (Аксенов, 1964) — настольной книге всех современных музыковедов-тюркологов. Необходимо отметить и то, что в ходе революционных преобразований, отметая и разрушая многовековой опыт народа под девизом борьбы с «остаточными явлениями феодализма», музыкальная практика того периода не сумела освоить весь интонационный материал традиционной культуры Тувы. Только благодаря, как выразился Е. В. Гиппиус, «исключительно точному и тонкому слуху А. Н. Аксенова и его способности чутко схватывать тончайшие оттенки национально-своеобразных форм народной музыки, ее ладового и ритмического строя» (Гиппиус, 1964: 7), мы сегодня имеем наиболее полное научное описание традиционной музыкальной культуры тувинцев, сохранявшейся в своей первозданности в те первые годы послереволюционного времени. В монографии А. Н. Аксенова получили первое научное описание не только традиционная вокальная и инструментальная традиции тувинцев, но и хоомей, и почти все формы и жанры мелодических речетаций, сопровождавших скотоводческие обряды и народные игры, колыбельные песни и т. д.

Приобщение первых выпускников музыкально-театральной студии к основам музыкального профессионального образования дало свои плоды. Стала возможной постановка пьес с национальной фольклорной или авторской музыкой. Именно с театром в последующие несколько лет было связано и дальнейшее развитие национального композиторского творчества. Почти все авторы произведений, создаваемых в эти годы, работали в театре в качестве актеров, концертмейстеров или музыкантов оркестра. Продолжали свою творческую работу М. Мунзук и В. Кок-оол, преимущественно в области песни и музыки к драматическим спектаклям. Впервые обращается к творчеству и один из будущих профессиональных композиторов Тувы Р. Д. Кенденбиль, создавший в 1951 г. свою первую песню «Помни мои слова» на стихи С. Тамбы.

Особенно интенсивно развивается в эти годы не только актерское, но и ком-

позиторское дарование А. Чыргал-оола. В эти годы им были созданы более десятка песен на стихи тувинских поэтов, среди которых выделяются «Я — гражданин Советского Союза» на стихи С. Сарыг-оола, «Комсомольская песня» на стихи К. Тоюна, «Сила мира» на стихи Ю. Кюнзегеша. В этих песнях ощущаются уже не только национальные фольклорные истоки, но и воздействие стилистики современной советской массовой песни. В 1951 г. Чыргал-оол первым из тувинцев становится студентом музыкального вуза — Казанской государственной консерватории, которую он окончил в 1957 году (Казанцева, 2003). Именно произведения первого тувинского композитора-профессионала, созданные им в середине 1950-х годов, ознаменуют собою впоследствии качественно новый этап в становлении профессионального композиторского творчества в Туве.

Заключение

Таким образом, с 1940-х годов, были заложены основы тувинской авторской песни, во многом определившие направление развития профессионального композиторского и самодеятельного творчества в этом жанре. Творческая деятельность советских музыкантов, как в области обработок народных песен, так и в создании театральной и отдельных образцов инструментальной музыки, а также первые опыты национальных авторов в сфере песенного творчества позволяют считать этот период начальным этапом формирования профессионального композиторского творчества в республике.

В тот исторический период в качестве первостепенной по значению выдвигалась задача создания профессиональной национальной музыкальной культуры. Однако в процессе профессионализации активно были задействованы лишь песенные жанры богатейшего музыкального наследия тувинцев, а музыкальные инструменты с первых лет советской власти были подвергнуты «модернизации». В этом проявились серьезные недочеты, однобокость советского музыкознания того времени. В тот момент, по причине безоговорочного признания «отсталости» тувинской культуры, никто и не обратил серьезного внимания на ее настолько явную и очевидную самобытность и специфичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов, А. Н. (1964) Тувинская народная музыка. М. : Музыка. 238 с.
- Гиппиус, Е. В. (1964) Предисловие // Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка. М. : Музыка. 238 с.
- История Тувы (1964) / отв. ред. С. К. Тока. М. : Наука. Т. II.
- Казанцева, З. К. (2003) А. Б. Чыргал-оол: жизнь и творчество. Кызыл : ТУВИ-КОПР СО РАН. 187 с.

Казанцева, З. К. (2002) *Рожденный петъ. К 80-летию со дня рождения Р.Д.Кенденбиля*. Кызыл : Рес. типография. 104 с.

Карелина, Е. К. (2014) Музыка в жизни Максима Мунзука [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/175> (дата обращения: 15.04.2016).

Карелина, Е. К. (2009) *История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней*. М. : Композитор. 552 с.

Монгуш, А. Д.-Б. (2013) *Тувинский песенный фольклор: ладозвукорядный аспект*. Абакан: Журналист. 213 с.

Осипенко, Г. А. (1994) *Тувинская музыкальная литература*. Кызыл (рукопись). 235 с.

Сузукей, В. Ю. (2006) Культурная политика в советской и постсоветской Тыве // *Вопросы отечественной истории*. № 94 (ноябрь). С. 89–101.

Сузукей, В. Ю. (2007) Национальная культурная традиция — основа профессионализма народных исполнителей // *Музыкальная академия*. № 1. С. 180–183.

Сузукей, В. Ю. (2009) XX век и тувинская музыка // *Журнал Сибирского Федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*, № 2. С. 142–146.

Сузукей, В. Ю. (2011) Тувинская музыка в XX веке // *Музыковедение*. № 2. С. 31–37.

Сузукей, В. Ю. (2015) Музыка Тувы и ее вклад в мировую культуру // *История науки и техники*. № 8. С. 27–31.

Дата поступления: 12.07.2016 г.

REFERENCES

Aksenov, A. N. (1964) *Tuvinskaia narodnaia muzyka*. Moscow, Muzyka. 238 p. (In Russ.).

Gippius, E. V. (1964) Predislovie. In: Aksenov A. N. *Tuvinskaia narodnaia muzyka*. Moscow, Muzyka. 238 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy (1964), ed. S. K. Toka. Moscow, Nauka. Vol. II. (In Russ.).

Kazantseva, Z. K. (2003) *A. B. Chyrgal-ool: zhizn' i tvorchestvo*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 187 p. (In Russ.).

Kazantseva Z. K. (2002) *Rozhdennyi pet'. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia R. D. Kendenbilia*. Kyzyl, Res. tipografiia. 104 p. (In Russ.).

Karelina, E. K. (2014) *Muzyka v zhizni Maksima Munzuka*. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/175> (access date:

15.04.2016). (In Russ.).

Karelina, E. K. (2009) *Istoriia tuvinskoï muzyki ot padeniia dinastii Tsin i do nashikh dnei*. Moscow, Kompozitor. 552 p. (In Russ.).

Mongush, A. D.-B. (2013) *Tuvinskii pesennyi fol'klor: ladozvukoriadnyi aspekt*. Abakan, Zhurnalist. 213 p. (In Russ.).

Osipenko, G. A. (1994) *Tuvinskaia muzykal'naia literatura*. Kyzyl (in manuscript). 235 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2006) Kul'turnaia politika v sovetskoï i postsovetskoï Tuve. *Voprosy otechestvennoï istorii*, no. 94 (November), pp. 89–101. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2007) Natsional'naiakul'turnaia traditsiia — osnovaprofessionalizma narodnykh ispolnitelei. *Muzykal'naia akademiia*, no. 1, pp. 180–183. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2009) XX vek i tuvinskaia muzyka. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo universiteta. Seriia «Gumanitarnye nauki»*, no. 2, pp. 142–146. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2011) Tuvinskaia muzyka v XX veke. *Muzykovedenie*, no. 2, pp. 31–37. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2015) Muzyka Tuvy i ee vklad v mirovuiu kul'turu. *Istoriia nauki i tekhniki*, no. 8, pp. 27–31. (In Russ.).

Submission date: 12.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Сузукей В. Ю. Становление и развитие авторской песни в Туве (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Suzukey V. Yu. The rise of author-performed song in Tuva (1921–1944). *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (accessed: ...).

**КОЛЛЕКЦИЯ
ТУВИНСКИХ МАРОК
1926–1943 ГГ. В ФОНДАХ
НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ
ТЫВА И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ТУВИНСКОЙ
ФИЛАТЕЛИИ**

**THE COLLECTION OF
TUVAN STAMPS (1926–1943)
IN THE NATIONAL
MUSEUM OF
THE REPUBLIC OF TUVA
AND THE PROSPECTS OF
PHILATELY IN TUVA**

Каадыр-оол А. Бичелдей
Правительство Республики Тыва

Kaadyr-ool A. Bicheldey
Cabinet of Ministers of the Republic of Tuva

Марки Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) как знаки почтовой оплаты и, соответственно, как предметы филателистического собирания и коллекционирования, получили широкую международную известность и поэтому именно в этом плане стали объектом специальных исследований. Эти издания и публикации дают обширную информацию не только о марках Тувы — в них даны материалы по истории Тувы, истории почтовой службы, о Туве и тувинцах. В статье представлено описание коллекции знаков почтовой оплаты — марок (около 500 ед.) периода ТНР, которые датируются 1926–1943 гг., местом хранения которых являются фонды Национального музея им. Алдан Маадыр Тувы. Сформулированы проблемы и перспективы развития тувинской филателии.

Коллекция тувинских марок в Национальном музее Тувы хранится в 4 альбомах разного формата, а также в отдельных конвертах с числом марок в каждом из них от 1 до 72 единиц хранения. В двух

Stamps of the People's Republic of Tuva (PRT, 1921-1944) as indicia and as items of collectors' interest, are universally renowned, and as such have been the subject of a good deal of research. These works contain more than a mere story of Tuvan stamps — they provide a lot of useful

information on Tuva, its history, including the history of postal service in the region. This article describes the collection of indicia (more than 500 pieces) dated 1926-1943 and preserved at Aldan Maadyr National Museum of Tuva. On the basis of this analysis we have formulated the current problems and prospects of philately in the region.

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич — доктор филологических наук, профессор, и. о. заместителя Председателя Правительства Республики Тыва, академик Российской академии естественных наук и Российской академии социальных наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Красноармейская, д. 100, каб. 34. Тел.: +7 (39422) 2-12-10.

Bicheldey Kaadyr-ool Alekseyevich, Doctor of Philology, Professor, Acting Deputy Chair, Cabinet of Ministers of the Republic of Tuva; Member, Russian Academy of Natural Sciences (RAEN), Russian Academy of Social Sciences (RASN). Postal address: Office 34, 100 Krasnoarmeiskaia St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel. +7 (39422) 2-12-10.

альбомах имеется попытка систематизации марок по выпускам, но эта работа далека от завершения. Нет отдельной коллекции тувинских марок, которая независимо от качества сохранности могла бы претендовать на статус полной. Остальная масса тувинских марок в фонде музея представляет собой разрозненные марки разных выпусков. Степень сохранности марок фонда музея условно можно определить как среднюю, причем данная характеристика является предварительной.

При наличии большого интереса специалистов и исследователей вопроса, тема тувинских марок еще мало изучена. Нет собственно исследований всего материала, связанного с бытованием тувинских марок. Автор систематизировал основные исследовательские проблемы, в том числе: искусствоведческое исследование марок, проблема официальных документов, на основании которых было принято решение о выпуске тувинских марок, установление финансово-экономической эффективности проекта, полная каталогизация всех выпусков, исследование судьбы отдельных марок и мн. др. Актуальным вопросом сбора и хранения тувинских марок периода ТНР является пропаганда знаний об истории становления и развития почтовой связи Тувы. Это имеет и прикладное значение — многие жители Тувы являются обладателями уникальных тувинских марок, раритетных конвертов, открыток с тувинскими марками, но не осознают их ценности, что создает риски утраты этих предметов культуры.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; знаки почтовой оплаты; марки; тувинские марки; филателия; Национальный музей Тувы

Введение

В обыденном сознании практически любого человека скорее всего доминирует мысль — если речь идет о тувинских марках, то наиболее интересная коллекция может и даже должна быть представлена в хранилищах Национального музея Республики Тыва. С подобным мнением как филателист с определенным стажем я неоднократно встречался в кругу филателистов других городов России и даже других стран. Данное понимание правильно лишь отчасти — в фондах Национального музея им. Алдан Маадыр Тувы действительно имеется довольно большая коллекция марок Тувинской Народной Республики (ТНР) 1926–1943 гг., насчитывающая порядка 500 единиц хранения.

Если учесть, что наиболее скрупулезные исследователи и собиратели тувинских марок как А. Кронин (Cronin, Stephen, 1958, 1959, 1960), С. Б. Блехман (Блехман, 1976), В. Н. Устиновский (Устиновский, 2000) насчитывают от 140 до 150 ту-

The stamp collection in the National Museum fills 4 albums of various sizes and a number of envelopes with 1-72 stamps in each. The compilers of 2 albums attempted to systematize stamps by issue date, but this work is far from complete. There is no definitive collection of Tuvan stamps to act as a model for others, regardless of the quality of the stamps preserved. The rest of the stamps in the museum collection is in unsorted state. Overall, the degree of preservation can be tentatively described as average.

Given the great interest of scholars and collectors, Tuvan stamps are relatively little studied. The overall bulk of material on the uses of stamps in Tuva lacks an overarching study. We have summed up the main research problems that call for in-depth research, including studying Tuvan stamps as pieces of art, the financial and economic viability of issuing stamps in PRT, the official documentations licensing the issue, full catalogization of all existing issues, the study of individual stamps, etc. Especially urgent is the issue of propagating knowledge of history of Tuvan postal service as a precondition for collecting and preserving PRT stamps. Archives of many Tuvan families may contain unique stamps, rare envelopes or postcards – but few of their owners recognize the full value of what they have. This puts unique cultural material in grave danger.

Keywords: People's Republic of Tuva (PRT); history of Tuva; indicia; stamps; stamps of Tuva; philately; National Museum of the Republic of Tuva

винских марок за все 18 лет выпуска, то эта коллекция весьма внушительна по количеству экспонатов, но, к сожалению, не является сколько либо значимой коллекцией с точки зрения профессионала-филателиста, о чем будет более детально изложено ниже. Тем не менее, коллекция тувинских марок в фондах Национального музея РТ представляет интерес как часть историко-культурного наследия тувинского народа, подлежащее собиранию, хранению и изучению в фондах именно этого музейного учреждения. Представим описание коллекции и сформулируем проблемы и перспективы развития тувинской филателии, на которые нас навел анализ данной коллекции.

Описание коллекции

Коллекция тувинских марок в Национальном музее Тувы хранится в 4 альбомах разного формата, а также в отдельных конвертах с числом марок в каждом из них от 1 до 72 единиц хранения. В двух альбомах имеется попытка систематизации марок по выпускам, но эта работа далека от завершения. Как мне известно, по крайней мере, один из четырех альбомов с тувинскими марками, который в свое время музеем был приобретен у коллекционера В. В. Вольфцунна, должен был быть систематизированным в пределах отдельной более-менее полной коллекции. По всей вероятности, эта цельная коллекция была разобрана для экспонирования и именно ее марки хранятся в отдельном конверте, в котором сложены 72 марки. Из этого следует, что в фондах музея имеется одна цельная коллекция тувинских марок, которая ждет своего восстановления как коллекция тувинских марок, состоящая из марок примерно 17 или 18 стандартных и временных выпусков, напечатанных в установленном порядке (далее под названием «коллекция» подразумевается именно эта часть марочного фонда Национального музея). При этом отмечу, что в фондах музея нет ни одного экземпляра тувинских марок последних двух — 1942 и 1943 гг. выпусков, так называемых «Деминских марок».

Таким образом, в Национальном музее РТ нет отдельной коллекции тувинских марок, которая независимо от качества сохранности могла бы претендовать на статус полной коллекции. Остальная масса тувинских марок в фонде музея представляет собой разрозненные марки разных выпусков, среди которых наиболее часто встречаются повторы марок первого стандартного выпуска (1926 г.).

В целом степень сохранности марок фонда музея условно можно определить как среднюю, имея при этом в виду то обстоятельство, что марок очень хорошей сохранности в нем практически нет, марок хорошей сохранности не более 35, марок средней сохранности около 310, порядка 60 марок плохой сохранности, остальная часть марок либо очень плохой сохранности, либо с сомнительной подлинностью. Конечно, данная характеристика качества тувинских

марок в фондах Национального музея РТ является предварительной и весьма условной — более детально и точно это можно установить при дальнейшей систематизации этих марок и проведении экспертизы на предмет подлинности определенной их части. Главное — в музее хранится достаточно большое количество тувинских марок, которые вполне могут составить хорошую основу для компоновки одной цельной коллекции тувинских марок с неплохим качеством с последующим пополнением до уровня достаточно полной коллекции.

Марки Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) как знаки почтовой оплаты и, соответственно, как предметы филателистического собирания и коллекционирования, получили широкую международную известность и поэтому именно в этом плане стали объектом специальных исследований (Измаил-Бей, 1927; Головкин, 1927; Cronin, Stephen, 1958, 1959, 1960; Kanak, 1977; Блехман, 1976; Сельников, 1986; Устиновский, 1992, 2000; Ваниус, 1990ab, 1991, 1992 и др.). Эти издания и публикации дают обширную информацию не только о марках Тувы — в них даны материалы по истории Тувы, истории почтовой службы, о Туве и тувинцах. Кропотливая, скрупулезная и бережная работа исследователей тувинских марок вызывает уважение и чувство признательности, но нельзя не согласиться с дружеским сожалением В. Устиновского о том, что в самой Туве интерес к тувинским маркам невысок, сами тувинские филателисты и те, кто интересуется тувинскими марками в Туве, не занимаются собственным исследованием всего того интереснейшего материала, связанного с бытованием тувинских марок.

Перспективные направления для исследований

Изучив состояние тувинских марок в фондах Национального музея Республики Тыва, ознакомившись с публикациями по тувинским маркам, как заинтересованный собиратель и, отчасти — исследователь, считаю необходимым обозначить некоторые направления по изучению и систематизации тувинских марок:

1. Тувинские марки являются не только знаками почтовой оплаты — это и предметы живописи в жанре малой графики, поэтому необходимо провести искусствоведческое исследование марок. При этом немаловажно установить — какие рисунки заказывались для тувинских марок и почему, как они были реализованы в смысловом и художественном планах, насколько рисунки тувинских марок соотносятся с тувинской иконографией, чем была обусловлена тематика рисунков тувинских марок и т. д.;

2. В силу того, что заказ и печатание марок является исключительной прерогативой высших органов государственной власти Тувинской Народной Республики, необходимо найти официальные документы, на основании которых было принято решение о выпуске тувинских марок, когда и как заказывались

тувинские марки, какие решения и документы легли в основу размещения заказа тувинских марок в Гознаке СССР, по каким документам и как они доставлялись в Туву и передавались заказчику — интерес вызывают все государственные документы, так или иначе связанные с тувинскими марками, и они несомненно являются предметом отдельного исследования;

3. Печатание марок соотносимо с печатанием денежных знаков с значительно меньшими производственными затратами и поэтому интересно было бы установить плательщика заказа тувинских марок, какова была финансово-экономическая эффективность такого проекта помимо удовлетворения государственных нужд в специальных знаках почтовой оплаты;

4. На основе публикаций о тувинских марках можно судить о выпуске 13 серий марок и 37 одиночных марок; даже в среде основных исследователей нет единого мнения о количестве выпусков тувинских марок (по Блехману — было 20 выпусков из 140 марок, по Устиновскому — 21 выпуск из 150 марок) — имеется необходимость провести исследования и в этих направлениях;

5. Отдельного исследования требует то обстоятельство, что в почтовом ведомстве Тувы вплоть до начала 1990-х годов хранились 11 свинцовых штемпелей треугольной и прямоугольной формы на деревянной короткой ручке около 2-х сантиметров с чернильными следами синего цвета — на них в размере 2/3 были отлиты рисунки части тувинских марок десятого (1935 г.) выпуска. Можно предположить, что они изготовлены для ручного или механического маркирования чистых конвертов — предстоит установить: для чего были изготовлены эти штемпеля, имели ли хождение конверты или иные почтовые отправления с использованием этих штемпелей;

6. Интересно было бы изучить и проследить судьбу отдельных марок — как они появились именно в том виде, например, портрет женщины-тувинки (имелся ли прототип этого портрета — художник, скорее всего, делал картину с кого-то), единственная персональная марка с портретом тувинского государственного деятеля Чурмет-Дажы, который через два года после выхода этой марки был репрессирован и расстрелян (позировал ли Чурмет-Дажы лично или картина выполнена по фотографии и какова дальнейшая судьба этой марки, если в то время практика «выкорчевания» всех фотографий и печатных упоминаний репрессированных — парадоксально, но марки Чурмет-Дажы встречаются довольно часто и среди них нет испорченных или со следами умышленной порчи, что ожидаемо, хотя они могли просто не сохраниться в испорченном виде);

7. В 1994–1996 гг. были выпущены ряд серий, одиночных марок, малых и больших блоков марок «в стиле тувинских марок», по тувинской тематике и без оной: всего выпущены 59 марок в красочном оформлении с применением новейших достижений офсетной печати. Из них три марки посвящены 50-летию вхождения Тувы в состав России, шесть марок стандартного выпуска выполнены

в стиле треугольных марок Тувы 1930-х годов, серия марок «Охраняемая фауна» из девяти марок с большим и малым блоками, серия марок «Охраняемые птицы» из восьми марок с большим и малым блоками выполнены как стилизация тувинских марок, марки с портретами двух тувинских героев Советского Союза и маршала Г. Жукова посвящены 50-летию победы в Великой Отечественной войне, две марки с портретом Его Святейшества Далай-ламы посвящены его визиту в Туву, восемь марок выпущены с неожиданным для тувинских марок рисунками динозавров. Далее были напечатаны «чудные марки» под грифом Республики Тыва с портретами кошек, собак, Шварцнегера, Мадонны и т. д. Законность или незаконность выпуска этих марок — это отдельный вопрос, но они тоже стали так или иначе частью «марочной и околomarочной» истории тувинских марок и могут быть предметом обсуждения как состоявшиеся факты.

Заключение

Актуальным вопросом сбора и хранения тувинских марок периода Тувинской Народной Республики является пропаганда знаний об истории становления и развития почтовой связи Тувы, истории создания и хождения особых почтовых знаков в виде тувинских марок 1926–1943 годов среди населения нашей республики. Это имеет и прикладное значение — многие жители Тувы являются обладателями уникальных тувинских марок, раритетных конвертов, открыток с тувинскими марками и, если они не будут знать и понимать их историческую, культурную и филателистическую ценность, то многое может быть утрачено навсегда. И потому самым лучшим местом для дальнейшего хранения марок Тувы — и старых, надписанных и не надписанных почтовых конвертов, является прежде всего фонды Национального музея Республики Тыва — сохранятся не только старые тувинские марки и конверты, сохранятся и имена их обладателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блехман, С. М. (1976) История почты и знаки почтовой оплаты Тувы. М. : Связь. 112 с.

Ваниус, Ф. (1990b) Филателистические рассказы о Туве. О почтовых штемпелях Тувы // Филателия СССР. № 11. С. 48–51; № 12. С. 44–48.

Ваниус, Ф. (1990a) Филателистические рассказы о Туве // Филателия СССР. № 8. С. 44–49.

Ваниус, Ф. (1991) Филателистические рассказы о Туве. Надпечатки на марках // Филателия СССР (Филателия). № 3. С. 47–48, 51; № 4. С. 44–46; № 5. С. 46–47.

Ваниус, Ф. (1992) Филателистические рассказы о Туве. О зубцовках марок

Тувы // Филателия. № 2. С. 46–51.

Головкин, В. (1927) Надпечатки на марках Тувы // Советский коллекционер. № 8 (10). С. 19–20.

Измаил-Бей, А. (1927) Почтовые марки Тувинской Народной Республики // Советский филателист — Советский коллекционер — Radio de Filintern. № 5. С. 3–5.

Сельников, О. (1986) Возвращаясь к истории почты Тувы // Советский коллекционер. № 24. С. 85–90.

Устиновский, В. Н. (2000) Тува. Знаки почтовой оплаты. М. : Москва. 199 с. ISBN: 5-94289-002-1

Cronin, A., Stephen, W. S. E. (1958) Tannou Tuva : A Survey // Россика. Орган Российского зарубежного филателистического общества. The Journal of the Rossica Society of Russian Philately. № 54. P. 14, 16–18; № 55. P. 15–17

Cronin, A., Stephen, W. S. E. (1959) Tannou Tuva: A Survey // Россика. Орган Российского зарубежного филателистического общества. The Journal of the Rossica Society of Russian Philately. № 56. P. 99–102; № 57. P. 51–53.

Cronin, A., Stephen, W. S. E. (1960) Tannou Tuva : A Survey // Россика. Орган Российского зарубежного филателистического общества. The Journal of the Rossica Society of Russian Philately. № 58. P. 55–56; № 59. P. 48–49.

Kanak, R. C. (1977) Tannu Tuva Catalog. Kanak. 17 p.

Дата поступления: 30.07.2016 г.

REFERENCES

Blekhman, S. M. (1976) *Istoriia pochty i znaki pochtovoi oplaty Tuvy*. Moscow, Sviaz'. 112 p. (In Russ.).

Vanius, F. (1990b) Filatelisticheskie rasskazy o Tuve. O pochtovykh shtempeliakh Tuvy. *Filateliia SSSR*, no. 11, pp. 48–51; no. 12, pp. 44–48. (In Russ.).

Vanius, F. (1990a) Filatelisticheskie rasskazy o Tuve. *Filateliia SSSR*, no. 8, pp. 44–49. (In Russ.).

Vanius, F. (1991) Filatelisticheskie rasskazy o Tuve. Nadpechatki na markakh. *Filateliia SSSR (Filateliia)*, no. 3, pp. 47–48, 51; no. 4, pp. 44–46; no. 5, pp. 46–47. (In Russ.).

Vanius, F. (1992) Filatelisticheskie rasskazy o Tuve. O zubtsovkakh marok Tuvy. *Filateliia*, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).

Golovkin, V. (1927) Nadpechatki na markakh Tuvy. *Sovetskii kollektzioner*, no. 8 (10), pp. 19–20. (In Russ.).

Izmail-Bei, A. (1927) Pochtovye marki Tuvinskoi Narodnoi Respubliki. *Sovetskii filatelist — Sovetskii kollektioner — Radio de Filintern*, no. 5, pp. 3–5. (In Russ.).

Sel'nikov, O. (1986) Vozvrashchaias' k istorii pochty Tuvy. *Sovetskii kollektioner*, no. 24, pp. 85–90. (In Russ.).

Ustinovskii, V. N. (2000) *Tuva. Znaki pochtovoi oplaty*. Moscow, Moskva. 199 p. ISBN: 5-94289-002-1 (In Russ.).

Cronin, A. and Stephen, W. S. E. (1958) Tannou Tuva : A Survey. *The Journal of the Rossica Society of Russian Philately*, no. 54, pp. 14, 16–18; no. 55, pp. 15–17.

Cronin, A. and Stephen, W. S. E. (1959) Tannou Tuva: A Survey. *The Journal of the Rossica Society of Russian Philately*, no. 56, pp. 99–102; no. 57, pp. 51–53.

Cronin, A. and Stephen, W. S. E. (1960) Tannou Tuva : A Survey. *The Journal of the Rossica Society of Russian Philately*, no. 58, pp. 55–56; no. 59, pp. 48–49.

Kanak, R. C. (1977) *Tannu Tuva Catalog*. Kanak. 17 p.

Submission date: 30.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Бичелдей К. А. Коллекция тувинских марок 1926–1943 гг. в фондах Национального музея Республики Тыва и перспективы развития тувинской филателии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/468> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Bicheldey K. A. The collection of Tuvan stamps (1926–1943) in the National Museum of the Republic of Tuva and the prospects of philately in Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/468> (accessed: ...).

Номады азиатского материка

СОВРЕМЕННЫЕ ТОФАЛАРЫ (ОПЫТ ИНТЕРВАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Виктор П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается этническая ситуация у тофаларов — народа, живущего на юго-западе Иркутской области, в северных отрогах Восточного Саяна. Исследования проводил автор в тофаларских поселках в 1985, 1995, 2005 и 2015 гг. в ходе этнографических экспедиций. Каждый раз проводился массовый опрос всего тофаларского населения со 100% охватом.

Основное внимание уделено демографическим характеристикам, языковым процессам, прорыву эндогамии, процессу метисации. К настоящему времени численность тофаларов и национальный состав мест их проживания стабилизировались, коренное население несколько превышает половину всего населения трех тофаларских поселков — Алыгджера, Нерхи и в Верхней Гутары. Постепенно снижается естественный прирост, наблюдается миграция в города. Тофаларский язык стремительно уходит из употребления, количество знатоков языка сократилось почти до 20 чел., все они старики, во всех сферах общения преобладает русский язык. Количество национально-смешанных браков достигло высоких показателей, позволяющих говорить о прорыве эндогамии, однако последние 20–30 лет их

Nomads of Asian continent

TOFALARS TODAY: AN ATTEMPT AT REPEAT INTERVAL STUDY

Viktor P. Krivonogov

Siberian Federal University

The article examines the ethnic situation of Tofalars – a small ethnicity living in the south-west of Irkutsk oblast, in the northern branches of the Eastern Sayans. Our study was held repeatedly with a 10-year interval in 1985, 1995, 2005 and 2015 during ethnographic expeditions. Each of the instances included a mass survey which covered 100% of Tofalar population.

A special focus was made on the Tofalar demographics, linguistic developments, the fall of endogamy and the rise of miscegenation. At present, the number of the Tofalars and the ethnic composition of the areas of their residence have stabilized. Indigenous population now accounts for over 50% of total population in the three Tofalar settlements of Alygdzher, Nerkha and Verkhnyaya Gutara. The natural increase of the population is falling, with a part of the population moving to cities, The use of Tofalar language has plummeted, the number of active users fell to slightly over 20, all of whom are old. Russian now prevails in every aspect of communication. Mixed marriages are at an all-time high, which indicates the fall of endogamy; however, in the last 20 or 30 years the number and

Кривоногов Виктор Павлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Тел.: +7 (3912) 206-26-77, +7 (3912) 249-59-35. Эл. адрес: victor950@yandex.ru

Krivonogov Viktor Pavlovich, Doctor of History, Associate Professor, Department of General History, Institute for the Humanities, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3912) 206-26-77, +7 (3912) 249-59-35. E-mail: victor950@yandex.ru

число и доля постепенно сокращаются. Количество метисов в несколько раз превысило число чистокровных тофаларов, среди детей практически все — метисы. Из числа этнически смешанного населения (метисов) подавляющее большинство относит себя к коренной национальности, чему способствуют некоторые государственные льготы, а также приверженность значительной части мужчин традиционным занятиям. Из традиционных занятий сохраняется лишь охота, а вот оленеводство сократилось до минимума.

Делается вывод о том, что тофалары быстро превращаются в группу русскоязычных метисов, но с сохранением устойчивого этнического самосознания, и сохранением некоторых традиционных занятий у мужской части народа.

Ключевые слова: тофалары; тофаларский язык; Тофалария; Иркутская область; этнодемографические процессы; языковая ассимиляция; национально-смешанные браки; метисация; этническое самосознание

share of mixed marriages have been decreasing. Mixed-blood individuals have long outnumbered pure-blood Tofalars, almost all Tofalar children are now multiracial. However, the overwhelming majority of mixed-blood people identify themselves as Tofalars, which is probably motivated by state benefits for small indigenous ethnicities and/or by Tofalar men's commitment to traditional lifestyle. However, of all traditional occupations only hunting has been preserved, with reindeer herding down at an all-time low.

We conclude that Tofalars are undergoing a fast transformation into a mixed-blood group of Russian speakers who nevertheless have preserved a stable ethnic identity and some of the traditional male occupations.

Keywords: Tofalars; Tofalar language; Tofalar land; Irkutsk oblast; ethnodemographic processes; linguistic assimilation; ethnically mixed marriages; miscegenation; ethnic identity

Введение

Интервальные исследования — один из действенных методов в изучении современных этнических процессов у разных народов. Проведение повторных этносоциологических исследований через определенные промежутки времени (чаще всего через 10 или 20 лет) позволяют замерить динамику происходящих этнических процессов и дать материал для прогнозирования. Обычно в научной литературе можно встретить сведения о двух последовательных исследованиях. Но мне не приходилось встречать информацию, чтобы у какого-нибудь народа интервальные исследования проведены 4 раза подряд. Нам удалось осуществить четыре последовательных исследования по единой программе в Тофаларии, соответственно в 1985, 1995, 2005 и 2015 гг. (Кривоногов, 1987, 1988ab, 1998, 2008).

Вопрос о происхождении тофаларов является, как подчеркивает В. В. Рассадин, весьма спорным. Так, одни специалисты по народам Саяно-Алтая утверждают, что тюркоязычные тофалары образовались в результате тюркизации со стороны тувинцев самодийских племен и родов, обитавших на Саянах. Другие отнесли тофаларский язык к диалектам тувинского языка. Третьи пришли к выводу, что этот язык образовался в результате тюркизации еще в древнетюркское время, в VI–VIII вв., орхонскими тюрками и уйгурами кетоязычных родов. Присоединившиеся позднее к уже тюркоязычным предкам тофаларов самодийские роды воспринимали тюркский язык у них, а не у тувинцев (Рассадин, 2011).

После перехода к оседлости тофалары в 1930-е годы проживают в трех поселках: Алыгжере, Верхней Гутаре и Нерхе, административно входящих в Нижнеудинский район Иркутской области. Тофаларией принято называть южную, горную часть Нижнеудинского района. Связь с равнинной частью, с районным центром, в основном осуществляется местной авиацией.

В каждой из четырех наших экспедиций проводился массовый опрос тофаларского населения со 100% охватом по специальной этнографической анкете. Кроме взрослых, опросные листы со слов родителей в сокращенном варианте составлялись и на всех детей. В данной статье изложены основные показатели этнических процессов в динамике на четыре даты. Основное внимание уделено динамике численности, демографическим показателям, этноязыковым процессам, динамике национально-смешанной брачности и их последствиям — т. е. процессу межэтнической и межрасовой метисации.

По численности тофаларов и по национально-смешанной брачности мы также привлекли данные еще на одну дату — 1966 г., полученные путем обработки похозяйственных книг, хранящихся в местных сельсоветах. Таким образом, динамика этнических процессов прослеживается за полувековой период.

Численность и половозрастной состав

Динамику численности и половозрастного состава тофаларов мы приводим в таблице 1.

Таблица 1. Половозрастной состав тофаларов в разные годы (1966–2015 гг.), чел.

Table 1. Age and gender distribution among Tofalar population (1966-2015), absolute values

Возраст, лет	1966		1985		1995		2005		2015	
	муж	жен								
80 и ст.	1	2	2	4	1	3	-	1	1	-
75-79	1	3	-	3	3	-	-	3	-	1
70-74	2	3	5	4	2	4	2	1	-	1
65-69	6	7	5	5	9	4	6	4	5	4
60-64	1	11	2	7	3	4	5	3	17	15
55-59	5	6	14	3	11	6	10	8	14	17
50-54	9	13	7	6	6	9	27	25	19	21
45-40	10	11	13	7	13	9	19	24	12	20

40–44	13	13	6	10	36	28	26	23	9	12
35–39	21	12	14	10	19	27	16	25	23	30
30–34	17	14	37	30	39	29	10	17	39	31
25–29	16	16	20	29	22	27	20	32	30	30
20–24	7	12	45	30	14	16	47	39	26	23
15–19	26	25	23	28	29	40	33	39	28	26
10–14	48	39	18	22	62	46	31	30	33	49
5–9	32	50	31	48	47	49	27	27	30	39
0–4	41	29	62	48	32	32	35	50	24	34
Итого	256	266	304	294	348	333	314	351	310	353

Общая численность тофаларов на своей этнической территории в указанные в таблице годы — 1966, 1985, 1995, 2005 и 2015 гг. — менялась так: 522, 598, 681, 665 и 663 чел. соответственно. До 1995 г. наблюдался стабильный прирост, затем некоторое снижение численности и стабилизация. Доля детей (до 10 лет) в эти годы составляла 29,1%, 31,6%, 23,5%, 20,9% и 19,2%. Эти данные указывают на постепенное снижение рождаемости, начиная с середины 1980-х годов.

На динамику численности тофаларов влияет, прежде всего, соотношение рождаемости и смертности. Далее, это внешние (по отношению к Тофаларии) миграции — выезд и возвращение тофаларов. И, наконец, колебания этнического самосознания метисированного населения (порой бывает, что в течение жизни, под влиянием тех или иных обстоятельств выходцы из смешанных семей меняют предыдущее этническое самоопределение. Кроме того, если детям этническую принадлежность определяли родители, то десятилетия спустя этот человек может выбрать национальность отличную от той, что была названа родителями ранее).

Между четырьмя интервальными исследованиями динамика изменений по этим трем факторам оказалась следующей.

За первое десятилетие (1985–1995 гг.) умерло 60 тофаларов, родилось — 164, уехали за пределы Тофаларии — 45, вернулось в Тофаларию — 27, сменили этническое самоопределение с тофаларского на русское — 5, с русского на тофаларское — 2. Итого потери в численности составили 110 человек, новых людей появилось — 193, прирост — 83.

За второе десятилетие (1995–2005 гг.) умерло — 99, родилось — 139, уехали — 56, вернулись в Тофаларию — 25, сменили самоопределение на русское — 28, на тофаларское — 3. Мы не застали на месте 183 человека, новых появилось — 167, убыль составила — 16 человек.

В 2015 г. мы зафиксировали 115 умерших за 10 лет, вновь родившихся на-

считали — 125, уехали — 62, приехали — 21, стали русскими — 4, сменили самоопределение на тофаларское — 33. Убыль за десять лет составила 2 человека (–181, +179).

Обращает на себя внимание постоянное снижение рождаемости (1985–1995, 1995–2005 и 2005–2015 гг.) (164 — 139 — 125 чел.) и не менее постоянный рост смертности (60 — 99 — 115 чел. соответственно). В результате, естественный прирост сошел к минимуму (104 — 40 — 10 чел. соответственно), вплотную приблизившись к нулю (естественный прирост — всего 1 человек в год!).

Нарастает и динамика выезда за пределы Тофаларии (45 — 56 — 62 чел. соответственно), а возвратный поток постепенно сокращается (27 — 25 — 21 чел. соответственно). Отрицательное сальдо миграций сократило численность тофаларов за каждое десятилетие соответственно на 18, 31 и 41 человек.

Что касается колебаний этнического самосознания метисированного населения, то в первое десятилетие ситуация была стабильной, во второе — произошло смещение показателей в пользу русской идентичности, но в третье десятилетие самоопределение качнулось в противоположную сторону, тофаларское самосознание укрепилось. В первое десятилетие за счет этих колебаний самоидентификации тофалары потеряли 3 человека, во второе — 25, но в третье прирост тофаларов по этой причине составил 29 человек, так что суммарно за весь период исследований потерь нет.

Динамику численности тофаларов, а также изменения национального состава тофаларских поселков показывают таблицы 2–6. По ним видно, как менялась численность коренного населения по всем трем поселкам Тофаларии, а также изменения национального состава.

Таблица 2. Национальный состав тофаларских поселков (1966, данные похозяйственных книг)

Table 2. Ethnic composition of Tofalar settlements (1966, according to household registers)

	Алыгджер		Нерха		Верх. Гутара	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Тофалары	227	44,7	117	63,9	178	50,1
Русские	269	52,9	59	32,3	170	47,9

Украинцы		} 2,4		} 3,8	1	} 2,0
Белорусы			1		1	
Татары	8					
Буряты			1			
Эвенки			5		2	
Коми-перм.	1					
Корейцы	1				3	
Тувинцы	1					
Эстонцы	1					
Итого	508	100	183	100	355	100

Таблица 3. Национальный состав тофаларских поселков (1985 г.)

Table 3. Ethnic composition of Tofalar settlements (1985)

	Алыгджер		Нерха		Верх. Гутара	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Тофалары	231	42,4	143	74,5	224	65,9
Русские	300	55,0	44	22,9	106	31,2
Украинцы	4	} 2,6	2	} 2,6	4	} 2,9
Татары	5		-		1	
Буряты	4		1		-	
Эвенки	-		1		2	
Немцы	-		1		-	
Коми-перм	1		-		-	
агулы	-		-		1	
Белорусы	-		-		1	
Корейцы	-		-		1	
Итого	545	100	192	100	340	100

Таблица 4. Национальный состав тофаларских поселков (1995 г.)

Table 4. Ethnic composition of Tofalar settlements (1995)

	Алыгджер		Нерха		Верх. Гутара	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Тофалары	250	47,0	168	70,9	263	65,6
Русские	273	51,3	62	26,2	128	31,9

Украинцы	4	} 1,7	2	} 2,9	3	} 2,5
Татары	2		-		2	
Буряты	2		2		-	
Эвенки	-		1		2	
Немцы	-		1		-	
агулы	-		-		1	
чувашаи	1		-		-	
хакасы	-		1		-	
белорусы	-		1		1	
мордва	-		1		1	
Итого	532	100	237	401		

Таблица 5. Национальный состав тофаларских поселков (2005 г.)

Table 5. Ethnic composition of Tofalar settlements (2005)

	Алыгджер		Нерха		Верх. Гутара				
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%			
Тофалары	228	43,8	149	69,0	288	65,2			
Русские	282	54,1	62	28,7	145	32,8			
Украинцы	3	} 2,1	3	} 2,3	5	} 2,0			
Татары	6		-						
Буряты	1		-						
Эвенки	-		-						
Немцы	-		2						
Ненцы	1		-						
Коряки	-		-						
Агулы	-		-						
Итого	521		100		216		100	442	100

Таблица 6. Национальный состав тофаларских поселков (2015 г.)

Table 6. Ethnic composition of Tofalar settlements (2015)

	Алыгджер		Нерха		Верх. Гутара	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Тофалары	237	45,5	159	69,7	267	71,6
Русские	279	53,6	64	28,1	103	27,6

Украинцы	1	} 0,9	3	} 2,2	1	} 0,8
Татары	2		-		-	
Буряты	1		2		-	
Ненцы	1		-		-	
Коряки	-		-		1	
Агулы	-		-		1	
Итого	521	100	228	100	373	100

Доля тофаларов в самом большом поселке Алыгджере при всех колебаниях за полвека осталась прежней, несколько менее половины населения этого поселка. В Нерхе доля стабилизировалась примерно на 70%, в Верхней Гутаре наблюдался непрерывный рост доли тофаларов, начиная с половины населения, и превысив, в конце концов, 70%. Раньше больше всего тофаларов по абсолютным показателям жило в Алыгджере но позже Верхняя Гутара обогнала по этому показателю (сейчас 267 против 237 чел.). Самая высокая доля тофаларов всегда была в самом маленьком по общей численности поселке Нерха, но совсем недавно Верхняя Гутара обогнала и Нерху (71,6% против 69,7%).

Численность русских на рассматриваемой территории то уменьшалась, то снова увеличивалась, но в целом за полвека несколько уменьшилась, так же как и других пришлых национальностей (табл. 7). Численность тофаларов тоже колебалась, однако все же заметна тенденция к увеличению их доли за полвека — с 50 до 60%.

Таблица 7. Динамика численности основных национальностей Тофаларии

Table 7. The dynamics of major ethnicities in Tofalar land

	1966		1985		1995		2005		2015	
	Чел.	%								
Тофалары	522	49,9	598	55,5	681	58,2	665	56,4	663	59,1
Русские	498	47,6	450	41,8	463	39,6	489	41,5	446	39,7
Другие нации	26	2,5	29	2,7	26	2,2	25	2,1	13	1,2
Итого	1046	100	1077	100	1170	100	1179	100	1122	100

Владение тофаларским языком

Хотя доля тофаларов в своей горной стране превышает половину общей численности населения, но все же все три поселка — смешанные по национальному составу, и языком межнационального общения является русский язык.

До 1990-х годов обучение в школах населенных пунктов шло исключительно на русском языке (тогда еще не существовало тофаларской письменности). Это предопределило развитие ассимиляционных процессов в области языка. Четыре последовательных опроса показали непрерывное снижение всех показателей по тофаларскому языку (табл. 8). С 1990-х годов изучение тофаларского языка было включено в программу начальных классов, но ситуацию это уже не изменило.

Тофаларский язык быстро уходит из жизни и заменяется русским. Все меньше тофаларов признают его родным, а используют его в реальной жизни еще меньше (табл. 9). Сейчас признали его родным 5,9 % тофаларов, а используют его в общении всего 0,5 %. Когда наша экспедиция побывала в Тофаларии в первый раз, в 1985 г., мы нередко слышали тофаларскую речь на улицах поселков, в магазине и т. д., но в последний приезд (в 2015 г.) нам ни разу его услышать не удалось. В Верхней Гутаре два последних оленевода — братья Холямоевы, Валерий и Вячеслав, которые хорошо знают этот язык, признались, что в тайге, около своего стада, они общаются между собой на тофаларском языке, но когда посещают поселок, оба сразу же переходят на русский.

Таблица 8. Родной язык тофаларов, по результатам опросов, в %

Table 8. First language of Tofalar individuals, %

Годы опросов	Родной язык		
	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский язык
1985	29,9	5,0	65,1
1995	16,1	5,3	78,6
2005	8,3	4,5	87,2
2015	3,3	2,6	94,1

Таблица 9. Основной разговорный язык тофаларов, по результатам опросов, в %

Table 9. The language of everyday communication among Tofalars (survey data), %

Годы опросов	Основной разговорный язык		
	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский язык
1985	6,9	6,8	86,3
1995	2,8	4,8	92,4
2005	0,3	1,2	98,5
2015	-	0,5	99,5

Немного лучше знают тофаларский язык в Нерхе, хуже всего — в Верхней Гутаре, но динамика изменений во всех трех поселках одинакова (табл. 10–13). Разница между поселками обусловлена национальным составом населения, в Нерхе доля тофаларов раньше была самой высокой. Вызывает некоторое недоумение худшее владение тофаларским языком в В. Гутаре по сравнению с Алыгджером, ведь в последнем доля тофаларов всегда была ниже. Объяснение этого феномена кроется в возрастной структуре. В Верхней Гутаре последние десятилетия рождаемость была выше, здесь больше доля детей, и меньше — стариков, а так как знатоки языка — в основном старики, то средние показатели в Гутаре оказались ниже. Этим и обусловлено данное противоречие.

Тенденции в развитии ассимиляционных процессов в языке одинаковы во всех трех поселках, показатели по тофаларскому языку падают во всех трех поселках.

Таблица 10. Родной язык тофаларов в разных поселках, по рез.опроса 1985 г., в %

Table 10. First language of Tofalar residents by settlement (survey data, 1985), %

Языки	Алыгджер	Нерха	Верх. Гутара
Тофаларский	30,3	36,4	25,5
Тоф. и русский	6,1	4,9	4,0
Русский	63,6	58,7	70,5

Таблица 11. Родной язык тофаларов в разных поселках, по рез. опроса 1995 г., в %

Table 11. First language of Tofalar residents by settlement (survey data, 1995), %

Языки	Алыгджер	Нерха	Верх. Гутара
Тофаларский	16,8	20,8	12,5
Тоф. и русский	7,2	4,8	3,8

Русский	76,0	74,4	83,7
---------	------	------	------

Таблица 12. Родной язык тофаларов в разных поселках, по рез. опроса 2005 г., в %

Table 12. First language of Tofalar residents by settlement (survey data, 2005), %

Языки	Алыгджер	Нерха	Верх. Гутара
Тофаларский	6,6	15,4	5,9
Тоф. и русский	9,2	2,1	2,1
Русский	84,2	82,5	92,0

Таблица 13. Родной язык тофаларов в разных поселках, по рез. опроса 2015 г., в %

Table 13. First language of Tofalar residents by settlement (survey data, 2015), %

Языки	Алыгджер	Нерха	Верх. Гутара
Тофаларский	1,7	8,2	1,9
Тоф. и русский	5,9	0,6	0,7
Русский	92,4	91,2	97,4

Динамика резкого снижения языкового показателя видна не только при сравнении показателей на разные годы, но и при сравнении языковых показателей в разных возрастных группах. Покажем это на примере последнего исследования (табл. 14).

Таблица 14. Родной язык тофаларов в разных возрастных группах, по результатам опроса 2015 г., в %

Table 14. First language among various age groups of Tofalars (survey data, 2015), %

Возраст	Тофаларский	Тоф. и русский	Русский
70 и старше	66,7	-	33,3
60–69	26,8	17,1	56,1
50–59	7,0	11,3	81,7
40–49	3,8	-	96,2
30–39	0,8	0,8	98,4
20–29	0,9	-	99,1
10–19	-	0,7	99,3
До 10	-	-	100

Данные по родному языку согласуются с данными по степени владения тофаларским языком (табл. 15). Уже в 1985 г. свободно владели тофаларским языком только один из четырех, а к настоящему времени таких осталось лишь 3,3 %. Что касается русского языка, то им овладели практически все тофалары (табл. 16).

Таблица 15. Степень владения тофаларским языком, по результатам опросов, в %

Table 15. The degree of command of Tofalar language (survey data), %

	Владеют тофаларским языком				
	Свободно	С некоторым затруднением	Со значительными затруднениями	Только понимают	Не владеют
1985	25,1	8,7	7,9	18,7	39,6
1995	14,4	5,1	9,0	18,4	53,1
2005	9,2	3,3	7,1	15,5	64,9
2015	3,3	1,5	5,0	12,2	78,0

Таблица 16. Степень владения русским языком, по результатам опросов, в %

Table 16. The degree of command of Russian language (survey data), %

	Владеют русским языком				
	Свободно	С некоторым затруднением	Со значительными затруднениями	Только понимают	Не владеют
1985	94,7	3,5	1,8	-	-
1995	97,9	1,8	0,3	-	-
2005	99,7	0,15	0,15	-	-
2015	100	-	-	-	-

Показатели по степени владения тофаларским языком, распределенные по возрастным группам, указывают на то, что не только среди детей, но и среди лиц среднего возраста владеющих этим языком практически нет (таблица 17).

Таблица 17. Степень владения тофаларским языком в разных возрастных группах, по данным опроса 2015 г., в %

Table 17. The degree of command of Tofalar language in various age groups (survey data, 2015), %

	Владеют тофаларским языком				
	Свободно	С некоторым затруднением	Со значительными затруднениями	Только понимают	Не владеют
70 и стар	66,7	33,3	-	-	-
60–69	29,3	12,2	14,6	24,4	19,5
50–59	9,9	4,2	22,5	33,8	29,6
40–49	1,9	-	13,2	32,1	52,8
30–39	-	0,8	2,4	16,3	80,5
20–29	-	-	0,9	7,3	91,8
10–19	-	-	-	1,5	98,5
До 10	-	-	-	-	100

В абсолютных числах число свободно владеющих тофаларским языком упало до 22 чел. Все они пожилого возраста и с их уходом судьба языка предрешена.

Русский язык преобладает не только в общении с другими национальностями, но и внутри тофаларских семей. Чаше используют тофаларский язык в общении со своими родителями, однако и эти показатели упали ниже десяти процентов (табл. 18–23). В других ситуациях вообще использование тофаларского языка упало до 1–2% от числа опрошенных. В младших возрастных группах этот язык не используется вовсе.

Таблица 18. Использование тофаларами основных языков в общении с родителями, по данным опросов, в %

Table 18. Tofalars' use of languages in communication with parents (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	23,3	14,3	62,4
1995	12,2	14,5	73,3
2005	5,3	11,0	83,7
2015	1,8	6,8	91,4

Таблица 19. Использование тофаларами основных языков в общении с братьями и сестрами, по данным опросов, в %

Table 19. Tofalars' use of languages in communication with siblings (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	11,3	11,9	76,8
1995	4,8	8,4	86,8
2005	2,1	5,0	92,9
2015	0,6	2,4	97,0

Таблица 20. Использование тофаларами основных языков в общении с друзьями, по данным опросов, в %

Table 20. Tofalars' use of languages in communication with friends (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	6,1	22,8	71,1
1995	0,9	14,2	84,9
2005	0,3	10,1	89,6
2015	0,2	3,9	95,9

Таблица 21. Использование тофаларами основных языков в общении с супругами, по данным опросов, в %

Table 21. Tofalars' use of languages in communication with spouses (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	22,5	9,1	68,4
1995	10,4	9,6	80,0
2005	2,5	5,6	91,9
2015	0,3	1,8	97,9

Таблица 22. Использование тофаларами основных языков в общении с детьми, по данным опросов, в %

Table 22. Tofalars' use of languages in communication with children (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	7,2	15,0	77,8
1995	1,2	8,4	90,4
2005	1,4	3,1	95,5
2015	-	0,7	99,3

Таблица 23. Использование тофаларами основных языков в общении на производстве, по данным опросов, в %

Table 23. Tofalars' use of languages in communication at work (survey data), %

	Тофаларский	Тофаларский и русский	Русский
1985	3,9	23,8	72,3
1995	1,4	16,3	82,3
2005	0,8	5,3	93,9
2015	-	1,7	98,3

Браки

Важнейшей стороной современных этнических процессов является смешение с русскими в сфере брака. С 1960-х по 1980-е годы быстро нарастало число таких браков, но потом показатели стабилизировались и рост прекратился, но на весьма высоком уровне (табл. 24). Стабилизация произошла в результате ограниченного количества потенциальных брачных партнеров иных национальностей. Пришлого населения здесь не так уж и много, поэтому достигнув показателей теоретической вероятности, рост прекратился.

Таблица 24. Национальный состав тофаларских семей, абс. кол-во

Table 24. Ethnic composition of Tofalar families, absolute values

Состав семей	1966	1985	1995	2005	2015
Однонациональные	79	90	101	112	117

Смешанные	34	75	88	85	81
В том числе с					
- бурятами	1	2	2	-	2
- эвенками	1	3	3	1	-
- хакасами	-	-	1	-	-
- коряками	-	-	-	1	1
- корейцами	1	1	-	-	-
- русскими	28	60	71	76	75
- украинца- ми	-	5	6	5	2
- белоруса- ми	1	1	1	-	-
- немцами	-	1	1	1	-
- татарами	-	1	1	1	1
- мордвина- ми	-	-	1	-	-
- чувашами	-	-	1	-	-
- коми- пермяками	1	1	-	-	-
- тувинцами	1	-	-	-	-
% на- ционально смешанных семей	30,1	45,5	46,6	43,1	40,9

Больше всего смешанных браков в Алыгджере, что согласуется с национальным составом этого поселка, но в последнее время там число таких браков уменьшается. Меньше стала доля таких браков и в Верхней Гутаре, и лишь в Нерхе она продолжает медленно расти (табл. 25).

Таблица 25. Динамика национально-смешанных семей в разных поселках Тофаларии, в %

Table 25. The dynamics of ethnically mixed families in various settlements in Tofalar land, %

	1966	1985	1995	2005	2015
Алыгджер	33,3	56,3	52,7	49,3	46,8
Нерха	29,6	30,6	38,3	40,7	42,0
В.Гутара	27,1	41,4	46,2	38,3	33,8

Данные по общему количеству смешанных браков дополняют цифры по национальности супружеских пар (табл. 26–30).

Таблица 26. Национальный состав супружеских пар тофаларов в 1966 г.

Table 26. Ethnicity of Tofalar married couples, 1966

	Тофалары	Буряты	Эвенки	Тувинцы	Русские	Коми-пермяки	Белорусы	Корейцы	% смеш. браков
Муж	49	1	1	1	19			1	31,9
Жен	49				7	1	1		15,5

Таблица 27. Национальный состав супружеских пар тофаларов в 1985 г.

Table 27. Ethnicity of Tofalar married couples, 1985.

	Тофалары	Буряты	Эвенки	Русские	Украинцы	Коми-пермяки	Немцы	% смеш. браков
Муж	47	1		25	2			37,3
Жен	47		2	30	2	1	1	43,4

Таблица 28. Национальный состав супружеских пар тофаларов в 1995 г.

Table 28. Ethnicity of Tofalar married couples, 1995

	Тофалары	Буряты	Эвенки	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Мордва	Немцы	Хакасы	Чуваши	% смеш. браков
Муж	60	1		22	1	1	1				1	31,0
Жен	60		2	39	5			1	1	1		45,0

Таблица 29. Национальный состав супружеских пар тофаларов в 2005 г.

Table 29. Ethnicity of Tofalar married couples, 2005

	Тофалары	Коряки	Эвенки	Русские	Украинцы	Татары	Немцы	% смеш. браков
Муж	73			22	1			24,0
Жен	73	1	1	47	2	1	1	42,1

Таблица 30. Национальный состав супружеских пар тофаларов в 2015 г.

Table 30. Ethnicity of Tofalar married couples, 2015

	Тофалары	Коряки	Буряты	Русские	Украинцы	Татары	% смеш. браков
Муж	68			19	1		22,7
Жен	68	1	1	48	1	1	43,3

У мужчин число браков с женщинами иных национальностей росло до 1985 г., но потом их число стало сокращаться. В прошлом смешанных браков у мужчин было в два раза больше, чем у женщин, но доля их у женщин росла быстрее, женщины в этом вопросе уже к 1985 г. обогнали мужчин. И в дальнейшем, в отличие от мужчин, число таких браков у женщин не уменьшалось, а стабилизировалось на показателях выше 40%.

Динамика национального состава супружеских пар тофаларов по отдельным поселкам показывает таблица 31.

Таблица 31. Динамика доли состоящих в смешанных браках мужчин и женщин разных поселков

Table 31. The dynamics of mixed marriages among Tofalar men and women, by settlement

		1966	1985	1995	2005	2015
Алыгджер	Мужчины	35,5	51,6	50,0	40,5	35,3
	Женщины	20,0	55,9	51,5	38,9	47,6
Нерха	Мужчины	31,6	26,3	14,3	11,8	22,2
	Женщины	13,3	26,3	43,8	46,4	51,5
В. Гутара	Мужчины	27,3	28,0	23,5	14,3	11,1
	Женщины	11,1	40,0	42,2	35,7	34,9

Метисация населения

Если доля смешанных браков стабилизировалась, то процент метисированного населения продолжал расти и дальше, так как все чаще в браки, даже однонациональные, вступали лица смешанного происхождения, т. е. дети метисы рождались не столько в смешанных, но и в однонациональных семьях. Доля метисов среди тофаларов приблизилась к 90%, а среди детей — достигла 100% (табл. 32).

Таблица 32. Динамика доли метисов разного типа
Table 32. The dynamics of various types of miscegenation

	Чистокровные	Типы метисов		
		Смешанные с монголоид. народами	Смеш. с монг. и европ. народами	Смеш. с европеоид. народами
1985, чел.	214	25	47	312
%	35,8	4,2	7,8	52,2
1995	202	26	79	374
%	29,7	3,8	11,6	54,9
2005, чел.	148	22	110	385
%	22,3	3,3	16,5	57,9
2015, чел.	83	22	144	414
%	12,5	3,3	21,7	62,5

Чистокровных тофаларов в начале наших исследований было 214 человек, и они составляли 35,8% в составе народа, то сейчас их осталось 83 человека (12,5%).

Из числа лиц смешанного происхождения подавляющее большинство относит себя к тофаларам. В полных смешанных семьях, имеющих детей, в 1985 г. отнесены к тофаларам 96,0% детей, в 1995 г. — 95,5%, в 2005 г. — 79,6 %, в 2015 г. — 85,1 %. Это связано с устойчивостью национального самосознания тофаларов, поддерживаемого также различными льготами, предоставляемых государством тофаларам, как малочисленному коренному народу Севера. В 2005 г. наш опрос показал некоторое ослабление этнического самосознания, в основном за счет метисов с незначительной долей тофаларского компонента в родословной, однако в дальнейшем надежда на государственные льготы вновь сделала тофаларскую идентичность предпочтительной.

Последующие таблицы показывают динамику метисации в каждом поселке тофаларов.

Больше всего доля метисов в Алыгджере, меньше всего в Нерхе, что согласо-

ется с национальным составом поселков. Но динамика изменений однотипна — везде доля метисов быстро нарастает.

Таблица 33. Динамика доли основных типов метисов среди тофаларов п. Алыгджер, по данным опросов, в %

Table 33. The dynamics of major types of miscegenation among the Tofalar population of Alygdzher (survey data), %

	Чистокровные	Типы метисов		
		Смешанные с монголоидными народами	С монголоидными и европеоидными народами	Смешанные с европеоидными народами
1985	32,9	4,8	4,3	58,0
1995	24,4	4,0	6,8	64,8
2005	16,2	3,5	13,2	67,2
2015	6,8	3,4	17,7	72,1

Таблица 34. Динамика доли основных типов метисов среди тофаларов п. Нерха, по данным опросов, в %

Table 34. The dynamics of major types of miscegenation among the Tofalar population of Nerkha (survey data), %

	Чистокровные	Типы метисов		
		Смешанные с монголоидными народами	С монголоидными и европеоидными народами	Смешанные с европеоидными народами
1985	47,5	6,3	9,1	37,1
1995	41,1	6,0	10,7	42,2
2005	33,6	5,4	7,4	53,7
2015	22,6	6,3	12,0	59,1

Таблица 35. Динамика доли основных типов метисов среди тофаларов п. Верхняя Гутара, по данным опросов, в %

Table 35. The dynamics of major types of miscegenation among the Tofalar population of Verkhnyaya Gutara (survey data), %

	Чистокровные	Типы метисов		
		Смешанные с монголоидными народами	С монголоидными и европеоидными народами	Смешанные с европеоидными народами
1985	31,3	2,2	10,7	55,8
1995	27,4	2,3	16,7	53,6
2005	21,2	2,1	23,9	52,8
2015	11,6	1,5	31,1	55,8

О динамике нарастания процесса метисации говорят данные по составу разных возрастных групп. К младшим возрастным группам чистокровных тофаларов практически не остается (табл. 36). Уже в 1985 г. их оставалось всего 7%, а к настоящему времени не осталось вовсе.

Таблица 36. Доля метисов в разных возрастных группах тофаларов в 2015 г.

Table 36. The share of mixed-bloods among various age groups of Tofalars, 2015

Возраст, лет	Чистокровные тофалары	Смешанные с монголоидными народами	Смешанные с монголоидными и европеоидными народами	Смешанные с европеоидными народами
80 и старше	100	-	-	-
70–79	-	50	-	50
60–69	29,3	-	4,9	65,8
50–59	29,6	8,4	11,3	50,7
40–49	24,5	9,5	9,4	56,6
30–39	7,3	3,3	19,5	69,9
20–29	15,6	-	23,8	60,6
10–19	7,3	1,5	34,6	56,6
До 10	-	3,1	25,2	71,7

Метисы — выходцы из смешанных семей тофаларов с соседними сибирскими народами (тувинцами, эвенками, бурятами), внешне практически не отличаются от чистокровных тофаларов, но их немного — чуть более 3%. А выходцы из смешанных семей с русскими и другими европейскими народами, отличаются и внешне. Надо сказать, что европеоидный компонент распределяется среди тофаларов неравномерно, есть европеоиды наполовину (например, из семей, где отец русский, мать тофаларка), на три четверти (отец русский — мать метиска), или на одну четвертую компонента (один из супругов метис, второй — чистокровный тофалар). Об этом говорят данные таблицы 37.

Таблица 37. Динамика доли европеоидных метисов в составе тофаларов
Table 37. The dynamics of increase in the share of Tofalar-Caucasian mixed-bloods

	Доля европеоидного компонента				
	Нет	1/8 и менее	1/4	1/2	Более 1/2
1985	40,0	5,0	10,9	28,4	15,7
1995	33,5	4,4	14,4	29,8	17,9
2005	25,6	6,0	13,5	34,1	20,8
2015	15,8	5,6	18,7	34,7	25,2

От исследования к исследованию нарастает число европеоидных метисов с разными долями европеоидного компонента, причем уже у каждого четвертого европеоидный компонент в родословной превышает аборигенный (25,2% к 2015 г.). В таблице 38 показано, как европеоидный компонент нарастал все эти годы от старших возрастных групп к младшим.

Таблица 38. Доля европеоидных метисов в разных возрастных группах тофаларов в 2015 г., в %
Table 38. The share of Tofalar-Caucasian mixed blood in various age groups of Tofalars, %

Возраст	Доля европеоидного компонента			
	Нет	Менее 1/2	1/2	Более 1/2
80 и старше	100	-	-	-
70–79	50	-	50	-
60–69	29,3	21,9	41,5	7,3
50–59	38,0	18,3	39,5	4,2
40–49	34,0	17,0	41,5	7,5

30–39	10,6	27,6	33,3	28,5
20–29	15,6	25,7	37,6	21,1
10–19	8,8	26,5	29,4	35,3
0–9	3,1	25,2	31,5	40,2

К 2015 г. среди детей суммарный компонент европеоидности преобладает над монголоидным, то есть большинство детей внешне стали больше походить на русских.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что среди тофаларов идут процессы, которые характеризуются следующими показателями. Сокращение естественного прироста и выезд за пределы этнической территории могли бы значительно уменьшить численность тофаларов, но эта убыль компенсируется высоким уровнем тофаларской ориентации метисированного населения. В результате рост числа тофаларов сменился стабилизацией. Сохраняется и доля тофаларского населения среди жителей поселков, тофалары составляют более половины населения Тофаларии. Однако что касается языка, можно констатировать его стремительный уход из жизни народа, здесь процессы однолинейны — с каждым десятилетием языковой показатель быстро приближается к нулю, по мере смены поколений. В связи с ограниченным количеством инонационального населения, количество смешанных браков перестало расти, и даже начало сокращаться, однако оставаясь на остаточном высоком уровне. В результате быстро нарастает доля этнически и антропологически смешанного населения в составе тофаларов, в младших возрастных группах практически все тофалары — метисы.

Тофалары быстро и необратимо превращаются в группу русскоязычных метисов, но с устойчивым особым национальным самосознанием. Сохранению в качестве особой этнической единицы способствует незначительное количество пришлого населения, устойчивая связь коренного населения с таежными промыслами, государственная поддержка малочисленных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кривоногов, В. П. (1987) К современной этнической ситуации в Тофаларии // Советская этнография. № 5. С. 81–90.

Кривоногов, В. П. (1988а) «Демографический взрыв» у тофаларов // Историография и история изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск. Вып. 2. С. 23–24.

Кривоногов, В. П. (1998b) К методике изучения этнических и культурных про-

цессов в Тофаларии // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов / отв. ред. В. П. Корзун. Омск: ОмГУ. 183 с. С. 159–166.

Кривоногов, В. П. (1998) Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета. 320 с.

Кривоногов, В. П. (2008) Тофалары: Три шага в будущее. Красноярск: КГПУ имени В. П. Астафьева. 198 с.

Рассадин, В. В. (2001) Формирование тофаларского этноса // Вестник Бурятского Научного Центра Сибирского Отделения Российской Академии Наук. № 2. С. 112–119.

Дата поступления: 15.04.2016 г.

REFERENCES

Krivanogov, V. P. (1987) K sovremennoi etnicheskoi situatsii v Tofalarii. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 81–90. (In Russ.).

Krivanogov, V. P. (1988a) «Demograficheskii vzryv» u tofalarov. *Istoriografiia i istoriia izucheniia istoricheskogo opyta osvoeniia Sibiri*. Novosibirsk, vol. 2, pp 23–24. (In Russ.).

Krivanogov, V. P. (1998b) K metodike izucheniia etnicheskikh i kul'turnykh protsessov v Tofalarii. In: *Istochniki i metody issledovaniia sotsial'nykh i kul'turnykh protsessov*, ed. V. P. Korzun. Omsk, OmGU. 183 p. Pp. 159–166. (In Russ.).

Krivanogov, V. P. (1998) *Etnicheskie protsessy u malochislennykh narodov Srednei Sibiri*. Krasnoiarsk, Izd-vo Krasnoiarskogo gosudarstvennogo universiteta. 320 p. (In Russ.).

Krivanogov, V. P. (2008) *Tofalary: Tri shaga v budushchee*. Krasnoiarsk, KGPU imeni V. P. Astaf'eva. 198 p. (In Russ.).

Rassadin, V. V. (2001) Formirovanie tofalarskogo etnosa. *Vestnik Buriatskogo Nauchnogo Tsentra Sibirskogo Otdeleniia Rossiiskoi Akademii Nauk*, no. 2, pp. 112–119. (In Russ.).

Submission date: 15.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Кривоногов В. П. Современные тофалары (опыт интервальных исследований) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/469> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Krivanogov V. P. Tofalars today: an attempt at repeat interval study. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/469> (accessed: ...).

Научная жизнь

Scientist life

**I МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО
ВОЗРОЖДЕНИЮ
ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА, РЕМЕСЕЛ И
ВЕРОВАНИЙ НАРОДОВ
САЯНО-АЛТАЙСКОГО
НАГОРЬЯ (24–27 ИЮЛЯ
2016 г., г. КЫЗЫЛ)**

**1ST INTERNATIONAL
CONFERENCE OF THE
REVIVAL OF APPLIED
ARTS, CRAFTS AND
BELIEFS OF THE PEOPLES
OF SAYAN-ALTAI
UPLANDS
(JULY 24–27, 2016,
KYZYL)**

Зоя К. Кыргыс

Международный научный центр
«Хоомей»

Zoya K. Kyrgys

Khoomei International
Research Center

В статье дан обзор работы Международной научно-практической конференции по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья, направленной на поддержку народно-художественных промыслов, ремесел и прикладного искусства. Конференция прошла в г. Кызыле с 24 по 27 июля 2016 г. Организаторы: Международный научный центр «Хоомей» (г. Кызыл, Республика Тыва), Тувинский государственный университет, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел Республики Тыва. В работе конференции приняли участие ученые-исследователи, в том числе из США и Австрии, исследователи из

This is a review of the International Conference of the revival of applied arts, crafts and beliefs of the peoples of Sayan-Altai uplands, which aimed to provide support for artisan craftwork and other forms of applied folk art. The conference was held in the city of Kyzyl on July 24–27, 2016. It was co-organized by Khoomei International Research Center (Kyzyl, Republic of Tuva), Tuvan State University and the Center for the Development of

Traditional Tuvan Culture and Crafts (Republic

Кыргыс Зоя Кыргысовна — доктор искусствоведения, директор Международного научного центра «Хоомей». Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 7. Тел.: +7 (394-22) 2-33-18, 3-38-97. Эл. адрес: isc.khoomey@yandex.ru

Kyrgys Zoya Kyrgysovna, Doctor of Art Studies, Director, Khoomei International Research Center. Postal address: 7 Lenin St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-33-18, 3-38-97. Email: isc.khoomey@yandex.ru

Республики Тыва (Россия), а также мастера народных художественных промыслов Республики Тыва и Алтай.

На конференции были обсуждены проблемы: историко-культурное наследие народов Саяно-Алтая и проблемы его освоения в современных условиях; преемственность в развитии культуры; традиционные верования тувинцев; возрождение духовной культуры; триада в шаманском мировоззрении; декоративно-прикладное искусство тувинцев. Прикладное искусство содержит специфику национального мировоззрения, объединяющую верования народов Саяно-Алтайского нагорья. Участники конференции дали высокую оценку ведущим мастерам камнерезного искусства, мастерам по изготовлению национальной одежды, инструментов и другим традиционным народным промыслам. При этом были названы проблемы творческого развития мастеров, современного функционирования продукции, актуальности изучения прикладного искусства как отражения духовной культуры.

В рамках конференции прошел Международный симпозиум «Деревянная резьба в творчестве мастеров Центральной Азии». На выставке демонстрировались изделия декоративной росписи, орнаментального искусства, плетения из конских волос и кожаных ремней, скорняжного искусства, художественной обработки материалов, камнерезного искусства и др. На выставке-конкурсе участвовали работы 200 мастеров, на итоговой выставке — 34 конкурсантов.

Приведен список конкретных рекомендаций участников конференции конкретным организациям и ведомствам Республики Тыва для координации работы по поддержке современного прикладного искусства Тувы: Международному научному центру «Хоомей», Министерству культуры Республики Тыва, Министерству образования РТ, Министерству экономики РТ, Министерству труда РТ, Национальному музею имени Алдан-Маадыр.

Ключевые слова: конференция-2016; прикладное искусство; культурное наследие; народы Саяно-Алтая; обзор; резолюция

of Tuva). Among the conference participants were scholars from the USA, Austria, Republic of Tuva (Russia) and expert craftsmen from Tuva and the regions of the Altai.

Discussions at the conference sessions touched such issues as the historical and cultural heritage of the peoples of the Sayans and the Altai and its role in contemporary life; continuity in cultural development; Tuvan traditional beliefs; revival of spiritual culture; the triad in shamanic spirituality; Tuvan applied arts, etc. Applied arts preserve specific features of the ethnic world view common for a number of peoples of the Sayan-Altai uplands. Conference participants highly appreciated the work of the leading master stonemasons, makers of ethnic costume, tools and expert practitioners of other traditional arts. Also discussed were the problems of artistic and professional growth, contemporary uses of applied arts, and the importance of studying applied arts as a reflection of ethnic culture.

The conference also included an international symposium on “Woodcarving in Central Asian crafts”. An exhibition featured decorative and ornamental art, horsehair and leather strap items, stonemasonry, furriery, etc. The contest brought together 200 craftsmen, 34 of whom took part in the final exhibition.

The article lists the recommendations that the conference suggested government agencies of the Republic of Tuva and other institutions should follow to coordinate the support of contemporary applied art in Tuva. Among these agencies and institutions are the regional Ministries of Culture, Education, Economics, and Labor, Aldan Maadyr National Museum, Khoomei International Research Center, etc.

Keywords: 2016 conference; applied art; cultural heritage; people of the Sayans and Altai; review; resolution

С 24 по 27 июля 2016 г. в Кызыле прошла Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья, направленная на поддержку народно-художественных промыслов, ремесел и прикладного искусства. Сегодня, когда духовная, экономическая сферы развиваются особенно динамично, когда происходят серьезные изменения в отношении к традициям, обычаям остро

стоит вопрос о культурном наследии. Какие системы ценностей нужно возродить в дальнейшем? Прежде чем рассматривать принципы развития культуры, необходимо определиться со значением некоторых понятий. Одним из первых встает вопрос о том, как развивать народные промыслы и декоративно-прикладное искусство. А для этого важно делиться опытом. Поэтому основной целью конференции было развитие межрегионального сотрудничества по возрождению и сохранению материальной и духовной культуры, народных тради-

ций, стимулирование интереса современных мастеров, творческих коллективов к изучению культурного наследия народов России.

Организаторами конференции выступили: Международный научный центр «Хоомей» (г. Кызыл, Республика Тыва), Тувинский государственный университет, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел Республики Тыва. Финансовая поддержка была оказана Министерством культуры РФ в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)» и Министерством культуры РТ.

В работе конференции приняли участие ученые-исследователи: Марджори Балзер, профессор Джордтаунского университета (г. Вашингтон, США), Сибгатуллина Ирина Фагимовна, д. п. н., профессор, директор международных программ Института содействия интеллектуальным интеграциям IFIF (г. Вена, Австрия), а также аспиранты, преподаватели университетов, школ, средних учебных заведений, мастера народных художественных промыслов, народные умельцы Республики Тыва. Всего — Всего — 35 чел.

В подготовке к конференции приняли участие: сотрудники Международного научного центра (МНЦ) «Хоомей», сотрудники Тувинского института гумани-

тарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), преподаватели, профессора ТувГУ, учителя школ Республики Тыва и Алтайского края, Республики Хакасия, сотрудники Минусинского краеведческого музея имени Н.М. Мартыанова, заведующие районных отделов культуры (Республики Тыва), художники, мастера декоративно-прикладного искусства.

Докладчиками пленарной части выступили: Хомушку Ольга Матпаевна, д.филос.н., профессор, ректор Тувинского государственного университета (доклад «Традиционные верования тувинцев, вопросы религиозного синкретизма и возрождения духовной культуры»); Марджори Балзер, профессор Джорджтаунского университета, г. Вашингтон, США («Shamanism and Cultural (re) Vitalization»); Сибгатуллина Ирина Фагимовна, доктор психологических наук, профессор, директор международных программ Института содействия интеллектуальным интеграциям IFIE, г. Вена, Австрия («Метод резонансного сотворчества как метод прикладной психологии искусства»); Конгу Аржаана Алексеевна, научный сотрудник МНЦ «Хоомей» («М. Б. Кенин-Лопсан — все-

мирно известный ученый-шамановед»); Мижит Людмила Салчаковна, к.ф.н., ученый-секретарь ТИГПИ («Триада в шаманском мировоззрении»); Расташенова Людмила Васильевна, сопредседатель Регионального штаба ОНФ в Республике Хакасия, руководитель рабочей группы «Образование и культура как основы национальной идентичности» Регионального штаба ОНФ в Республике Хакасия, Председатель Общественной организации Хакасской республиканской профсоюзной организации Российского профсоюза работников культуры в г. Абакане («Народное творчество как фактор сохранения народа»); Чернышева Вера Геннадьевна, заведующая издательским отделом Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова («Коллекция ритуальных предметов шаманов Минусинского краеведческого музея в новом издании “Шаманизм и этнореальность”»); Параева Светлана Анатольевна, учитель истории, истории Горного Алтая, обществознания МБОУ «Купчегеньская средняя общеобразовательная школа (Сохранение верований и традиций алтайского народа в современных условиях в контексте взаимодействия народов Саяно-Алтайского нагорья»); Кыргыз Зоя Кыргызовна, д. иск., директор МНЦ «Хоомей» («Шаманизм как часть тувинской идентичности»); Бичелдей Ульяна Павловна, доктор (PhD) религиоведения, руководитель отдела маркетинга и коммуникаций ТИГПИ («Древнейшие истоки культа неба у тюрко-монгольских народов»); Адыгбай Чечек Ондаровна, к.филос.н., доцент кафедры философии ТувГУ («Доброта и сердечность по отношению к другим — основа традиционной духовной культуры (воспоминания об отце)»); Норбу Лариса, Тува, мастер.

В рамках конференции также прошел Международный симпозиум «Деревянная резьба в творчестве мастеров Центральной Азии». На выставке прикладного искусства были представлены такие направления, как декоративная роспись, орнаментальное искусство, плетение из конских волос и кожаных ремней, скорняжное искусство, художественная обработка материалов, камнерезное искусство, народный образ в современной интерпретации, сувенирная продукция; интересно и необычно были показаны преемственность традиций в народном искусстве, шаманский образ в традиционном исполнении. Диапазон этих работ большой — от культуры, религии и до прикладного искусства, в частности серебряного дела.

На выставке-конкурсе свои работы представили 200 участников, на итоговой выставке были представлены работы 34 конкурсантов и еще одного участника вне конкурса. Председатель жюри — Баранмаа Александр Насович, скульптор, член Союза Художников Росси, Председатель Правления Тувинского Регионального объединения ВТОО «Союз Художников России». Члены жюри: Кочаа Сергей Хо-мушкуевич, народный мастер Тувы, член Союза художников России, Заслуженный художник Республики Тува; Сат Кенин Кудуш-оолович, народный мастер Республики Тыва; Дондук Тойбухаа Хертекович, народный мастер Республики Тыва; Кыргыз Зоя Кыргызовна, доктор искусствоведения РФ; Расташенова

Людмила Васильевна, руководитель рабочей группы «Образование и культура как основы национальной идентичности», Председатель Общественной организации Хакасской республиканской профсоюзной организации Российского профсоюза работников; Денисов Иван Алексеевич, научный сотрудник МНЦ «Хоомей»; Параева Светлана Анатольевна, учитель истории, истории Горного Алтая, обществознания МБОУ «Купчегеньская средняя общеобразовательная школа»; Бадырғы Марьятта Маадыр-ооловна — заместитель министра культуры РТ; Кошкендей Игорь Михайлович — директор Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел.

В номинации «Камнерезное искусство» победили Монгуш Тарас (Тува), Даш Анатолий (Тува), в декоративной росписи Норбу Лариса (Тува), в орнаментальном искусстве — тоже тувинская мастерица Ооржак Эльвира (она представила интересные изделия, среди которых броши с различными подвесками, длинные тонкие цепи в несколько рядов, бусы, кольца, серьги и другие женские украшения). Монгуш Лира и Лопсан Максим (Тува) выставили лучшую художественную обработку материалов, Норбу Шолбан и Кухаев Вячеслав (Тува) — «Народный образ в современной интерпретации». Лучшую сувенирную продукцию выставил тувинец Монгуш Артыш (дерево), преемственность традиций в народном искусстве показали Дамдын Арат (Тува), Сарыглар Сайзанак (Тува), Урчимаев Станислав (Алтай).

Ассортимент ювелирных изделий был весьма скудным, поэтому организаторы упразднили данную номинацию, и вместо нее ввели другую «Шаманский образ в традиционном исполнении».

Обладателем Гран-при конкурса стал Кухаев Аржан (Алтай). Второе место занял Донгак Хеймер-оол (Тува), третье место занял Одушпай Сергей (Тува).

На конференции обсуждался целый ряд важных, наиболее важных вопросов.

Обсуждены проблемы: историко-культурное наследие народов Саяно-Алтая и проблемы его освоения в современных условиях; преемственность в развитии культуры; традиционные верования тувинцев; возрождение духовной культуры; триада в шаманском мировоззрении; декоративно-прикладное искусство тувинцев.

Источником прикладного традиционного искусства народов Саяно-Алтайского нагорья считаются быт, обычаи и обряды. В традиционном искусстве прослеживаются особенности трудовой и бытовой деятельности. Личности художника в ДПИ вплоть до нашего времени не придавалось большого значения, не считая первых дарганов (кузнецов), которые имели особый статус и считались колдунами. Любое народное искусство является отражением национальной мысли. Прикладное искусство содержит специфику национального мировоззрения, объединяющую верования народов Саяно-Алтайского

нагорья. Участники конференции дали высокую оценку ведущим мастерам камнерезного искусства, мастерам по изготовлению национальной одежды, инструментов и другим традиционным народным промыслам.

При этом выступления сформулировали ряд проблем, связанных с вопросами творческого развития мастеров, современным функционированием продукции, изучением прикладного искусства и верований.

Например, резчики из Кызыл-Тайги выставили этнографические предметы: войлочные — валенки, варежки, мужские пряжки для пояса. В основном они повторяли мотивы женских костюмов, малую пластику. Но массовость изготовления имела и свою отрицательную сторону — качество продукции было низким, практически отсутствовал инновационный подход. В основном мастера копируют ювелирные украшения.

Ювелиры в своей работе зачастую используют полуфабрикаты, изготовленные прокаткой, волочением, штамповкой, заготовки в виде проволочек, лент, полос и т. д. Среди них есть и хорошие работы. Например, ювелирные работы Владимира Салчака из Кызыл-Дага (Тува), потрясающего мастера-камнереза, инструменталиста, философа-историка, табунщика. В изделиях был виден его почерк. Выставил свои работы и легендарный тувинский ювелир Сергей Кочаа из Кызыл-Дага, например, кинжал с композицией древних украшений, тонкой техникой исполнения.

Во все времена народным промыслам были присущи стремление к большой изысканности и утонченности, к разнообразию украшений, отвечающих эстетическим вкусам потребителей. Этим должны заниматься мастера с большим умом и изысканным вкусом. На сегодня формообразование ювелирных изделий в духе национальных традиций становится менее поверхностным, однако еще требует глубокого изучения истории и особенностей традиции, декоративно-прикладного искусства. Изучая культурные традиции, можно совершить невероятные открытия, ведь новое готово явиться из «дедушкиных» сундуков.

Также, по нашему мнению, современное потребительское отношение к прикладным изделиям сужает сакральное значение каждого предмета. Поэтому довольно сложно представить, что истоки современного искусства лежат в далеком прошлом, которое нельзя втиснуть ни в этнографические рамки, и ни в культурные.

В прикладной деятельности в основном предполагают творческую индивидуализацию. Ювелирное искусство, будучи тесно связанным с человеком, подвергается влиянию модных направлений. Отмечается единство решения костюма, образ человека и ювелирных украшений. На фоне этого растет интерес к национальной культуре. Хотелось бы отметить, что мастера должны больше искать связь с прошлым. А не просто наугад философствовать. Надо понять —

изготовленные ювелирные изделия должны нести глубокий смысл. Они должны выполнять как социальную, так и обрядово-религиозную функцию. Приемы и причины формообразования орнаментаций должны помочь человеку лучше узнать свою историю, культуру, а значит, обеспечить преемственность культурного наследия. И по сей день человек производит и использует украшения в своей жизни. Характер пластики ювелирных украшений оказывает на нас сильнейшее воздействие и эстетическое и этическое, так как от костюма и украшений зависит внешний облик человека, его поведение. Поэтому надо знать, что ювелирные изделия являются историческими документами эпохи. Особенно это касается авторского ювелирного искусства и камнерезного искусства, изготовления украшений.

Интерес к прошлому продиктован всесторонней стандартизацией предметов быта. Разнообразные исторические, этнографические находки, техника исполнения должны дать определенную пищу для размышлений. В этой связи, несмотря на то, что с каждым годом появляются новые работы, продолжает проявляться постоянно не очень качественные новые явления, и продают очень дорого свои «шедевры». Например, некоторые мастера-инструменталисты пропагандируют все те же старые модели изготовления инструментов (так называемые гомбоевские). Не пора ли расстаться с этим проектом? Или изменить форму. Хомусы продают с непонятным звуком и конструкцией. А где другие традиционные шесть разновидностей хомуса?

Мы считаем, что есть смысл культурологам экстренно помочь в решении проблем, связанных с сохранением тувинской культуры, и ее развитию. Необходимо дополнительное разъяснение сущности тувинской культуры. Республика Тыва по размерам не очень большая, но весомая с точки зрения культурного наследия. Многие регионы и города, утратившие разнообразные производства, почему-то с удовольствием занимаются продажей искусств Тувы. Например, в киосках г. Абакана, Улан-Удэ, Томска можно часто встретить якобы тувинские сувениры, но созданные мастерами из других регионов.

Как и всякое явление в культуре, отдельные виды промыслов не могут прогрессировать одинаково. Каждое художественное явление развивается по-разному, в зависимости от складывающихся условий. Поэтому, чтобы определить качество того или иного предмета, надо пройти этапы, по которым можно вынести суждение.

Участники конференции приняли по итогам работы форума резолюцию, из которой мы приводим отдельные положения.

Из резолюции Международной научно-практической конференции по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-алтайского нагорья

Участники конференции выработали рекомендации:

1. Международному научному центру «Хоомей»:

- Создать под управлением МНЦ «Хоомей» специализированный Интернет-ресурс, на котором разместить и пополнять фото-видео каталог авторов-мастеров и образцов изделий традиционного декоративно-прикладного искусства народов Саяно-алтайского нагорья с сопроводительными текстами;
- Создать под управлением МНЦ «Хоомей» профильные группы в социальных сетях Facebook и VKontakte для привлечения к взаимодействию молодых мастеров и получения обратной связи;
- Создать под управлением МНЦ «Хоомей» профильный аккаунт в социальной сети Instagram.com и канал на видеохостинге YouTube, где примеры работ и видеофрагменты с мастер-классами и примерами изготовления различных изделий традиционного прикладного искусства;

2. Министерству культуры Республики Тыва:

- Рассмотреть перспективы и развить межрегиональное сотрудничество по возрождению и сохранению материальной, духовной культуры народов Саяно-алтайского нагорья;
- Стимулировать интересы современных мастеров к изучению культурного наследия;
- Объявить грант для обучения молодежи по изучению народных ремесел и промыслов;
- Организовывать серию выставок традиционного декоративно-прикладного искусства (камнерезного искусства резьбы по дереву, других традиционных ремесел) с проведением мастер-классов в регионах Саяно-алтайского нагорья, а так же в крупных культурных центрах, таких как: Санкт-Петербург, Москва, Казань, Новосибирск, Абакан, Владивосток), а так же сформировать выставочный фонд для заграничных презентаций;
- Внести предложения по проведению данной Конференции раз в два года;
- Внести предложение по изданию печатной версии каталога мастеров Саяно-Алтайского нагорья;
- Проводить регулярные семинары для мастеров Тувы всех возрастов с обязательным привлечением мастеров из других республик (в формат 3–7 дней), семинар+мастер класс;
- Рассмотреть возможность возвращения Дому Художника РТ его первоначальную форму;

чального статуса;

- Проработать вопрос о признании с. Кызыл-Даг (Бай-Тайгинский район) статуса «Заповедная зона культуры РТ»;

- Проработать вопрос по внедрению программы грантов и стипендий, по которым мастер по контракту обучает 3–5 учеников.

3. Министерству образования РТ, Министерству культуры РТ, Министерству экономики РТ (совместно):

- Проработать вопрос о создании и внедрении образовательной программы по традиционным видам прикладного искусства в Туве;

4. Министерству культуры РТ и Министерству труда РТ (совместно):

- Рассмотреть возможность поддержки мастеров, в том числе путем введения в классификатор рабочих профессий — новой профессии по профилю декоративно-прикладного искусства;

5. Национальному музею имени Алдан-Маадыр:

- Создать Фонд копий работ выдающихся мастеров — уникальных произведений искусства;

- Ежегодное планировать и проведение выставок декоративно-прикладного искусства;

- Сформировать постоянную экспозицию уникальных образцов-произведений искусства мастеров Тувы и сопредельных регионов Саяно-Алтайского нагорья для проведения регулярных презентаций на различных выставочных площадках по всему Миру;

6. Министерству экономики РТ:

- Изучить опыт Горного Алтая по поддержке народных мастеров через программу поддержки малого предпринимательства;

- Проработать вопрос промышленного производства доступной и качественной сувенирной продукции с брендом Тувы по опыту коренных народов Северной Америки.

Дата поступления: 01.08.2016 г.

Библиографическое описание статьи:

Кыргыз З. К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/470> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Kyrgys Z. K. 1st International Conference of the revival of applied arts, crafts and beliefs of the peoples of Sayan-Altai uplands (July 24–27, 2016, Kyzyl). *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/470> (accessed: ...).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Моллеров Н. М.</i> Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской Народной Республике в 1920-е гг.	5
<i>Дацышен В. Г.</i> Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике как уникальный опыт российского регионализма.....	19
<i>Отрощенко И. В.</i> Сангха в контексте государственной политики Тувинской Народной Республики	34
<i>Монгуш Б. Б.</i> Герб Тувинской Народной Республики 1935–1939 гг.: отражение в символике традиционных космологических представлений тувинцев	54
<i>Хертек Л. К.</i> Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики	65
<i>Татаринцева М. П.</i> Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики.....	82
<i>Орус-оол С. М.</i> Тувинский фольклор периода Тувинской Народной Республики	91
<i>Сузукей В. Ю.</i> Становление и развитие авторской песни в Туве (1921–1944 гг.).....	105
<i>Бичелдей К. А.</i> Коллекция тувинских марок 1926–1943 гг. в фондах Национального музея Республики Тыва и перспективы развития тувинской филателии.....	114

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

<i>Кривоногов В. П.</i> Современные тофалары (опыт интервальных исследований)	122
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ (СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ)

<i>Кыргыз З. К.</i> I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл)	146
---	-----

CONTENTS

HISTORY

<i>Mollerov N. M.</i> Soviet diplomats and Comintern representatives in People's Republic of Tuva in the 1920s	5
<i>Dazishen V. G.</i> Russian autonomous labor colony in the People's Republic of Tuva as a unique case of Russian regionalism	19
<i>Otroshenko I. V.</i> The sangha and the politics of People's Republic of Tuva	34
<i>Mongush B. B.</i> Elements of traditional Tuvan cosmology in the state emblem of the People's Republic of Tuva, 1935-1939	54
<i>Hertek L. K.</i> Tuvan-Mongolian relations and links under the People's Republic of Tuva	65
<i>Tatarinseva M. P.</i> Old Believers in Tuva at the beginning of the 20th century and under People's Republic of Tuva.....	82
<i>Orus-ool S. M.</i> Tuvan folklore in the years of People's Republic of Tuva	91
<i>Suzukey V. Yu.</i> The rise of author-performed song in Tuva (1921–1944)	105
<i>Bicheldey K. A.</i> The collection of Tuvan stamps (1926–1943) in the National Museum of the Republic of Tuva and the prospects of philately in Tuva.....	114

NOMADS OF THE ASIAN CONTINENT

<i>Krivosnogov V. P.</i> Tofalars today: an attempt at repeat interval study	122
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kyrgyz Z. K.</i> 1st International Conference of the revival of applied arts, crafts and beliefs of the peoples of Sayan-Altai uplands (July 24–27, 2016, Kyzyl)	146
---	-----

«НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ»

Электронный журнал

Главный редактор - Ч. К. Ламажаа

111394, г. Москва,

ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 16.

Московский гуманитарный университет,

Институт фундаментальных и прикладных исследований.

«НИТ» № 3 2016 г. подписан к публикации 21.08.2016 г.

Объем - 10 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

www.tuva.asia